

The image features two objects on a white, wrinkled fabric background. On the left is a large knife with a handle shaped like a parrot, facing upwards. The parrot's body forms the main grip, with its wings and tail feathers detailed. The knife's blade is partially visible, extending downwards. To the right of the knife is a revolver, oriented vertically with its handle at the top. The handle is dark with intricate, light-colored engravings. The revolver's trigger, hammer, and other mechanical parts are visible. In the top right corner, there is a small black circle containing the white text "18+".

18+

Кае де Клиари

Рарок и Леса

Кае де Клиари Рарок и Леса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42758925

SelfPub; 2019

Аннотация

Герои могут спасти мир или потрясти его удивительными подвигами. Дети героев норовят переставить мир с ног на голову и тоже наделать подвигов. А на что способны внуки героев? Конечно, всё перебаламутить, ещё несколько раз перевернуть мир, спасти его, наделать подвигов и... правнуков.// Это третий роман из цикла "Огненные королевы" в котором "куролесит" уже третье, (и далеко не последнее), поколение героев, не знающих страха, цепей и условностей всем привычного мира. Но и первые два поколения всегда готовы показать, что значит быть истинными героями!

Содержание

Глава 1. Роковая оплошность	6
Глава 2. Где ты, тварь?	11
Глава 3. Стальной охотник	13
Глава 4. Ты не монстр!	25
Глава 5. Бежать на помощь	28
Глава 6. Ты же человек	30
Глава 7. Вот это подойдёт !	33
Глава 8. Не робот	34
Глава 9. Благословение воде!	40
Глава 10. Кошмар смельчака	46
Глава 11. Чемпион арены	50
Глава 12. Странный рыцарь	53
Глава 13. Прерванный бой	59
Глава 14. Спиной к спине	63
Глава 15. Благословение мылу	70
Глава 16. Лик учителя	78
Глава 17. Дебошир	88
Глава 18. Значит, призрак	95
Глава 19. Проба есть проба	100
Глава 20. Шаг до свободы/смерти	103
Глава 21. Раненая душа	116
Глава 22. Проба снова	119
Глава 23. Не пропустить веселье	123

Глава 24. Возвращение к Золасу	127
Глава 25. Кто человечнее?	132
Глава 26. Как же всё достало!	138
Глава 27. Всё не то	141
Глава 28. Знакомые глазки	153
Глава 29. Это твой дед	154
Глава 30. Птица спасения	167
Глава 31. Вместе лучше	172
Глава 32. Уроки для малыша	199
Глава 33. Неплохой слух	208
Глава 34. Так в чём же дело?	216
Глава 35. Странная тишина	234
Глава 36. Пусть горит!	237
Глава 37. Кажется это люди	241
Глава 38. Он, что, кусается?	243
Глава 39. Давайте всё обсудим	245
Глава 40. Недоразумение	251
Глава 41. Счастливая жизнь	256
Глава 42. А вдруг она всё-таки...	268
Глава 43. Аллергия на призраков	279
Глава 44. Лихие вести	291
Глава 45. Везунчик	298
Конец ознакомительного фрагмента.	302

*Что пользы, братия мои,
если кто говорит, что он
имеет веру, а дел не имеет?*
Иисус; Евангелие от Иоанна

*Не согрешишь – не покаешься,
не покаешься – не спасешься.*
Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс

Поправьте меня, если я ошибаюсь!
Анджело Проволоне

Глава 1. Роковая оплошность

Вь-жь-жь-жь-жь-жь-жь-жь! Псс-ш-штть! Вс-ш-ш-шь.

Тонкостенная стальная трубка выписывала неровную линию по мраморному полу. Её скребущий звук приятно щекотал слух и нервы Зига, вызывая чувство, которое нельзя было назвать иначе, как сладкой болью. Трубка пела свою заунывную песню, иногда прерываясь, чтобы подпрыгнуть на неровности, издать глухой металлический звук, а иногда почти стихая, когда попадала в очередную лужу засохшей крови.

Перед глазами Зига, что-то мелькнуло, но на такие уловки он не попадался уже очень давно! Он не отпрянул, не бросился вперёд или в сторону. Моментально обернувшись, он на долю секунды увидел совершенно белое лицо с отсутствующим взглядом и улыбкой трупа. Руки всё сделали сами – ствол с глушителем отскочил от пола словно живой, раздалось короткое – "ш-шпок!", и отвратительное лицо взорвалось фонтаном чёрной крови!

На пол медленно и почти бесшумно опустилось тело, у которого уже не было головы. Когтистые руки ещё несколько раз схватили скрюченными пальцами пустоту и замерли навсегда. Зиг поймал себя на том, что теперь он сам улыбается чему-то. Наверное, его улыбка выглядела со стороны такой же жуткой, как у этого монстра, которого он только что от-

правил в Преисподнюю.

Да, пожалуй, он сейчас не на много отличается от здешних обитателей, но это обстоятельство давно перестало его волновать. Зиг снова опустил винтовку стволом вниз и продолжил своё неторопливое движение к убежищу.

"Вь-жь-жь-жь-жь-жь-жь! Джинь! Псс-ш-шть! Джинь, джинь! Вс-ш-ш-шш", – пела стальная трубка глушителя, которая к тому же выполняла роль защитного кожуха, оберегающего ствол от ударов. Зига не смущало то, что его оружие, и он сам сплошь забрызганы кровью. Это ему даже нравилось. Он давно бросил чистить одежду, а винтовку чистил только изнутри, и теперь она имела весьма обшарпанный вид, зато не выдавала его своим блеском.

До убежища оставалось лишь два поворота. Там его никто не потревожит – дверь в тесное помещение такая, что не по зубам даже самому матёрому из чудовищ. Её не взять, наверное, и крепостным тараном! Там Зиг хранит всё своё скудное имущество и весь свой богатый арсенал.

Да, у него нет привычки выбрасывать, даже безнадёжно сломанное оружие. Дробовик со стволом, развороченным взрывом, пулемёт, прокушенный насквозь ящероподобной тварью, меч, разлетевшийся на четыре части при ударе о каменный череп тупого, как булыжник, но невероятно сильного голема. Всему есть место в узком чулане, который Зиг не променяет на самые роскошные покои этого проклятого дворца!

А ещё, там есть то, что терпеливо ждёт своего часа. Когда вот эта штурмовая винтовка отслужит своё, он, пожалуй, возьмёт "томми-ган", который сам тщательно отрегулировал и отладил до идеального состояния. Отличное оружие, только не слишком меткое, но зато очень шумное! Тем не менее, монстра средней величины сбивает сразу и с гарантией. С гигантами, правда, приходится повозиться...

Но вот он, первый из поворотов. Скоро будем дома! Ирония заключается в том, что именно здесь, частенько бывает опаснее всего. Монстры давно пронюхали, где его обиталище и повадились делать ему засады при входе и при выходе из убежища.

Хорошо ещё, что с интеллектом у них туговато. Хитрость есть, а ума нет! Вот сейчас, наверное, кто-нибудь с аршинными клыками или длинными, толстыми щупальцами прячется за поворотом в тёмной нише, в которую стрелять не с руки, а бросить гранату может оказаться себе дороже.

Зиг напрягся и прыгнул вперёд, делая кувырок через плечо и на ходу включая тактический фонарь. Яркий луч электрического света упёрся в серый камень пустой ниши. Никого? Странно! В прошлый раз здесь был, какой-то гад с зазубренными косами вместо рук, и у него почти получилось – хибиновый клинок едва не задел кончик носа Зига, но в следующий миг очередь, выпущенная в упор, отбросила монстра к стене, где он и замер, издавая предсмертное бульканье.

Острая боль в правой лодыжке прервала его размышле-

ния. Зиг взглянул вниз и похолодел от ужаса! Как он мог быть так беспечен? Мелкая щетинистая дрянь, отдалённо напоминающая ежа, но без глаз и конечностей, вцепилась острыми, как иглы, зубами ему в сапог и прокусила толстую кожаную броню вместе с живой плотью!

Рука невольно потянулась сорвать эту тварь, но Зиг вовремя остановил себя. Нет, так нельзя! Эта мелочь ядовита снаружи и внутри. Здесь надо действовать по-другому! Превозмогая боль, он раздвинул челюсти твари стволом винтовки, засунул его, как мог дальше ей в пасть и нажал на спуск!

Ногу дёрнуло так, что он не удержался от крика, но тварь разлетелась по коридору кровавыми ошмётками, и только несколько зубов осталось торчать в сапоге. Что ж, снова, пусть маленькая, но победа!

Однако боль в прокушенной ноге была, по-прежнему, сильной. Требовалось срочно обработать раны и наглотаться едва ли не всех антибиотиков и противоядий, какие имелись в аптечке, спрятанной в убежище. Нога, наверное, распухнет и будет болеть ещё неделю или две, а это значит, что придётся отлёживать бока и от нечего делать, или полировать большой тяжёлый топор, который он приберегал напоследок. Интересно, а продуктов хватит?

В этот момент внимание Зига привлёк странный шум, доносящийся из-за последнего поворота отделяющего его от убежища. И тут он понял, что попал! Это был ни с чем несравнимый шелест и стрёкот мириадов игл! На него кати-

лась волна точно таких же существ, как то, которое он только что отстрелил от своего сапога!

Вот первые из них выкатились из темноты, а за ними...

Масса стрекочущих, давящих друг друга тварей была настолько велика, что они занимали всю ширину коридора и доходили почти до потолка!

Больше ни о чём не думая, Зиг сорвал с пояса осколочную гранату, выдернул чеку и швырнул гранату в эту живую колючую кашу, а сам развернулся и, что было сил, бросился обратно в лабиринт коридоров, галерей и залов гигантского строения.

Сзади оглушительно ахнуло, и несколько тысяч тонких пронзительных голосов взвизгнули одновременно, но он не остановился и продолжал бежать прочь от своего убежища, прочь от аптечки, от запасов оружия и провизии.

Глава 2. Где ты, тварь?

Леса знала, что его лежище находится где-то здесь. А ещё, она знала, что он крайне опасен. Это был не обычный монстр. Нет, он не был ядовит или особо силен. Согласно предварительной информации, его вообще можно было назвать монстром лишь условно. Якобы он настолько был не похож на всех предыдущих, что совершенно не вписывался в классификацию, но именно это делало его опасным. Это была опасность непредсказуемости, самая страшная опасность, какую можно представить. На этом информация заканчивалась. Но ведь в том-то и весь интерес!

Лёгкий ветерок коснулся затылка Лесы, и она отреагировала раньше, своего собственного сознания. Катана свистнула в руках охотницы и "ветерок" распался на две половины, испуская фонтаны крови.

Леса внимательно осмотрела поверженного монстра. Достаточно крупный, клыки и когти налицо. Ещё секунда и она была бы разорвана в клочья, но это была не *его*, а *её* секунда, и теперь он валяется здесь рассечённый, а она стирает его кровь с зеркальной поверхности своего клинка.

И всё? Что-то подсказывало ей, что это не всё, что она не учла чего-то важного. Собственно, в этом монстре не было ничего особенного. Обыкновенный антропоморфный зомбак без специальных способностей, у которого от всех

чувств остались лишь слабый инстинкт самосохранения и лютый голод.

И тут Лесу осенило – это не он! Но где же тогда *он*? Сзади!

Она резко обернулась, выхватывая пистолеты... Сзади никого не было, но чувство взгляда сверлящего затылок не исчезло, а только усилилось. Страх протянул холодные липкие щупальца к её сознанию, но она сумела взять себя в руки, и вся превратилась в слух и зрение. Где же ты, тварь?!

Глава 3. Стальной охотник

Механикус уже битый час возился с линзой, пытаясь пристроить её на место, но проклятая стекляшка никак не хотела садиться в предназначенные для неё пазы. Пальцы сегодня плохо слушались и даже дрожали. Или это ему просто казалось? Нет, не казалось, пальцы слушались плохо, и с ними надо было что-то делать, иначе в один прекрасный день шарниры заклинит и тогда он станет беспомощным.

С линзами тоже беда – крайне трудно достать подходящие по размеру, а ещё труднее вставить их потом на место. Как назло, эта самая капризная деталь заодно является самой хрупкой, а ведь так хочется загнать её на место ударом кулака! Но нет, этого нельзя делать! Одна ошибка, и долго ещё придётся любоваться на окружающий мир одним глазом, показывающим нормальную картинку, а другим размытую и перевёрнутую.

Механикус ещё раз аккуратно надавил на стекло, одновременно поворачивая его по часовой стрелке, раздался подозрительный хруст, но линза наконец-то влезла туда куда нужно. Механикус придиричиво осмотрел свою работу через зеркало. Вроде бы всё было в порядке, но на всякий случай придётся последить за правым глазом, чтобы эта стекляшка ненароком не выпала.

И, вообще, необходимо не допускать ударов по голове, а

то в прошлый раз от такого удара разошлись контакты, и если бы оперативно не подключилась аварийная система, спрятанная в таком месте о котором никто не догадывается, не бывать бы ему живым! Ржавел бы сейчас, где-нибудь, грудой бесполезного хлама, или торчал бы в качестве пугала, которого не бояться ни крысы, ни монстры.

Ну, кажется всё в порядке. Механикус покачал туда-сюда всеми суставами, сделал несколько пробных прыжков и решил, что можно выходить. Интересно, где на сей раз будет встреча? Только бы не в узком коридоре, а то он терпеть не мог задевать кулаками и локтями о стены, ведь запас деталей не бесконечен, а изготовить новые крайне сложно! Правда, в коридоре легко разбить противника, шарахнув его о ту же стену, но такая удача случается далеко не всегда...

Но вот коридоры пройдены. Механикус вышел в большой, утопающий во мраке зал. Тоже не лучший вариант, особенно если противников несколько. Но и здесь было тихо и пусто. Из этого помещения совсем короткий коридор вёл в зал поменьше, но с очень высоким потолком, делавшим его похожим на колодец. Вот он где!

Монстр стоял в самой середине зала, огромный, как гора, бесформенный и нелепый. Он был вдвое выше Механикуса и раз в пять или семь шире. Антропоморфный, но тяжёлый и гротескный.

Ноги, словно тумбы, короткие по сравнению со всем остальным телом, зато руки невероятной длины. Они не про-

сто достигали пола, они *стояли* на полу, упираясь в него громадными кулаками, и при этом были согнуты в локтях. Грушевидное тело чудовища было широким внизу и сужающимся кверху. Голова росла прямо из плеч, без шеи и напоминала прыщ с какой-то пародией на человеческое лицо.

Итак, тварь, наверняка, медленно передвигается, но удары её кулаков смертельны. Хватит, наверное, лишь один раз пропустить такой удар, чтобы разлететься на кучу винтиков и шестерёнок. А ещё, нельзя давать себя поймать – разотрёт в кулаке или разорвёт пополам...

На этом размышления Механикуса были прерваны. Монстр увидел его! В тот же миг две чудовищные ладони сошлись в оглушительном хлопке, но они поймали лишь воздух на том месте, где только что стоял Механикус.

Да, ещё бы немного и всё! Стальной охотник даже дополнительное ускорение получил от воздуха вытесненного руками монстра!

Итак, стоим высоко на карнизе и любуемся на то, как этот бугай рассматривает пустые ладони!

Механикус тотчас обругал себя последними словами, (мясорубкой!), за легкомыслие! Монстр даже не поднял головы, его глаза просто перетекли на темя и уставились на жертву! И тогда этот громила прыгнул!

Прыгнул со скоростью, не уступающей той с которой прыгал сам охотник! Вот значит, на что способны тумбообразные ноги! Ай, какой просчёт! Но думать над этим было неко-

гда, и Механикус снова взмыл в высоту, за долю секунды до того, как кулак монстра обрушился на стену, сокрушая карниз, где он только что стоял!

Увернулся! Это хорошо! Прыгнул наугад, не рассчитав полёт и приземление! Это плохо!

Приземление было жёстким и шумным. Механикус задел плечом декоративный выступ на другой стороне зала, это заставило его развернуться и впечататься в стену боком, после чего он рухнул с десятиметровой высоты и плашмя приложился о мраморный пол!

Свет на миг погас в его глазах, а когда он снова загорелся, выяснилось, что проклятая линза вылетела-таки из правого глаза! (Не рассуждать!) Ещё не видя монстра, Механикус перекатился в сторону, и вовремя! Удар соединённых рук едва не превратил его в лепёшку! Может, этот здоровяк не настолько туп и медлителен, как показалось сначала, но он всё-таки достаточно предсказуем и все его удары прошли мимо цели! Это хорошо! Но Механикус сам не нанёс ещё ни одного удара! Это плохо! Он жив, это хорошо! Потерял линзу – плохо! (Не рассуждать!)

Кувырок назад и... что есть силы, прикладываемся затылком о колонну! Звон по всему телу и адская боль в голове!.. Но тут Механикус увидел такое, от чего сразу забыл про боль – незащищённый открытый бок своего врага!

Бросок был таким, какой он не совершал со времён своей юности – Механикус превратил своё тело в снаряд, вложив

в удар всю силу!

Он едва не достиг цели. Казалось, монстр лишь слегка пошевелил рукой, но вместо того, чтобы достать мягкий бок, охотник был отброшен ударом каменного локтя!

Вся энергия, которую он думал использовать для атаки, обернулась против него. Механикус снова пролетел через весь зал, кувыркаясь, как кукла брошенная ребёнком, затем он ударился о стену, выбив в ней несколько облицовочных плиток, и, наконец, грохнулся на пол, взбивая фонтаны пыли. Сознание погасло.

.....

Он вдруг увидел начало. Начало себя нынешнего, когда среди холодного и спокойного небытия, что-то негромко щёлкнуло, и он увидел седого человека в кожаном фартуке и круглых очках в золотой оправе. Этот человек помог ему встать, потом взял за руку и повёл за собой.

Механикус шёл неуверенно, даже несколько раз споткнулся, ведь ногами он пользовался в первый раз, как, впрочем, и всем своим телом, но он скоро привык.

Какие это были времена! Он глядел на мир сквозь незамутнённые линзы и учился! Учиться ему нравилось больше всего. Каждый день, нет, каждый час, каждую минуту он узнавал, что-нибудь новое, и это доставляло ему величайшее удовольствие! Прошло всего полгода, а он уже прочёл и выучил наизусть все книги, какие были в университетской библиотеке, а через год мог бы в своей учёности поспорить с

любым из профессоров.

Как им это не нравилось! Как они раздувались от спеси, когда он обнаруживал не только глубокие знания по любому предмету, но и показывал нестандартное решение проблем, которые давно были объявлены неразрешимыми.

В конце концов, они испугались и потребовали уничтожить "эту богопротивную тварь"! Да, так и было сказано. Но тут нашла коса на камень. Выяснилось, что создатель сделал его крайне трудно уничтожимым.

Не то, чтобы это было совсем невозможно, но с этим не смог бы справиться никто из людей, и даже, когда они собирались толпой, всё равно у них ничего не получалось. Создатель наделил его желанием жить и научил сопротивляться уничтожению. Создатель...

Что с ним стало? Механикус не знал, куда он делся, но в один прекрасный день он не увидел своего создателя, и никто ему не ответил, где он и что с ним. Потом его отвели в тесное помещение, где ничего не было, и заперли там.

Он не понимал, что происходит, но ничего не мог поделать – дверь, ведущая в каземат, оказалась такой прочной, что даже ему не под силу было её сломать. На его крики никто не пришёл и, в конце концов, он это оставил.

Шло время. Чтобы чем-то себя занять он многократно повторил всё, что узнал за краткое время своего "отрочества". Затем он тщательно переосмыслил всю имеющуюся информацию, обнаружил, что люди создавшие науку ошибались по

целому ряду вопросов и сделал несколько открытий. Но это всё были теории, проверить на практике он ничего не мог. *Пока* не мог.

Прошло двести тридцать четыре года, пять месяцев и четыре дня. В этом он был уверен, так-как прекрасно помнил каждый день проведённый взаперти. Но вдруг в тишине его темницы раздались шаги и человеческие голоса. Затем слышались звуки, какие могут издавать лишь слесарные инструменты, и дверь с жутким скрежетом распахнулась!

В камеру вошли несколько человек, держащих в руках ярко светящиеся фонари и какие-то неизвестные предметы. Механикус понял, что это было оружие незнакомой ему конструкции.

– Значит это не легенда! – с удивлением сказал один из вошедших. – Любопытно будет посмотреть, что у него внутри.

При этих словах Механикус встал и выразил протест по поводу того, чтобы кто-либо рассматривал его с внутренней стороны без его согласия! Надо было видеть, как шарахнулись от него эти люди! Двое при этом выстрелили из этого своего нового оружия! Одна пуля при этом попала ему в плечо, и даже сделала небольшую вмятинку.

Такого раньше не было, значит, оружие основательно эволюционировало, но это оказалось не самым поразительным из того, что ему довелось тогда узнать и увидеть.

Мир, в который он вышел, так отличался от прежнего,

что он не мог предположить подобных перемен даже в самых смелых фантазиях. Здесь ему нравилось всё! Здесь он не чувствовал себя одиноко, так-как кругом было полным полно самой разной механики!

Но больше всего ему понравились люди. Они больше не боялись его, и после того первого случая в него никто больше не стрелял. Наоборот! Люди восхищались им, пытались его понять, и это ему нравилось! Дошло до того, что он позволил изучить себя изнутри, и для этого его частично разобрали, но не нанесли вреда, а тщательно всё скопировали и собрали обратно.

Как и прежде, он принялся за изучение окружающего мира. Оказалось, что за то время, что он провёл в заточении, знания увеличились во множество раз! Ему приятно было узнать, что ряд его научных открытий и догадок оказались верными. Однако нашлось и такое до чего люди пока не додумались, правда, когда он попытался поделиться с окружающими своими знаниями, к этому отнеслись с недоверием, и он решил оставить большую часть информации при себе.

А потом начались странности. Людям вдруг захотелось попробовать его способности в таких делах, о которых он раньше не задумывался. Иными словами, его решили использовать в военных целях.

Сначала он не отнёсся к этому серьёзно. Он, вообще, не понимал смысл войны, ведь люди и так были смертны, могли появляться на свет только одним путём, а для прекраще-

ния своего существования придумали массу различных способов, хоть в их распоряжении всегда имелся один самый верный и неизбежный способ под названием – "старость"!

Но постепенно Механикус втянулся в изучение военного дела, которое оказалось тоже в своём роде наукой. Он научился убивать. Сначала в теории, а потом и на практике. Понимая ценность жизни, он не был тупым фанатиком в этом вопросе.

Он не мог смириться, например, с тем, что общество, в лице некоторых своих активистов, готово было лечить, холить и лелеять, какого-нибудь маньяка сгубившего десяток детей, потом объявить его "выздоровевшим", чтобы отпустить на свободу. А после того, как он насиловал и убивал ещё десятка полтора, снова помещать его в санаторные условия и представлять к этой нелюди армию докторов.

С такими, у Механикуса был разговор короткий – щелчок стального пальца в лоб, после которого ни одно существо из плоти и крови, живым уже не встанет. Так же он расправлялся и с террористами всех видов, и с обыкновенными бандитами, когда его пробовали для службы в криминальной полиции. А потом его затребовала для своих целей армия. Но тут его ждал ещё один сюрприз.

Оказалось, что людям недостаточно было одного Механикуса. Они захотели, чтобы таких, как он было много! И они решили изготовить побольше его копий, в которых были даже кое-какие усовершенствования. Забегая вперёд, можно

сказать, что это у них не вышло, но зато надолго обеспечило его запасными деталями.

Другим положительным моментом было то, что благодаря новым технологиям он сам внёс некоторые улучшения в свою конструкцию. Самым главным было то, что он смог продублировать своё "Я" в уменьшенном варианте и тщательно спрятать это устройство в своём теле, так, что стал почти бессмертным. А потом случилась катастрофа.

Она произошла не с ним, а с людьми. Люди исчезли. Почти исчезли. Он знал, что кое-кто из них ещё остался, а если хорошенько поискать, то можно найти целые кланы, устроившие себе убежища в лесах, горах и под землёй, но цивилизации, когда-то создавшей его, Механикуса, больше не было.

Зато появились монстры. Первоначально он думал, что это мутации людей и животных, но потом понял – их создаёт чья-то злая, но сильная воля. Монстры принялись нападать на остатки человечества, и тогда он встал на его защиту. Так началась вековая борьба, и то, что происходило с ним сейчас, было её бесконечным продолжением...

.....

Тумбообразная нога монстра опускалась на его голову с неумолимостью прессы. Сознание вернулось за долю секунды до того, как эта тварь нанесла свой многотонный удар. И снова он смог увернуться! И не только увернуться, но ударить в ответ! Стальные пальцы глубоко врезались в живот монстра, но из длинной широкой раны не брызнули потоки

крови.

Так и есть! Жизненно важные органы у этой твари защищает толстенный слой подкожного жира.

Чудовище хлопнуло себя по пузу, словно пыталось согнать комара, и это дало Механикусу ещё одно мгновение, которым он не замедлил воспользоваться.

Отскочив, словно пружина к ближайшей колонне, стальной охотник вновь бросил своё гибкое тело в атаку! На сей раз, он решил ударить врага ногой между выпученных глаз.

Удар! Раздался хруст ломающейся кости, и оба глаза его противника выскочили из орбит! Механикус сделал сальто назад и ловко встал на ноги. Монстр поднёс свои жуткие лапищи к тому, что осталось от его лица, словно собирался молиться, но не закончил движения и рухнул навзничь, огласив пустоту дворцовых залов звуком, с каким обычно разбивается об пол гнилой арбуз.

Механикус перевёл дух. Бой выигран, правда, не без потерь. Кроме линзы, которую он нашёл растоптанной в пыль, в число поломок пришлось включить правую ногу. Давненько ему не было так тяжело, как сегодня! Вот теперь ещё и нога не гнётся. Надо было возвращаться на базу и заняться ремонтом. Хорошо ещё, что бой происходил недалеко от места его обитания, хотя бы не придётся ковылять весь день до мастерской!

Механикусу нечего было больше делать рядом со сражённым монстром, и он отправился домой, размышляя по доро-

ге, что неплохо было бы обзавестись для следующего раза, каким-нибудь оружием. Раньше у него было оружие, но теперь оно всё поломалось, а добыть новое, как-то было недосуг. Нет, пожалуй, он должен заняться этим вопросом вплотную, не всегда же будет так везти, как сегодня!

Размышляя, таким образом, Механикус дошёл до входа в мастерскую. Там его поприветствовали два охранника, как две капли воды похожие на него. Он даже улыбнулся им, ведь общество этих двух копий хоть как-то скрашивало его досуг. Беда была в том, что, повторяя его конструктивно, они не обладали подобным ему разумом! Точнее, они не обладали совсем никаким разумом, но всё же создавали иллюзию компании.

Уже войдя в мастерскую, Механикус остановился в раздумье. Ох, и не любил он делать такие вещи, но выбора не было! Вернувшись, он внимательно осмотрел того стража, который стоял ближе, потом извинился перед ним, как будто тот мог его понять и позаимствовал у него линзу.

Глава 4. Ты не монстр!

– Кто ты?

Глаза, которые смотрели из темноты, выражали не злобу и голод, а боль... много боли! Пистолет не дрогнул в руках Лесы. Его ствол по-прежнему, смотрел между этих глаз, но она задержала движение пальца лежащего на спуске.

– Ты не монстр!

– А ты? – ответила Леса вопросом, хоть и знала, что монстры не умеют говорить.

– Я... был охотником.

Голос из темноты звучал страдальчески-хрипло. Похоже, его обладатель держался из последних сил.

– Был? А сейчас ты кто?

– Я умираю... Подойди, не бойся!

Леса подумала секунду, потом вернула в кобуру пистолет, который держала в правой руке. Левую руку с таким же пистолетом она по-прежнему, прятала за спиной.

Вдруг, узкое пространство коридора озарила вспышка света. Это было так неожиданно, что охотница едва не выстрелила! Но она вовремя сообразила, что это всего лишь электрический фонарь.

– Не бойся! – повторил голос, и в этот момент девушка увидела его обладателя.

С первого взгляда Леса не признала в нём человека. Он

был похож на ворох старого тряпья, среди которого лихорадочно блестели пронзительные глаза. Этот взгляд она почувствовала накануне. А ещё воняло от этого тряпья похуже, чем от иного монстра!

— Там, — говорил незнакомец срывающимся голосом, указывая куда-то в темноту, — там... моё убежище! Там... оружие... патроны... припасы... Забери всё! Возьми себе! Не оставляй... им! Они учатся... они эволюционируют! Возьми карту! Меня... добей! Моя нога... Гангрена... Больно!..

Он протянул ей засаленную, во много раз сложенную бумагу, которая и впрямь оказалась картой. Сделав это, незнакомец закрыл свои воспалённые глаза и потерял сознание. Леса задумчиво посмотрела на него. Добить? Вот ещё! Она почти три месяца не видела живого человека, и убить его, не попытавшись спасти, было бы непростительным расточительством.

Отбросив в сторону брезгливость, девушка приложила руку ко лбу больного, затем пощупала его пульс и, наконец, взрезала то, во что была закутана его нога. Да, это гангрена. И шансов у бедняги очень мало, но она всё же попытается!

Леса сняла с пояса портативную аптечку и аккуратно разложила её содержимое на выступе стены. Один укол и её пациент перешёл из лихорадочного забытья в спокойный сон. Ещё один укол должен остановить проникновение инфекции в организм. (Если повезёт, конечно.) А теперь самое главное!

Она наложила на больную ногу тугой жгут из прочной ве-

рёвки, затем, как могла, обработала выбранное место антисептиком, потом достала свою катану и тщательно примерилась. (Эх, жаль, колено сохранить не получится!)

Клинок молнией сверкнул в свете фонаря, больной дёрнулся, но не проснулся. Отсечённая конечность отвалилась безжизненным куском мяса, и самодеятельная знахарка без лишних церемоний отбросила её в темноту. Пока всё шло удачно.

Глава 5. Бежать на помощь

Механикус ещё раз провёл диагностику всех узлов и остался доволен результатами. Нога ещё послужит, ничего из внутренних систем не пострадало, контакты почищены и затянуты покрепче, линза подошла идеально.

Вот только вид одноглазого двойника удручал. И почему в ту эпоху, когда его пытались скопировать, не удосужились придумать ничего более совершенного и прочного, чем эти ненадёжные линзы? Если так пойдёт дальше, то скоро он останется слепым, и тогда придётся полагаться только на эхолокацию, панорамные сенсоры и кое-что ещё, но это не интересно!

Механикус любил оценивать окружающий мир через оптическую систему восприятия. Потеря зрения не делала его беспомощным, но он не хотел лишаться этого инструмента из любви к эстетике. Из тех же соображений он сделал повязку на глаз окривевшего двойника и повернул его лицом к входной двери, а сам сел играть в шахматы.

Разделив своё сознание, он выиграл пятнадцать партий, восемь раз проиграл и дважды сыграл вничью. Но лишь только он начал новую партию, как на пульте слежения раздался сигнал тревоги и монитор показал картинку с удалённой камеры.

Вот досада! Две битвы в день это, знаете ли, чересчур! В

это время раздался ещё один сигнал, и новая картинка заставила Механикуса вскочить так резко, что шахматная доска со всеми фигурами полетела на пол! Времени собирать их, не было. Времени, вообще, могло не хватить!

Механикус второй раз за сегодня сделал то, чего не любил делать – приказал обоим двойникам бежать за собой, оставив мастерскую без охраны. Но сейчас он не думал об этом. Он думал лишь о том, что зря отложил на потом приобретение оружия!

Глава 6. Ты же человек

– И всё-таки, зачем ты это сделала?

Зиг полулежал, пристроив ещё кровотокающую культю на кучу мусора и с аппетитом уплетал похлёбку из крысы.

– Ты же человек.

Леса уже покончила со своей порцией и теперь с любопытством рассматривала винтовку Зига.

– Это я знаю, но никак не могу взять в толк, зачем я тебе понадобился?

– Чего же проще? Монстров много, людей мало...

– А! Вот оно что! Это всё так, но только, детка, беда в том, что я уже стар, по крайней мере, для тебя стар! К тому же я привык жить один...

– Да не в этом дело! – Леса вспыхнула и покраснела, как свёкла. – Я ушла из общины, чтобы избежать приставаний похотливых самцов и разговоров старших о том, что, дескать, пора послужить делу продолжения рода и произвести на свет пяток ребятишек! Не то, чтобы я была против, но успеется. А уж найти себе здесь мужика, ну совсем не планировала! Тебя я спасла не потому, что ты мне нравишься, а только потому, что ты человек, а человеческие жизни нынче дороги, понял?

– Понял! Только глядя на тебя, я начинаю жалеть о том, что я старый...

– Будешь хамить, не получишь обезболивающее! Кстати, какой ты там старый, под слоем грязи не видно, а вот что двужильный, это факт! Я думала, что ты не выдержишь, а ты ничего так себе, быстро оклемался!

– Да, только вот, что я теперь делать буду? На одной ноге далеко не ускачешь, а в нашем деле скакать надо много и качественно, сама знаешь!

– Знаю. Что-нибудь придумаем. Скажем, отведу тебя в общину. Они примут, не бойся! И работу дадут. За детьми смотреть будешь...

– Да я лучше сдохну!

Это было выкрикнуто с таким неподдельным чувством, что Леса покатила со смеху, а вслед за ней, сообразив, что над ним пошутили, захохотал и Зиг. Вдруг он перестал смеяться и схватил девушку за руку. Она тоже смолкла и прислушалась. Пока всё было тихо, но лицо Зига выражало крайнюю тревогу. Он то и дело раздувал ноздри, глядя в одну точку, будто мог видеть в темноте.

– Ты туда выбросила мою ногу? – спросил он, указывая в дальний конец коридора.

Леса кивнула.

– Надо было отнести подальше, запах привлёк кого-то!

– Ты сам пахнешь не лучше!

– Но меня не так легко съесть, и они это знают! Дай-ка мне мою кралю!

Леса подала ему винтовку, а сама вытащила пистолеты из

кобур.

Глава 7. Вот это подойдёт !

Механикус бежал на пределе своих возможностей. Точнее, он мог бы бежать и быстрее, но многочисленные повороты не давали развить максимальную скорость. Оба двойника следовали за ним, едва не наступая на пятки. Мысленно проигрывая варианты событий, стальной охотник понимал, что сможет успеть едва-едва, а это был плохой прогноз. В таких ситуациях, как правило, многое зависело от непредвиденного стечения обстоятельств, неожиданных случаев, которые могли дать фору во времени, а могли свести на нет все усилия.

Вдруг Механикус остановился так резко, что оба двойника едва не сбили его с ног. То, ради чего он терял драгоценные секунды, стоило, чтобы на него обратили внимание. Вот оно – оружие, которое даст в бою необходимый перевес!

Глава 8. Не робот

Стая! Леса видела такое впервые, хоть и слышала от бывалых охотников о монстрах нападающих стаями. Такие рассказы были весьма редки, возможно, потому, что после встречи со стаей просто некому было об этом рассказывать.

"Ш-шпок!" – сказала винтовка Зига, и здоровенный монстр тупо ткнулся мордой в пол.

"Ба-бах! Ба-бах! – рывкнули пистолеты Лесы, и ещё один зомбак рухнул, вытянув по направлению к ним когтистые руки. И тут монстряки бросились на них всем скопом!

"Фр-р-шпок-шпок!" – Это Зиг переключил своё оружие на автоматический режим, и теперь поливал врагов очередями.

"Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах!" – не отставали пистолеты Лесы. Волна свирепой нечисти откатилась, оставив на поле боя несколько своих собратьев. Охотники перевели дух. Однако расслабляться было нельзя: оба знали – монстры иногда отступают, но никогда не уходят. Они будут нападать снова и снова, пока их не убьют или пока они сами не одолеют свою жертву.

– Ты когда-нибудь сражался со стаей? – спросила Леса, перезаряжая своё оружие.

– Дважды, – ответил Зиг серьёзно. – Оба раза еле справился. В первый раз, когда был сопляком и самым слабым из

троих, попавших в переплёт, зато те двое были непревзойдёнными бойцами, и сделали всё дело. А во второй раз совсем недавно, незадолго до встречи с тобой, да вот, в результате ходуюлю потерял. Правда, это нельзя было назвать сражением...

Леса знала о встрече Зига с тьмой мелких ядовитых монстров, и теперь даже слегка порадовалась, что сейчас они имеют дело с крупными чудовищами. Но в следующую секунду её радость улетучилась, потому, что эти "крупные" снова пошли в атаку!

И снова заговорили пушки, а по полу запрыгали отработанные гильзы. К груде тел на полу прибавились ещё четыре трупа, остальные быстро отступили во тьму.

– У меня два последних магазина, – сообщила Леса.

– У меня вообще два патрона, – отозвался Зиг. – Есть ещё граната и нож, но это мало чем поможет! Слушай, попробуй сбежать! От меня всё равно мало толку, а вдвоём нам не выжить...

– Даже если б захотела, то не смогла бы! – презрительно фыркнула Леса. – Они нас обошли!

Она показала в сторону, противоположную той, откуда появились монстры. Оттуда слышалась какая-то возня и утробно рычащие звуки.

– Ну, тогда...

Следующая атака должна была стать последней. Зомбаки и впрямь выскочили с двух сторон. Два первых сразу рухну-

ли, один под выстрелами Зига, другой изрешеченный пулями Лесы. Девушка отбросила пустые пистолеты и выхватила катану. Сзади раздался двойной рёв человека и монстра, но смотреть, что там происходит, было уже некогда.

Следующее чудовище отступило, пытаясь удержать вываливающиеся из рассечённого живота внутренности. Но тут удача изменила бесстрашной охотнице – очередной монстр появился перед ней так внезапно, что она успела только выставить перед собой руку с мечом, который тут же вошёл в тело противника по самую рукоятку и застрял там!

Монстр с визгом рванулся назад и укатился во тьму, вырвав оружие из рук девушки. Леса поняла, что это конец. Мощные когтистые ручищи вцепились ей в плечи и оторвали от земли. Ещё миг и её разорвут пополам!

Вдруг хватка могучих лап ослабла, и охотница рухнула на пол. От боли у неё всё ещё плавали перед глазами цветные пятна, и потому, то что она увидела, сначала показалось ей игрой больного воображения – монстров атаковали три рослых человека одетых, как она сперва подумала, в стальные доспехи!

Двое из них лупили противников голыми руками, а третий сжимал в руках преувеличенно огромный меч! Этот третий схватился сразу с четырьмя чудовищами, в то время как у первых двух было по одному противнику.

Бой на удивление быстро кончился. Молниеносными движениями "меченосец" рассёк своих врагов на части, рань-

ше, чем они успели что-либо сделать. Двум другим "железным людям" повезло меньше – один безжизненно лежал в объятиях монстра, которому сломал хребет, другой стоял на четвереньках возле поверженного врага и издавал странные вжикающие звуки.

Леса посмотрела в сторону Зига. Охотник сидел, прислонившись спиной к стене, и рассматривал винтовку, у которой был отломан приклад. Рядом валялсядохлый монстр с разбитым черепом.

– Я вынужден принести свои извинения, уважаемые люди! – вдруг заговорил их странный спаситель. – Я задержался на целых пятнадцать секунд, чтобы вывернуть это оружие из руки статуи, изображающей правосудие. Вижу, что вам тут пришлось тяжело, но теперь всё будет нормально. Я вылечу вас и провожу до безопасного места!

– Здорово, Мех! – вдруг сказал Зиг, улыбаясь сквозь спутанную бороду.

– Мы знакомы? – искренне удивился "меченосец".

– Можно сказать и так! Я видел тебя лет тридцать или около того, назад, когда сам ещё был совсем мальчишкой, не помню, сколько лет от роду! Леса, познакомься, это – Мех, мы все так его называли! Он тогда спас не одно поселение от нападения *таких* монстряков, каким вот эти и в подмётки не годятся! В одиночку всех угрохал!

– Вас зовут Мех? – спросила девушка, поднимаясь на слегка дрожащие ноги.

– Моё имя, Механикус! – был ответ. – Люди называли меня Механическим охотником или просто Мехом, потому, что я помогал им в борьбе с монстрами. А вас зовут Леса?

– Да, это моё имя! А вы робот?

– Нет, я человек! *Механический* человек, понимаете? Вот они – роботы. – Механикус указал на своих двойников. – Я, конечно, понимаю, что вам трудно понять разницу, но если не вдаваться в технические подробности, то я разумен и обучаем, а они просто машины с программой заложенной людьми. Но мы заболтались! Надо идти, путь до моей базы не близок, но всё же он короче, чем до ближайшего поселения людей!

.....

Они шли уже довольно долго. Робот, который пострадал меньше, нёс своего поломанного собрата и меч Механикуса. Механикус нёс Зига, и они постоянно о чём-то болтали. Зиг нёс свою разбитую винтовку, которую отказался бросить. Леса несла погнутую катану. Меч не влезал в ножны, и что с ним теперь делать Леса представляла довольно смутно, у неё ведь не было ни кузнечных принадлежностей, ни навыка в этом деле.

Правда, Механикус обещал что-нибудь придумать. Без него она, вообще, не смогла бы вырвать своё оружие из туши убитого монстра. Интересный он, этот Механикус!

Девушка исподтишка разглядывала стального охотника и не переставала удивляться. Собственно стальным его можно

было назвать лишь условно – по большей части он был сделан из металла похожего на бронзу. И с человеком это создание можно было перепутать лишь в горячке боя. Нда, "не робот"!

Встреть она его при других обстоятельствах, наверное, решила бы, что это новая разновидность монстров! Впрочем, о Зиге можно было сказать то же самое. Удивительно, но Леса ни капельки не боялась этого... "не работа"! Он был какой-то, обаятельный, что ли? В любом случае, если бы не его помощь, их с Зигом в это время уже переваривали бы зомбаки. Но вот, что теперь будет дальше?

Глава 9. Благословение воде!

Невольно охнув от боли, Леса сняла второй мокрый сапог, размотала почти чёрные тряпки, заменявшие ей носки, и критически осмотрела свои ноги. Грязные! Стыд и ужас! Хорошо, что никто не видит.

Зиг дрыхнет, наевшись концентратов, с такой блаженной мордой, что завидки берут. Механикус, кажется, занят починкой своих роботов-двойников. Впрочем, кому какое дело? Зиг сам грязный, как чушка, а хозяин здешней базы, хоть и считает себя человеком, но всё же сделан из металла.

Правда, он большой любитель всего прекрасного! Вон, вся его база, которая на поверку оказалось большой слесарной мастерской, совмещённой с таким же большим складом всяких железяк, вся она завешена и заставлена по стенам произведениями искусства, которые он натащил к себе за сотню с лишним лет.

Леса поставила сапоги поближе к тёплому радиатору и там же развесила портянки. Надо бы их постирать, и здесь даже есть такая возможность, но сил уже не было. Когда они пришли сюда, Леса почти падала от усталости. Её едва хватило на то, чтобы съесть банку консервов, которую Механикус вытащил из-под груды железного хлама.

Он долго извинялся, что не может угостить дорогих гостей получше, да и эти банки завалились у него случайно,

ведь лично ему человеческая еда не нужна. Но он обещал, что в ближайшее время достанет, что-нибудь более вкусное и питательное.

Леса была уверена, что он это сделает. Ведь обещал же он поправить её катану и поправил! Правда, он сказал при этом, что здесь нет никакого фокуса – клинок у этого меча из простых, дешёвых и привести его в порядок не сложно. Ну и ладно! Дешёвый он или нет, она рассекла этим мечом не один десяток врагов, и теперь приятно было снова ощущать его тяжесть у пояса. К тому же, катана на самом деле не её, а мамина, хоть мама это оружие давно уже отдала дочке "играть".

Как ни устала Леса за сегодняшний день, спать она почему-то не могла, а лежать, глядя в потолок, было скучно. Поэтому охотница встала со своего импровизированного ложа, взяла – было в руки катану, но потом положила её обратно. (Зачем таскать оружие, когда ты в гостях у друга?)

Пистолеты были тем более бесполезны – патроны кончились ещё тогда, когда их с Зигом чуть не съели. Правда, Зиг говорил, что у него таких патронов много, но его убежище было далеко, а её временное логово ещё дальше.

Леса вышла из своего угла и оглядела мастерскую. Механикуса не было. И впрямь, что ли отправился за едой? Даже меч свой не взял, вот он лежит на верстаке у входа.

Девушка подошла к этому чудовищному оружию и попыталась приподнять его обеими руками. Ей удалось лишь

слегка оторвать рукоять меча от поверхности, на которой он лежал, и она тут же опустила его обратно. Тяжёлый, как чугунная рельса!

Ну и силища у этого Механикуса! По пути до базы он показал им статую, которая прежде держала меч. Она была отлита из бронзы, высотой в полтора человеческих роста, но меч, как впрочем, и весы в другой руке, были стальными. Заказчики этой статуи не пожалели средств на её создание. Это изваяние должно было по их задумке внушать трепет и уважение, поэтому ему в руки и было дано настоящее кованное, острое оружие, которое впрочем, не под силу было поднять обыкновенному человеку.

– Посеку вас всех не глядя, взвешу ваши потроха! – прокомментировал тогда Зиг это изображение правосудия. – Слышали мы про тогдашнее правосудие и нынешнее понюхали, нда!.. Да чего там говорить, те, кто поставил здесь эту слепую бабу, довели наш мир до катастрофы! Они и монстров наплодили, тьфу...

При этих словах он сплюнул в сторону "правосудия" и отвернулся. Леса плоховато представляла себе мир, каким он был прежде, поэтому она не всё поняла из слов Зига. Впрочем, её мало интересовали исторические проблемы. Выжить сейчас, вот было главной задачей всех обитателей мира нынешнего. Таким она этот мир знала, и он её таким вполне устраивал. Вот только бы достать патронов!

Девушка пошла дальше, с любопытством разглядывая

обиталище стального охотника. Собственно, всё здесь предназначалось для поддержания его механической жизни. Вдруг в дальнем углу мастерской она заметила нечто такое, что заставило её сердце забиться от радости!

Это был шкаф с книгами! Леса обожала книги. Она прочла все, какие удалось достать ещё в родном "Междустенье", а когда стала жить самостоятельно, то собирала их, где только могла.

Дрожащими от возбуждения руками она открыла дверцу шкафа и потянула с полки толстый тяжёлый том с золотой надписью на корешке.

– Станешь паяльником в эту ерунду и стрелок из тебя будет никакой! – внезапно раздался над ухом голос, от которого она чуть не выронила книгу.

Леса обернулась. У неё за спиной, опираясь на импровизированный костыль из необработанной доски, стоял Зиг и улыбался щербатой улыбкой. В сочетании со спутанной бородой это производило сильное впечатление.

– Да ладно! Не делай такое лицо, я пошутил!

Пошутил! Однако ничего себе! Одноногий, а подкрался так, что она его совершенно не услышала.

– Что ты делаешь? Тебе же нельзя много двигаться! – говорила ему Леса, поставив книгу на место.

– Вредно – не вредно, а отлить надо! – парировал Зиг. – Хорошо, что у нашей умненькой железяки тут ещё сортир имеется в рабочем состоянии. Паутины там много, но всё,

что надо до сих пор функционирует. Кстати там ещё душ есть.

– Душ?

Глаза девушки загорелись! В последний раз она мылась в замусоренном фонтане, где на дне чаши осталось немного ржавой воды, а сверху текла тоненькая струйка. И было это недели три назад.

– Показывай, где это?!

Да, там действительно всё работало, но выглядело так, словно этими удобствами лет сто никто не пользовался. Впрочем, судя по всему, так оно и было. Леса не была специалистом по уборке, и теперь озадаченно чесала в затылке, глядя на многослойные занавеси из паутины.

– Возьми щётку на длинной палке! Вон там, в углу стоит! – поучал её всезнающий Зиг. – Теперь ткни щетиной в эти заросли и крутани палку пару раз, вот так! Молодец! Отлично! А теперь снимай эту грязь со щетины рукой и бросай во-он в то ведро. Видишь, всё получается!

Занятие оказалось малоприятным, но не сложным, и вскоре санузел приобрёл более или менее приличный вид. Тогда Леса выпроводила из душевой, плотоядно ухмыляющегося Зига, нашла среди обтирочных концов Механикуса старенькую, но чистую простынь с казённым штампом в углу и, наконец-то, вошла под воду.

О, наслаждение от прикосновения воды! О, радость очищения! И пусть растрескавшееся мыло, столетней давности,

рассыпается под пальцами! Пусть вода ощутимо отдаёт привкусом железа! Это всё ерунда! Леса не испытывала ничего подобного с детства, но там в их поселении, устроенном в узкой щели между двумя толстенными стенами, бывшими когда-то частью крепости, взорванной во время последней войны, там душ был самодельным, и вода в нём, нагретая лучами солнца, едва орошала страждущее тело, а здесь!..

Здесь вода хлестала тугими струями, впивалась в кожу жгучими стрелами, щекотала и ласкала! Леса стояла под этим великолепием и думала, что по доброй воле не выберется отсюда никогда!

Глава 10. Кошмар смельчака

Самым страшным было не то, что он не мог двигаться, а то, что в этом не было смысла!

Рарок стоял в центре круга, на каменном возвышении, имеющем форму диска. Ровная площадка была огорожена высокой чугунной решёткой, наподобие ограды, какая применялась когда-то в далёком прошлом при строительстве парков. Рарок мог бы с лёгкостью перелезть через эту решётку, но это было бы бесполезно, так-как по всей округности за оградой стояли *они*.

Кем или чем они были? Этого Рарок не знал. Монстры? Демоны? Возможно, но скорее всего ни то, ни другое, а что-то ещё хуже! Они напоминали людей, на них можно было даже угадать какую-то одежду, но лица были не видны, а может, у них совсем не было лиц.

И всё же Рарок знал – они смотрят на него! Смотрят без лишней злобы и ярости, но с уверенностью голодного оценивающего еду в миске. Да, их безглазые взгляды выражали голод. А ещё, они стояли парами, едва ли не держась за руки.

Зачем это? Может перед ним мужчины и женщины? Нет, этого нельзя было разобрать, да и какая разница? Прикосновение к любому из них означало мгновенную смерть без мучений, однако Рарок предпочёл бы долгие предсмертные страдания в зубах любого чудовища принадлежащего миру

живых существ этому "милосердному" переходу в небытие.

Да, те, что сейчас смотрели на него из-за ограды, не были живыми. Их даже нельзя было назвать существами. Это были лишь оболочки, а внутри них... Рарок мог видеть то, что было у них внутри! Они не были прозрачными, на них не было видно ни прорех, ни разрезов, но он ясно видел то, что скрывалось внутри этой нежити. Там была Пустота! Не пустое пространство, а абсолютная, мёртвая пустота полного небытия, от близости которой веяло чем-то мерзким и нечистым. И эта пустота желала его! Желала так, что это плотоядное желание без единого звука гремело оглушительным набатом, разрывающим человеческое сознание!..

Рарок оглянулся. Что-то заставило его оглянуться, ведь не раздалось ни звука, и ни одна из теней не всколыхнулась в этом лишённом движения месте. Одна из тех пар, что находились за его спиной, стояла теперь по эту сторону ограды. Они не бросились к нему, не сбили с ног, не вцепились острыми зубами в горло, они вообще ничего не сделали, но ему показалось, что ледяная волна ужаса, которая накрыла его, исходит именно от них!

Рарок тут же посмотрел в другую сторону, инстинктивно ища путь к спасению и... увидел, что прямо перед ним стоят ещё две кошмарные пары. При этом ближайшая пара стоит на расстоянии вытянутой руки. Он не стал смотреть влево и вправо, так-как знал – они уже здесь, повсюду, кругом, и движение в любую сторону приведёт к его гибели.

Неужели всё? Значит всё напрасно? Его личность, его мир, его опыт, знания, сокровища его души, всё будет уничтожено, стёрто, потеряно навсегда! Почему так случилось? Была ли в этом его вина или чья-то злая необоримая воля? Неужели никто не поможет ему? Неужели не осталось ни в этом, ни в каком-либо другом мире никого кто захотел бы и смог вытащить его отсюда, выручить, найти и спасти?

Вдруг нежить отпрянула. Всего лишь на шаг, но это было так много, что Рарок почувствовал странный и непонятный душевный подъём, хотя радоваться пока было нечему. Что же дальше? И что заставило их отступить? Он не понимал, но почему-то был уверен – сейчас произойдёт, что-то очень для него важное, что-то хорошее и большое!

Мягкая, нежная, тёплая волна накрыла его, словно невидимое одеяло и от этого тепла он вдруг почувствовал, *как* ему только что было холодно! Нежить отступила ещё на один шаг, и хоть он даже не видел движений этих порождений тьмы, было понятно – враг бежит в панике!

Рарок вдруг почувствовал, что он взлетает, точнее его увлекают, поднимают вверх, словно он стоит на огромной невидимой ладони! Он взглянул вниз и увидел, что мрачные, человекоподобные тени подняли головы и провожают его своими, полными ненависти, безглазыми взглядами. В последний раз он ощутил, как ледяные липкие щупальца ужаса тянутся к нему, словно пытаясь вернуть обратно.

Тут он понял, что если поддастся этому чувству, то у сил

тмы появится солидный шанс овладеть им снова! Призрак паники мелькнул перед ним, но он прогнал этого союзника тёмных сил, собрал всю свою волю и извлёк из душевного арсенала самое мощное оружие, самую надёжную броню, какая только была у него для отражения атак на живую человеческую душу – спокойное холодное презрение. Теперь он не боялся, он презирал! Презирал Зло, презирал Смерть, презирал нечисть, оставшуюся далеко внизу и исходящую сейчас беззвучными, бессильными воплями злобы и отчаяния. Он больше не смотрел вниз и не думал о том, что там осталось, он летел вверх! И чем выше он поднимался, тем быстрее был его полёт!

Глава 11. Чемпион арены

Рарок резко сел на кровати и уставился невидящими глазами в темноту. В его просторной комнате было довольно тепло, но сейчас он почувствовал, как по лицу и по всему телу обильно струится холодный пот. Опять тот же сон! Опять он увидел себя беспомощным перед жуткими созданиями тьмы, и опять его спасла неведомая и невидимая сила.

Рарок нащупал в темноте зажигалку, лежащую на прикроватном столике, и крутанул маленькое зубчатое колёсико. Крохотный огонёк приветливо затрепетал в ладони, и ему захотелось, чтобы огня стало больше.

Рарок зажёл стоявшую под рукой свечу, а затем встал и запалил дрова, заранее сложенные в камине. В комнате сразу стало уютно, но этого было мало! Тогда он взял подсвечник и, не одеваясь, прошёл в оружейную, находящуюся рядом со спальней. Там он зажёл ещё несколько свечей, и их огоньки тут же размножились и заиграли на полированной поверхности доспехов, расставленных вдоль стен.

Словно полководец вдоль строя солдат, он прошёл от первого из них до последнего, любуясь прекрасной работой неведомых мастеров прошлого. Здесь же стояло зеркало, занимавшее пол стены. Подойдя к нему, Рарок остановился.

Этому телу доспехи не требовались. Точнее, он почти никогда их не одевал. Ему было легче сражаться полуголым,

одетым лишь в броню собственных мускулов. Рарок оглядел свои мощные руки, способные раздавить человеческую голову, ноги, привыкшие нести тело хозяина в беге без усталости в течение суток, могучий торс и плечи, покрытые рельефными буграми, переходящими в мощную шею.

Да, его телу завидовали многие, и почти все считали его безмозглым, тупым гладиатором. Впрочем, откуда им было знать, каков он на самом деле?

Сухое старческое покашливание отвлекло его от этих мыслей. Рарок обернулся, перед ним стоял старый слуга, почти согнутый пополам, так что его фигура словно застыла в выражении почтительности. Однако Рарок знал, что тут дело не в раболепном к нему отношении, а в застарелом артрите, который уже давно преследовал старика. Тем не менее, он снова не услышал его шагов.

"Старый, а ходит, как кошка!" – подумал воитель. – "Видно бывшие привычки и навыки будут с ним до конца".

– Что ты поднялся так рано, Лозас? – спросил он вслух.

– Услышал, что вы ходите, молодой господин! – прошептал тот в ответ. – Вижу, вам не спится накануне боя. Это плохо, надо отдохнуть...

– Не беспокойся, старина! Ты же знаешь, что мне нет равных!

– Равных может и нет, но неизвестно, когда вдруг объявится тот, кто окажется лучше или удачливее!

– Это может случиться и тогда, когда я выплусь, а может

вообще никогда не случиться. Зачем же об этом беспокоиться. Иди к себе и не волнуйся насчёт меня. Завтрашний бой я не проиграю!

Старик ушёл, ворча что-то под нос. Рарок ещё раз взглянул в зеркало и тяжело вздохнул. Он соврал. В завтрашнем бое он вовсе не был уверен. Но успокоить старика было необходимо, ведь тот уже многие годы только и жил заботой о нём. Да и слушать его воркотню, когда у самого душа не на месте, то ещё испытание!

Однако нос вешать было рано. Рарок не преувеличивал, когда сказал, что ему нет равных. По крайней мере, не было до сих пор. Хотя завтра, возможно, всё будет по-другому...

Глава 12. Странный рыцарь

Рарок был готов к вспышке яркого света, но всё равно зажмурился, когда утреннее солнце ударило в глаза развесёлыми ослепительными лучами. После мягкого полумрака внутренних помещений, арена Большого Цирка сверкала, как начищенный щит, и это сияние больно резало глаза. Но были здесь и свои преимущества – при умелом ведении боя можно было развернуть противника лицом к солнцу, а это всегда давало дополнительный шанс на успех. Поэтому Рарок больше любил драться на свежем воздухе, чем в закрытом зале под лучами прожекторов.

Ослепления было мало. Его поклонники решили, что их любимцу полезно будет ещё и оглохнуть, и потому встретили его жутким рёвом. Как они старались! Некоторые не ограничивались тем, чтобы драть собственную глотку и всю дудели в какие-то хриплые или пронзительные трубы.

Больше всего ему сейчас хотелось взять кого-нибудь из этих "трубачей" и вставить ему его проклятую дудку в... Но, вместо этого, он приветственно вскинул руки, в которых уже держал меч и щит, и невольно стиснул зубы, когда толпа на трибунах взревела ещё громче. Его мимику никто не заметил, и это было хорошо, пусть думают, что он рад и счастлив снова потешить их кровавым зрелищем.

Да, яркий свет сегодня явно не играл ему на руку. Тяжё-

лый гривастый шлем не был снабжён забралом, но длинный козырёк бросал тень на лицо, скрывая его истинное выражение. Правда Рарок предпочёл бы шлем попроще, гладкий и конический, такой с которого соскальзывают пропущенные удары, но любимец публики должен быть виден издалека, а потому у него на голове красовалось весьма сложное сооружение, украшенное шикарным султаном из перьев, каких-то неведомых птиц.

Из всей одежды на нём была лишь златотканая набедренная повязка и окованные металлом сандалии, (тоже оружие, между прочим!). Перед выходом Рарок отверг даже наплечники, которые навязывал ему старик. Он знал, что его противник явится в полном вооружении и решил сделать ставку на собственную ловкость, а для этого надо было снарядиться так, чтобы ничего не стесняло движения. Противник, нда!..

Он дрался со многими, и они были самыми разными. Некоторые были сильнее его, другие быстрее. При этом всё было просто – сильных он побивал быстротой, быстрых – силой. Были и такие, кто обладал и тем и другим качеством сразу. Эти, как правило, доставляли больше всего хлопот и подарили ему немало шрамов.

Такие бои публика особенно любила, ведь они длились дольше, были зрелищнее, и каждый раз могли закончиться для него фатально, но в этом-то и был самый смак! Когда он окровавленный, еле держащийся на ногах, вонзал свой клинок в сердце поверженного врага или поднимал его отсечён-

ную голову, зрители совершенно сходили с ума!

Тогда рёв Большого Цирка не смолкал так долго, что грозил обрушить древнее здание! Зрители вскакивали с трибун и норовили прорваться на арену! В победителя летели золотые монеты, украшения, а частенько и мелкие камешки, завёрнутые в записки с приглашениями от женщин! (Всё это потом собирал старый слуга, у которого для этих целей всегда имелась под рукой специальная корзинка.)

Что ж, он принимал и то, и другое. Ему это нравилось! Золото никогда не было лишним, а что касается женщин, то после коротких бурных связей им частенько овладевала тоска. Они были великолепны, эти женщины, но они не любили его и смотрели на него, как на вещь. Нет, с ним никто из них никогда не поступал дурно, но всё же...

От этих мыслей его отвлёк сигнал. Вот сейчас появится тот, с кем ему предстоит драться. Большой Цирк замер, как будто кто-то одновременно придушил несколько тысяч глоток. Ворота на противоположной стороне арены открылись, и навстречу воителю неторопливо вышел он, его противник. Рарок заранее знал, что именно он увидит, но всё равно открывшееся зрелище произвело на него большое впечатление.

На арену вступил воин в полированных сверкающих доспехах. Он был такого же роста, что и Рарок, но, несмотря на тяжёлые латы, не производил впечатления громоздкости. Наоборот, его движения были легки и изящны, будто сталь-

ная броня составляла с ним единое целое. Игнорируя публику, этот рыцарь вышел на середину арены и поднял свой меч в приветственном жесте. Рарок тут же отсалютовал в ответ. Что бы там ни случилось, но у него не было ни малейшей причины быть невежливым.

Об этом бойце ходили легенды. Его звали то ли Мальтор, то ли Мальтир, Рарок слышал и то, и другое. Возможно, это был псевдоним, так как на его щите и доспехах красовались мальтийские кресты.

Он не только выглядел, как рыцарь, он и вёл себя соответственно. Говорили, что сэр Мальтор не раз спасал людей из лап монстров, и даже защищал целые поселения за символическую плату, хотя благодарные жители могли, и рады были дать ему намного больше того, что он брал за услуги.

Кто-то слышал, что этот чудак поставил себе цель возродить древние рыцарские традиции и не раз заявлял об этом. Но учеников он себе не брал, попытки следовать за собой пресекал сразу же, никому не читал морали, и воздействовал на окружающих только личным примером.

А ещё, никто не видел его лица. Он всегда появлялся на людях в шлеме с опущенным забралом, а если, где и оставался, то никогда не ел за общим столом.

Насчёт этого обстоятельства были разные предположения. Одни говорили, что лицо парня страшно изуродовано, другие, (особенно женщины), заявляли, что слышали из самых достоверных источников, будто сэр Мальтор красавец,

каких мало, и скрывает свою внешность из скромности.

Рарок, который не понаслышке, знал, что такое тяжесть боевого шлема, скептически относился и к тому, и к другому объяснению. Нет, здесь было что-то ещё!

Если бы он сам пострадал во время боя так, что стыдно было бы показать своё лицо, то носил бы маску или повязку скрывающую уродство. Такие вещи не были редкостью в том мире, где он обитал, ведь в жизни гладиаторов могло случиться всякое, но никто из его собратьев не носил свой шлем не снимая!

А ещё, никто не знал, что привело сэра Мальтора на арену Большого Цирка. Возможно, у рыцаря просто кончились деньги, но непонятно, как такой заработок мог сочетаться с его достоинством?

Всем известно, что гладиатор, хоть и кумир для многих, любимец женщин и виновник зависти мужчин, но он же и пария! Большинство считает его чем-то вроде монстра в человеческом облике. С ним не заводит дружбу никто, кроме таких же гладиаторов. Его никогда не пригласят в приличный дом. Никто не отдаст ему в жёны даже самую младшую дочь. Бывает так, что от него прячут детей, когда он идёт по улице!

Большинству гладиаторов это нравилось. Они вечно строили из себя этаких забияк, готовых отлупить или вовсе сожрать любого, но Рарок не относился к большинству, он был особенный. Он давно знал это, но вовсе не гордился тем, что

выбивается из общего строя. Впрочем, сейчас это было не важно.

Важно было то, что прозвучал гонг, и его противник уже встал в боевую стойку, выставив перед собой продолговатый щит. Рарок последовал его примеру, и они пошли медленно по кругу, высматривая слабинку в обороне противника.

Глава 13. Прерванный бой

Рыцарь ударил стремительно, выбросив из под щита меч, сверкнувший словно молния! Рарок, конечно, знал, что он так и сделает. Это был удар не в полную силу, а так, разведка. Тем не менее, он мягко отвёл удар своим небольшим круглым щитом и сам в ответ стриганул кончиком меча в опасной близости от шлема противника. Знай наших! Сэр Мальтор понял, с кем имеет дело. Гладиатору даже показалось, что он одобрительно кивнул...

И тут рыцарь взорвался серией молниеносных ударов! Его меч засверкал в воздухе едва заметными вспышками серебряных искр. Нечего было думать отбивать такую атаку, приходилось уклоняться и выжидать, когда противник выдохнется или сделает неверное движение.

На трибунах в это время творилось нечто невообразимое – люди были не в состоянии сдерживать свои эмоции, они кричали, вопили, орали, прыгали на месте, размахивали руками! Кто-то выкрикивал проклятия в адрес рыцаря, кто-то в адрес гладиатора. Другие скандировали что-то ободряющее или просто ругались, на чём свет стоит, при этом было непонятно, что именно они хотят выразить этим потоком брани – недовольство тем, что Рарок отступает или радость по поводу успехов сэра Мальтора.

Вдруг Рарок ударил! Почему он решил это сделать, он и

сам не знал, а задумываться было некогда. Наверное, тренированный мозг отреагировал на открывшуюся возможность атаки раньше, чем это дошло до сознания. Удар был нанесён щитом, наотмашь и совпал с замахом рыцаря, когда тот находился в положении неустойчивого равновесия.

Сэр Мальтор покачнулся и сделал два шага назад, чтобы не упасть. И тут же получил ещё один могучий удар, на сей раз мечом гладиатора, от которого едва успел закрыться щитом!

Закрыться не значит спастись, ведь для того, чтобы успешно заблокировать удар, его надо отводить щитом в сторону, иначе щит хоть и закроет от острого лезвия, но передаст всю тяжесть от удара телу, а это может плохо кончиться.

Так и случилось! Рыцарь не успел, как следует сгруппироваться и полетел с ног, как подкошенный! Он тут же встал на одно колено и попытался снова загородиться щитом, но могучая фигура гладиатора уже нависала над ним, и меч был занесён над головой!

Трибуны замерли. Рарок не медлил, он знал, что в таких схватках пощады не бывает, и секунда промедления может стоить ему жизни. Меч гладиатора со свистом рассёк воздух и... глубоко вошёл в песок арены! Сэр Мальтор каким-то чудом отскочил в сторону, и не только вывернулся из-под удара, но и встал на ноги!

Рарок не поверил своим глазам. Такое он видел впервые! А ещё, он решил, что вот сейчас получит клинок в печень,

благо у рыцаря была такая возможность, и странно было бы ей не воспользоваться, но тот по каким-то причинам медлил, и гладиатор тут же развернулся к нему лицом. По трибунам пронёсся вздох разочарования.

Теперь атаковал Рарок. Он не частил ударами, но и не медлил. Равномерно и мощно рассекая воздух клинком, он наступал на врага и каждый его удар, попади он по цели, означал немедленную смерть или тяжёлое увечье.

Рыцарю оставалось только уклоняться от этих ударов, и он уклонялся, не пытаясь дать сдачи, но делал это так виртуозно, что гладиатор искренне восхитился его ловкостью. На трибунах снова послышался ропот. Недалёкие зрители, не способные оценить тактическую игру сэра Мальтора, поносили его последними словами или срывали голос, требуя, чтобы Рарок немедленно прикончил "этого труса"!

А гладиатор, между тем, не на шутку обеспокоился. Он понимал силу своего противника и теперь пытался понять, какой сюрприз его ждёт после очередного удара? Вот, после этого удара! Или после этого!

Всё произошло именно так, как предполагал Рарок, но он всё равно не сумел среагировать вовремя и попался в ловушку, которую так тщательно приготовил сэр Мальтор! Гладиатор увидел, что рыцарь будто замешкался, удерживая равновесие после того, как успешно ушёл от секущего взмаха. Немедля ни секунды, он превратил своё тело в таран, остриём которого являлся его меч, и нанёс мощнейший колющий

удар, который невозможно отразить! Вот сейчас он пробьёт оборону этого самоуверенного чужака, наколет его вместе со щитом на свой клинок и на этом всё кончится!

Рарок провалился в пустоту, почему-то оказавшуюся на том месте, где только что стоял сэр Мальтор. Более того, ему поставили "ножку" и ноги гладиатора оторвались от земли, зато его тело, продолжая движение, проскользило над землёй, чтобы потом со всей силы об неё шарахнуться, взметнув к небесам фонтан песка и пыли!

Рарок уже целых две секунды лежал оглушённый и ждал, что сейчас меч рыцаря войдёт ему меж лопаток и пригвоздит к арене, которую он сам много раз поливал чужой и своей кровью. Но рыцарь снова медлил. Трибуны выли, словно на них сидели не люди, а демоны. И даже не сидели, а грызлись между собой, так-как доносящиеся оттуда звуки напоминали вопли существ, поедаемых живьём.

Пролежав ещё секунды три, Рарок повернул голову и увидел, что сэр Мальтор стоит в двух шагах, опустив меч, и смотрит куда-то в сторону. Гладиатор проследил за взглядом своего противника и тут же вскочил на ноги, забыв о схватке.

Глава 14. Спиной к спине

На трибунах шла бойня! Жуткие твари рвали людей на части и тут же пожирали на месте, с хрустом перемалывая кости или глотая убитых целиком. Люди метались в паническом бессилии, давили друг друга, погибали жалкой смертью и мешали выжить тем, кто ещё мог спастись.

Рарок в своей жизни видел немало монстров. Их привозили в железных клетках и выставляли напоказ на территории зверинца, недалеко от Большого Цирка. Он даже попробовал себя в роли бестиария и провёл несколько поединков с монстрами разных видов, но, несмотря на то, что все они закончились его победой, бросил это дело и занялся более привычными для него гладиаторскими боями.

Но то, что происходило сейчас на трибунах, не укладывалось в привычные жизненные рамки. Конечно, он слышал о нападениях стай монстров, которые целиком уничтожали небольшие поселения и целые города. Было дело, они сожрали целое королевство, лет за пятнадцать, кажется, или побольше до его рождения. Но, чтобы это случилось здесь в самом большом городе обозримого мира?

– К спине! – вдруг совсем рядом раздался крик от которого Рарок вздрогнул, несмотря на оглушительный гвалт заполнивший Большой Цирк.

Это был голос сэра Мальтора, и гладиатор услышал его

впервые. Что значит "к спине"? Встать к спине противника, с которым только что дрался насмерть и самому повернуться к нему спиной? Это настолько противоречило всему, что до сих пор составляло мировоззрение бойца арены, что Рарок просто не поверил своим ушам!

– Давай, парень! Нас сейчас порвут! Ты же не хочешь стать жратвой для этой нечисти?

В этих словах была доля истины. Монстры заполняли арену, а крики на трибунах уже почти стихли. Ладно! К спине, так к спине!

Первый же урод получил умбоном щита в челюсть и укатился с глухим гортанным воем. Голову второго гладиаторский меч срезал, как бритва срезает волос. Третий лишился своей черезчур длинной руки и рванул назад, посшибав с ног нескольких своих собратьев. Сзади раздавались, вой, хруст, предсмертные хрипы и лязг железа. Видно дела сэра Мальтора обстояли так же, как у гладиатора. Но вот, что будет дальше?

– Долго нам не выстоять! – снова крикнул рыцарь, заглушая грохот боя.– Давай туда!

И он указал на тёмный проём двери под трибунами, служивший входом для обслуживающего персонала во внутренние помещения Цирка. Выбора не было, и рыцарь был прав!

Большие ворота, сквозь которые на арену выходили гладиаторы, были далеко, и между ними и этими воротами бесновалась целая толпа монстров. Что ж, пусть будет так!

Рарок раскрыл напоследок череп ещё одному чудовищу и устремился вслед за рыцарем в проход, который ещё сегодня утром посчитал бы недостойным своего положения чемпионом.

Сразу за дверью здесь начинался немыслимый лабиринт из коридоров и помещений, о назначении которых можно было только догадываться. Прожив в Цирке всю свою сознательную жизнь, Рарок не часто бывал в этой его части, а потому это место было ему плохо знакомо. Но сэр Мальтор, похоже, не нуждался в проводнике. Рыцарь уверенно шёл вперёд, лишь изредка останавливаясь, чтобы оглядеться вокруг.

– Вы бывали здесь раньше? – спросил гладиатор, удивившись такому поведению своего спутника.

– Нет, но в подобных местах мне бывать доводилось, – ответил этот странный воитель. – Хотя не существует зданий абсолютно похожих друг на друга, но все они построены по одному принципу. Я ищу выход и стараюсь не попасть в тупик, а то нам будет крышка, если не выберемся!

Эти рассуждения прервал грозный рык с подвывом и чавканье, донёсшееся из-за поворота. Происхождение этих звуков объяснилось через пару секунд. На них выскочила огромная гладкокожая тварь на четырёх когтистых лапах, с продолговатой головой, словно разрубленной вдоль, такая длинная и глубокая была у неё пасть!

Тварь приостановилась, будто пытаясь разглядеть свою новую добычу, но это было ей нелегко сделать – глаза, по-

саженные по противоположным сторонам головы, не могли смотреть вперёд одновременно, и чудовище вынуждено было всё время поворачивать голову боком, что делало её движения какими-то птичьими. Но монстр тут же сообразил, что зрение для него плохой помощник и тогда он с шумом втянул воздух длинными щелевидными ноздрями.

По-видимому, обоняние сказало ему всё что нужно, потому что он тут же бросился на людей! Рарок увидел, что прямо на него надвигается широко раскрытый зёв, усеянный острыми окровавленными клыками, и едва успел выставить перед собой щит. Удар сбил его с ног и отшвырнул к стене, при этом щит был вырван из руки с такой силой, что гладиатор всерьёз подумал, что его оторвали вместе с кистью.

Однако монстр отскочил и как-то странно завертелся и запрыгал, грозя раздавить сэра Мальтора, прижавшегося к противоположной стене коридора. Когда цветные круги перед глазами перестали заслонять мир, Рарок сразу понял, что произошло – его щит намертво застрял в разинутой пасти ящера и сейчас тот тщетно пытался от него освободиться!

– Бежим отсюда! Ну, его! – крикнул рыцарь, указывая куда-то вперёд.

Рарок не заставил себя уговаривать и через мгновение они снова мчались по лабиринту коридоров и подсобных помещений. На них напали ещё дважды. Один раз это была мерзкая тварь, больше всего напоминающая восставшего покойника, но с когтями хищной птицы на необыкновенно длин-

ных руках. Этот монстр не успел ничего сделать, меч сэра Мальтора рассёк его от плеча до паха. Второго, похожего на паука, уложил Рарок. Правда это получилось у него не слишком удачно и зазубренный серп, которым заканчивалась, дотянувшаяся до гладиатора лапа, прочертил глубокую борозду через его грудь и живот. (Ерунда! Шрамом больше, шрамом меньше!) Хуже было то, что за их спиной всё громче слышался топот, вой и рычание, это монстры заполняли внутренние помещения Большого Цирка. Скоро эта волна их догонит!..

– Вот оно! – воскликнул рыцарь, останавливаясь перед массивной, небрежно покрашенной стальной дверью, с нарисованным на ней непонятным символом.

Дверь оказалась запертой на такой же массивный, и также безобразно покрашенный висячий замок. Видимо ей давно уже не пользовались, и открывать в ближайшем будущем не собирались. Рарок хотел было спросить, как им попасть внутрь, ведь замок этот явно не сломать руками, но рыцарь решил эту проблему одним ударом! Его меч свистнул в воздухе, и замок грохнулся на пол с рассечённой пополам дужкой.

"Из чего же сделано это оружие?" – с невольной завистью подумал гладиатор.

А сэр Мальтор, тем временем, потянул за скобу из арматурной проволоки, служившую здесь ручкой и дверь отворилась, оглашая пространство визгом петель, способным со-

перничать с воплями монстров. Помещение за дверью было тёмным. Рарок тщетно пытался найти на стене выключатель, когда рыцарь зажёл электрический фонарик. (Ничего себе роскошь!) Дверь тут же закрыли. По счастью она оказалась снабжена мощным засовом, но похоже на этом удача беглецов закончилась: из помещения не было выхода!

– Этого не может быть! – бормотал сэр Мальтор, мериая шагами сравнительно небольшую комнату, заставленную пыльным оборудованием, неизвестного назначения.

Вдруг он остановился, взгляделся в большой железный шкаф, а потом с жутким лязгом сдвинул его в сторону. Под шкафом оказалась круглая крышка люка, наподобие тех, которые Рарок видел на улицах города. Только те люки никуда не вели, потому что древние подземелья под городом были давно засыпаны, а за этой, отброшенной мощной рукой рыцаря, открылся чёрный провал с уходящей в темноту железной лесенкой.

Из провала веяло холодом и сыростью. Где-то далеко раздавался шум и плеск быстро текущей воды. Лезть туда гладиатору совершенно не хотелось.

– Пошли! – решительно сказал рыцарь, указывая вниз, но Рарок не сдвинулся с места.

– Хочешь остаться здесь?

– Не хочу, но туда я тоже не хочу! Лучше принять бой и погибнуть с честью, чем позорно бежать и прятаться, как крыса!

– Дурак!

– Сэр Мальтор, я прошу Вас выбирать выражения, иначе мне придётся заставить Вас ответить за оскорбление прямо здесь или в любом другом месте!

– Да пойми же ты, несмышлёныш... ой! Что с тобой?!

В глазах у гладиатора внезапно потемнело, он почувствовал странную слабость и сел прямо на холодный бетонный пол. Звуки вдруг стали тише и отдалённое, как будто ему набили уши ватой. Рыцарь, что-то ещё кричал ему, но он сумел понять только одно слово, перед тем, как сознание погасло окончательно. Это слово было – яд.

Глава 15. Благословение мылу

- А я говорю, скидывай свои грязные, вонючие шмотки!
- Не хочу.
- Ты что, собрался мыться одетым?
- Вот заодно и постираюсь!
- Я твои тряпки постираю, у меня это лучше получится!
- Всё равно не хочу! И вообще, эта затея с мытьём мне не нравится!

– А мне не нравится дышать твоими "ароматами", а ещё подцепить от тебя вшей не нравится!

– У меня нет вшей. Я регулярно смазываю волосы машинным маслом.

– Ты что, стесняешься?

– Я стесняюсь?

– Ты стесняешься!

– Да, я стесняюсь!

– Меня?

– Тебя конечно, не Механикуса же мне стесняться! Подумай, ты молодая, красивая девушка, а я старый, одноногий мужик!

Леса залилась таким звонким смехом, что вздрогнули оба отремонтированные стража у дверей.

– К твоему сведению, – сказала она, перестав хохотать, – я вынянчила двух младших братьев, а ещё, помогала раненым

охотникам и ухаживала за очень стареньким дедушкой. Так, что твои сокровища для меня не новость и стесняться тут нечего! Давай-ка снимай всю эту жуть, будем из тебя человека делать!

Зиг нехотя повиновался. С помощью Лесы он освободился от своей заскорузлой одежды и погрузился в ванну с горячей водой. Девушка критически оглядела "фронт работы" и решительно взялась за мыло и мочалку.

Воду пришлось менять несколько раз. То, что уходило в сток, скорее напоминало чернила с масляными разводами, но охотница не сдавалась и через весьма продолжительное время цвет её подопечного изменился с иссиня-чёрного на медно-красный.

"Не такой уж он и старый! – думала Леса, намыливая, похожие на проволоку, волосы Зига. – Лет сорок-сорок пять. Нет, больше, но всё равно. Мускулы вон, как камень! Здорый, такой и живучий. Интересно, а что если его побрить?"

Но брить охотника было нечем, да и врядли он согласился бы на это. Он и так уже принимал помывку с видом смирившегося с судьбой кота, который может ещё взбунтоваться. Через пару часов усердного труда, Зиг был извлечён из ванны, завернут в чистое тряпье и посажен за стол с едой, которую раздобыл Механикус.

Взмокшая и основательно уставшая Леса, по быстрому приняла душ и присоединилась к охотнику, придирчиво разглядывавшему угощение.

– Откуда всё это? – спросила крайне удивлённая девушка, зачем-то приподнимая блюдо с жареной курицей, словно хотела увидеть нечто особенное с обратной стороны тарелки.

– Из поселения неподалёку! – раздался из глубин мастерской голос стального охотника.

– Неподалёку? – искренне удивился Зиг. – Мне казалось, что неподалёку здесь нет никаких поселений?

– О, простите! – извинился Механикус, имевший привычку извиняться по любому поводу. – Конечно, у нас с вами различное восприятие слова "неподалёку"! Я так называю расстояние до объекта, путь к которому занимает меньше одного дня. Но тут следует учитывать, что лично я могу за день пройти расстояние, на которое обычный человек потратит несколько недель...

– Ясно! А что, всё это тебе тамошние жители так просто, даром отдали?

– Не совсем. Можно сказать, что я у них эту еду купил. Хотя эта покупка и была, несколько, как бы это сказать? Насильной!

– Как это?

– Очень просто! Я уже давненько не появлялся среди людей и меня основательно позабыли. По крайней мере, в этом поселении меня никто не знал, и обо мне не слышали. Видимо поэтому при моём появлении, все жители спешно эвакуировались, кто-куда, побросав всё своё добро и даже нескольких маленьких детей. Это меня основательно задержало, так-

как их родители не появлялись слишком долго, а детей надо было накормить...

– Ты что, грудью их кормил, что ли?

– Нет, конечно! Я, к сожалению, не могу вырабатывать молоко, но меня выручили несколько коз, пасшихся неподалёку. В отличие от их хозяев, эти животные отнеслись ко мне достаточно дружелюбно. Особенно, когда я им принёс пучок моркови с местного огорода. Но речь не об этом. Поселение оказалось весьма обеспеченным продуктами питания, поэтому я взял столько, сколько смог унести.

– Но ты же сказал, что купил жратву?

– Совершенно верно! Везде, где я брал съестное, я оставлял по несколько золотых монет. У меня здесь много золота! Идеальный, знаете ли, материал для электрических контактов, поэтому я специально собрал его побольше. Как мне известно, уцелевшие люди после краха мировой экономики прошлого, перешли на натуральное хозяйство, но в последнее время у них активно возрождается торговля и в дело снова пошло золото, как эквивалент товара и труда. Я оставил в том поселении сто девятнадцать золотых дублонов старинной чеканки. Поэтому, думаю, мой поступок можно назвать покупкой...

– Да ты хоть знаешь, что ты наделал? Вся эта жратва стоит не более двух монет по ценам Торгового города. Они же теперь обленятся!

– Торгового города? – спросила Леса, уплетавшая козий

сыр с большим куском свежего хлеба.

– Ты что не слышала про Торговый город? – снова удивился Зиг.

– Кажется, слышала, давно, краем уха, но думала, что это враки! – ответила девушка, сама не зная, зачем соврав.

– Представь себе, он существует! В последний раз я был там пару лет назад. Продавал в одну лавку шкуры монстров, а ещё местный знахарь охотно брал у меня всякие там рога, копыта и когти для своих шарлатанских штучек. Город там не маленький! Не знаю, сколько в нём сейчас жителей, но мне показалось, что много. И, знаешь ли, народ всё зажавшийся! Нос передо мной драли, дескать деревенщина! А сами-то что удумали?! Город у них вырос на старых руинах, так вот, был там, среди прочего, стадион. Знаешь что это такое? Слышала? В прошлые времена люди там играли в разные игры. Одни играли, другие смотрели, как те играют. Хрен знает, зачем им это было надо, только вот нынешние жители тоже решили "поиграть", да посмотреть! Они, понимаешь, там теперь гладиаторские бои устраивают...

– Что!!!

Механикус выскочил из мастерской, словно его вытолкнула мощная пружина. Леса от неожиданности едва не подавилась куском копчёного окорока.

– А что такое гладиаторские бои? – спросила она, уже понимая, что ответ ей не понравится.

– Эт-то немыслимо!!! Эт-то варварство!!! – вдруг начал

заикаться Механикус, словно у него снова забарахлили контакты. – П-после т-того, что случилось с человечеством!.. Д-дикость и п-позор!!!

– Мне это тоже не по душе, – спокойно сказал Зиг. – Одно дело схватиться с монстром на охоте, а другое драться с ним на потеху толпе.

– Так они там ради забавы с монстрами дерутся? – спросила девушка.

– Добро бы только с монстрами! Они и друг с другом дерутся. До смерти дерутся! С оружием и голыми руками, один на один и группами, то есть отряд на отряд...

– Они там, что совсем с ума посходили! – Леса вскочила так, что едва не опрокинула стол. – Мы в поселениях стоим, друг за друга горой, каждую человеческую жизнь считаем за драгоценность, а эти...

Она захлебнулась, не в силах подобрать подходящего слова для характеристики жителей Торгового города.

– Сядь, не кипятись! – всё тем же спокойным голосом сказал Зиг. – Я же говорю, что они там с жиру бесятся! Видал я всякую кровь и меня удивить трудно, но чтобы, вот, за просто так, друг друга резать? Тут и я скажу, что это полное безобразие и глупость несусветная. Кто только такое придумал? Башку бы ему оторвать!

– Это не сейчас придумали! – пояснил, взявший себя в руки Механикус. – Эта... забава была придумана задолго до моего создания, в далёкой древности, но потом её забыли

и вот возродили опять! Я как-нибудь расскажу вам об этом поподробнее, а сейчас нам надо остановить безумцев, во что бы то ни стало! Эх, зря я так долго не появлялся среди людей! И в Торговом городе-то был много лет тому назад! Убеждался, что там хорошая защита от монстров, а сами монстры появляются редко и ушёл сюда, где монстров много, а людей мало. В общем, доедайте и пошли...

– Мех, остынь! – сказал Зиг рассудительно. – Во-первых, тебя там никто не будет слушать. Во-вторых, когда ты там появишься, тебя пустят на иголки за один только твой внешний вид. А в-третьих, мы с Лесой за тобой не угонимся, особенно я!

– Верно...

Механикус сел на катушку со стальным тросом и совсем по-человечески закрыл лицо руками.

– И что же теперь делать? – спросил он.

– Я думаю, что тут делать нечего! – ответил Зиг. – Дураков переубеждать бесполезно, знаю по своему опыту. Потому и живу один, чтобы быть от дураков подальше. А что касается этих, из Торгового города, то они не просто дураки, а дураки зажавшиеся! С *такими* спорить, только себе дороже! Нравится им друг дружку резать, так пусть...

– Ты не прав!!! – Леса с чувствомхватила по столу маленьким, но крепким кулаком. – Я не знаю как, но мы это остановим! Надо всё тщательно продумать и собрать побольше информации. Для начала, Механикус, расскажи нам всё,

что знаешь об этих боях, а потом все вместе решим, как и что здесь можно сделать!

– Но ведь пока мы медлим, там люди убивают друг друга! – проскулил стальной охотник жалобно.

– Ну, тут уж ничего не поделаешь! – подытожил Зиг. – Их больше погибнет, если мы плохо подготовимся. Вот мне, например, для похода нужен хороший костыль!

Глава 16. Лик учителя

– Болит?

– Терпимо!

Рану, полученную во время последней схватки, жгло словно огнём, но Рарок не хотел в этом признаваться. Сэр Мальтор и так постарался, показав умение бывшего врача – рана была промыта, зашита, смазана чем-то едким и перевязана. Яд, сваливший гладиатора с ног, оказался не смертельным, тем не менее, Рарок чувствовал сильную слабость, и потому рыцарь запретил ему вставать с импровизированного ложа из кипы заплесневелых брезентовых мешков. Отвратно было ощущать себя почти беспомощным, но мощное тело воителя побеждало, и Рарок чувствовал, что ему становится легче с каждой минутой. А боль он терпеть умел! Она ему почти не мешала.

– Подкрепись, я тут кое-что приготовил, – сказал рыцарь и протянул ему миску с дымящимся варевом.

– Что это? – спросил гладиатор, с сомнением глядя на эту еду.

– Возможно, тебе этого лучше не знать! – был ответ.

Содержимое миски издавало приятный запах и Рарок, который ел уже достаточно давно, не стал заставлять себя уговаривать. Место, в котором они расположились, было не из весёлых. Сырые бетонные стены, тёмно-серые от времени,

бесконечные коридоры с низкими потолками, вдоль которых тянулись такие же бесконечные электрические кабели. Всё это было древним и мёртвым. Нигде не светилась ни одна лампочка, не слышалось потрескивание приборов, только звук отдалённой капли нарушал чёрную тишину забытых подземелий.

Беглецы расположились в глубокой нише, служившей когда-то вместилищем громоздкого механизма. Об этом говорили мощные замысловатые крепления, торчащие из стен и пола. Здесь не так сильно чувствовались сквозняки, поднимающие, время от времени, пыль в подземных коридорах. Другим преимуществом оказалось вентиляционное окно в потолке, что позволило развести небольшой костерок без риска задохнуться.

"И как он меня сюда дотащил?" – думал гладиатор, пережёвывая мелкие хрупкие косточки, попадающиеся в мясе. – "Я ведь тяжелее его самого, а он даже доспехи не снял! Да, он совсем не прост, этот сэр Мальтор".

– Как нам быть дальше, благородный рыцарь? – спросил Рарок вслух.

– Будем искать выход, где-нибудь подальше от города, – ответил тот, пожав плечами. – Жаль, но твоему дому пришёл конец.

– Думаете, там всех убили?

– Думаю, да! Когда монстры нападают в таком количестве, то от них не спастись. А у тебя там кто-то остался? Девушка?

Семья?

– Осталось,.. что-то вроде семьи, – тихо отозвался гладиатор, подумав о старом слуге и впервые порадовался, что у него нет постоянной девушки.

– Печально, но к тому всё и шло, – загадочно промолвил рыцарь.

– Что вы имеете в виду? – не понял Рарок.

– Я имею в виду то, что монстры никогда не нападают целой армией, если люди сами не дадут им для этого повод.

– Повод?

– Да. Именно повод! Жители Торгового города дали им повод для нападения. Я только удивляюсь, почему это случилось сейчас, а не раньше?

– И что это за повод?

– Ваши гладиаторские бои, например, ну и много чего другого.

– А что не так с гладиаторскими боями?

– Ну, скажем тут всё не так, от начала до конца. Представь себе, что люди, владевшие когда-то планетой и считавшие себя вершиной мироздания, были не только хозяевами земли, но и самыми многочисленными её обитателями. Так было до тех пор, пока не случилась мировая катастрофа, которую они сами и вызвали. Ты об этом знал?

Рарок кивнул утвердительно.

– Так вот! После того, как численность человечества многократно уменьшилась, и выжившие сплотились в группы,

способные дать отпор бандитам и организовать совместный труд, появилась новая напасть...

– Монстры!

– Вот именно! Неведомо откуда приходящие монстры. Кто они? Этого никто не знает! Как не знают, откуда они берутся. Их пробовали изучать, но даже немногочисленные оставшиеся учёные мало чего добились. В такой обстановке единственный способ выжить, это держаться вместе, беречь друг друга, давать отпор врагу всем скопом. И, надо отдать людям должное, они так и делали, и даже весьма в этом преуспели. Когда монстры отступили, люди вздохнули свободнее, а почувствовав облегчение, принялись за старое – стали обустраиваться, плодиться, расширять поселения, а некоторые из наиболее крупных даже превратили в города. Всё это хорошо, и то, что вы возродили торговлю, тоже хорошо. Плохо другое! Плохо то, что среди людей опять пошло расслоение. Чуть стоило разбогатеть, так и нос задрали! Вчера были просто соседями, а сегодня, один богатый, другой бедный, и по уши у первого в долгах. А богатые ещё и законы тут же понаписали, и все под себя! Значит, теперь они всегда правы, чтобы не делали! Они казнят и милуют, они могут себе всё позволить. А почему бы им не позволить себе поразвлечься? Ты знаешь, кем были первые гладиаторы в вашем городе?

– Знаю, конечно! Первыми были охотники, оставшиеся без работы, после того, как монстры отступили. Поначалу поединки проводились показательно, для развлечения, без

крови, за мелкую монету или еду. Но при этом не всегда было ясно, кто победил, а ведь люди уже тогда делали ставки на победителя, и когда исход поединка оказывался спорным, то этот спор нередко переходил во всеобщую драку. Вот тогда и придумали бои до первой крови, а уж потом стали драться до смерти.

– Похоже, ты разбираешься, что к чему. Ну, вот скажи, тебе самому никогда не казалось, что это всё не правильно?

– Казалось и не раз! Гладиаторы тоже люди. Пока я не стал чемпионом, то жил в общей казарме, учился вместе со всеми, ел,пил, развлекался, хулиганил с такими же, как я сам. У меня были друзья, были, конечно, и недруги, но откровенных врагов не было никогда! А потом мы все встретились на арене. И убивали друг друга, оставаясь друзьями... Да, мне казалось, что я делаю, нечто такое, чего делать не должен, но выбора у меня не было.

– Как ты вообще попал на арену?

– Я родился гладиатором.

– Что? Я думал, что современные гладиаторы нанимаются по контракту!

– Чаше всего это так. Я ведь тоже заключаю контракты и обновляю их каждый сезон. Но в отличие от большинства, я на арене с детства. Мои родители были гладиаторами. При Большом цирке есть гладиаторская школа, которую я закончил. Почти всех кто там учился, продали туда родители, живущие в городе, а я в этом самом Цирке родился. Таких, как

я было немного, а сейчас я остался один. Может, поэтому я до сих пор и был непобедим на арене?

– Приятно быть непобедимым?

– Пожалуй, но не всегда. Я ведь знаю, что если бы сегодня пал от вашей руки, то зрители были бы счастливы! Они любят сенсации. Я сам был для них сенсацией, но гибель такого бойца, как я вызвала бы ажиотаж. Все получили бы массу удовольствия, а кое-кто бы разбогател, ведь в Цирке делаются большие ставки. Вот только мне пришёл бы конец. Что в этом может быть приятного? В нас с младенчества воспитывали презрение к смерти. Да, я её не боюсь, но и торопить раньше времени не собираюсь!

– А где сейчас твои родители?

– Погибли на арене.

– Давно?

– Я был ещё мальцом, и даже не ходил в школу. Меня вырастил один старик, из тех, кто сражались в Цирке первыми. Потом меня растила гладиаторская школа. Когда я стал чемпионом, его хотели выгнать, так я взял его к себе. Он и есть моя семья. То есть был...

– Целый мир! Отдельный, со своими законами! Беда только в том, что мира этого не должно было быть!

– Возможно. Я и сам так думал. Поэтому больше не заводил друзей, но для меня из этого мира выхода не было. А вы то, что делали на арене, раз придерживаетесь таких взглядов?

– Я за тобой пришёл.

– ?

– Дело в том, что мне давно нужен ученик и приемник. Кандидатур было множество, но ни одна не подходила. И вот я узнал о тебе. Не думай, дело не в том, что ты непобедимый чемпион. Точнее не только в этом. У тебя есть много таких качеств, которых нет у твоих многочисленных собратьев. Может ты, и сам о них не знаешь. Скажу откровенно, я наблюдал за тобой достаточно долго, чтобы понять – вот человек, который мне подходит.

– Вы что, бывали на моих поединках, как зритель?

– Да, но не только это. Давай об этом поговорим чуть позже, пока я не могу тебе всего сказать.

– Хорошо, а всё-таки, как связаны гладиаторские бои и сегодняшнее нападение монстров?

Рыцарь помолчал, собираясь с мыслями. Пока он медлил с ответом, Рарок исподтишка разглядывал узоры на его доспехах. Прекрасная работа! Редкое мастерство, в этом он хорошо разбирался. Вот только выглядели эти доспехи очень старыми. Конечно, их изготовили мастера не нынешнего времени. Значит, сэр Мальтор раздобыл это сокровище, где-то в развалинах прежнего мира. Что ж, повезло, так повезло! Но почему же всё-таки он не снимает шлем и не поднимает забрала? Однако спросить его об этом Рарок не решался. Его учили, что каждый воин имеет право на секреты связанные с оружием и доспехами, и лезть в эти дела было грубым на-

рушением гладиаторской этики.

– Я давно изучаю монстров, – заговорил, наконец, рыцарь. – Нет, мне тоже не удалось понять, кто они и откуда приходят. Этих тварей получилось лишь классифицировать, но это мало помогло в борьбе с ними. Зато удалось установить кое-что другое – я знаю, что привлекает их в людях!

– И что же это, кроме того, что человек сделан из мяса?

– Человеческая слабость.

– То есть?

– Слабость человека выраженная, чаще всего в его чувствах и эмоциях. И, чем слабее человек, тем он более привлекателен для монстров.

– Что-то я не понял.

– Страх, алчность, подлость, трусость, глупость, всё это и многое подобное, действует на них, как запах крови на хищника. Мне не раз доводилось видеть, как эти чудовища ведут себя с перепуганными и с храбрыми людьми. Если у них есть выбор, то монстры нападают, прежде всего, на тех, кто трусил, а мимо храбрецов пробегают, будто вообще не видят их! Но это лишь отдельный пример. Их притягивают все отрицательные чувства, какие есть у человека. И чем больше этих отрицательных чувств, тем больше на них сбежится монстров.

– Значит, наш город вырабатывал массу отрицательных чувств?

– Схватываешь налету! Представь себе – несколько тысяч

толстобрюхих негодяев, жаждущих твоей крови и денег за выигрыш. Что ещё может быть хуже?

– Но гладиаторские бои существуют довольно давно, они начались ещё до моего рождения, а монстры напали только что.

– Тут ты прав. И я думаю, что эта загадка связана с вопросом, откуда приходят монстры. Кстати, это не первый город, который они вот так разорили.

– Я слышал, что есть и другие города, только далеко. А что, там тоже были гладиаторские бои?

– Нет, в каждом отдельном случае своя беда. Например, в одном городе слишком сильно пеклись о морали. Всех детей рождённых вне брака и их матерей было решено изгнать, а тех, кто не повиновался, казнили. Нападение чудовищ не заставило себя ждать, и теперь этот город пуст.

Рарок подумал, что и его родной город теперь возможно пуст. Ему вдруг вспомнился старый слуга, и у него тут же защемило сердце. Что сейчас со стариком? Жив ли он? Может и жив, ведь он был на удивление ловок! И всё же старость...

– Мы не можем вернуться прямо сейчас, – сказал рыцарь, будто прочитав его мысли. – Я не просто закрыл вход в эти подземелья, но запечатал его намертво, иначе нас давно бы уже догнали. Но когда ты окрепнешь, мой ученик, мы выберемся отсюда и подумаем о том, как нам навестить Торговый город, и не оставить там свои кости.

– Но я ещё не согласился стать вашим учеником, сэр

Мальтор! – возмутился Рарок. – Я вообще не думал об этом и...

– Это не обсуждается. У тебя нет выбора, да ты уже учишься, хоть ещё и не понял этого.

– Что ж, – сказал гладиатор после некоторого раздумья, – может быть я и не против. Я видел вас в бою и понимаю, что имею дело с бойцом более опытным, чем я сам. В таком случае я рад буду учиться у вас тому, что мне пока не доступно. Но при одном условии – я хотел бы видеть лицо своего учителя!

– Хорошо! Пусть это будет первым твоим серьёзным уроком, а заодно и испытанием на прочность. Приготовься!

С этими словами сэр Мальтор щёлкнул застёжкой забрала и поднял его вверх. Рарок почувствовал, как ледяная рука животного ужаса сжимает его сердце! Волосы гладиатора встали дыбом, а руки помимо воли потянулись к оружию. Все забытые с детских лет страхи поднялись из глубин памяти и заставили горло сжаться в беззвучном крике.

Шлем был пуст! В его глубине отсветы костра боролись с мраком подземелья...

Глава 17. Дебошир

– Ну как?

– Отлично! Лучше, чем я ожидала.

Леса закончила медицинский осмотр и перевязала культю Зига свежими тряпками. В который раз она дивилась его жизненной силе. Вот и сейчас картина была превосходной, обрубок, оставшийся от ноги заживал, едва ли не на глазах, и в скором времени обещал больше не доставлять неудобств своему хозяину.

– Ещё болит?

– Нет, совсем не болит! Зудит только, падла! Сил нет, как зудит!

– Не вздумай чесать!

– Да я уж терплю, как могу. А что там Механикус химичит? Вроде костыль мне обещал, какой-то особенный!

– Раз обещал, значит сделает!

Леса встала с табурета, на котором сидела, и прошла в тот конец мастерской, где над грудой всяких разных железяк "колдовал" хозяин их необыкновенного приюта. Лязг и грохот при этом стояли ужасные, но, несмотря на то, что девушка была босиком, стальной охотник каким-то образом услышал её шаги, обернулся и приветливо кивнул головой.

Поразительно, но он умел улыбаться! Как ему это удавалось, было непонятно, но человекоподобное металлическое

лицо меняло выражение, хоть и оставалось, по большей части, неподвижным.

– Привет, Мех! Чем занят?

Между ними давно уже установились дружеские отношения, чему механический человек был только рад.

– Осторожно, Лесик, здесь кругом стальная стружка, не поранься! Подожди, я сейчас всё мигом уберу.

Последовала процедура, во время которой юная охотница сидела, поджав ноги, на свободном углу стола, где не было железок, а аккуратный мастер тщательно вычистил отходы своего производства, сначала щеткой, потом пылесосом и, наконец, электромагнитом.

Закончив уборку, Механикус с гордостью показал девушке нечто такое, от чего она раскрыла рот от удивления. Это было не что иное, как подобие человеческой ноги выполненной из металла.

– Это не просто протез! – с гордостью говорил Механикус. – По моему замыслу, он будет двигаться соответственно движениям своего обладателя. Иными словами он должен совершать именно то, что должна была делать настоящая нога.

– Как же такое возможно? Я думала, ты выточишь ему, что-то вроде деревянной "бутылки", какую носил один мой знакомый охотник, которому ногу ящер откусил.

– Что ты! Что ты! Это было бы слишком примитивно, ведь с таким устройством и ходить-то полноценно нельзя, не то,

что бегать и прыгать!

– А с этим он сможет бегать и прыгать?

– Конечно, и даже лучше прежнего! Правда, придётся привыкнуть, ведь искусственная нога, как я не бился, получается потяжелее настоящей. Но зато она же и сильнее! Лучше было бы, конечно заменить обе ноги сразу, но Зиг врядли согласится отрезать вторую?

Леса прыснула со смеху.

– Не, он точно не согласится!

– Вот и я говорю, но если б согласился, то и мне, и ему было бы легче с этими протезами. Ну да ладно, я уже почти закончил изделие и придумал его так, чтобы оно было совместимо с живой ногой. Не переделывать же!

– И то, правда! И как это у тебя всё получается?

– Поживёшь с моё, тоже будешь во многом разбираться и кое-чему научишься.

– Ага, не пройдёт и трёх столетий!

Механикус смутился, поняв свою ошибку, но тут же "улыбнулся" и извлёк из шкафа два мудрёных сооружения, в которых Леса с удивлением узнала арбалеты незнакомой ей конструкции.

– Это вам с Зигом! – пояснил он. – На досуге сделал.

– Вот спасибо! – искренне поблагодарила его девушка. – Ой, а лёгкие, какие! Я держала в руках боевой арбалет, так он был тяжёлым, как кувалда!

– Они сделаны, в основном, из титана, но это не самое

главное их достоинство. Обрати внимание – механизм натяжения снабжён электромотором, работающим от специальной батареи, подобной той, что пользуюсь я сам. Мне её на год хватает, а в этом устройстве она прослужит лет десять без замены. Лук здесь такой тугой, что ни тебе, ни Зигу не натянуть его вручную, даже воротом. Зато он метнёт стрелу с силой способной пробить лобовую кость мастодонта. Ах, да, ты же не знаешь, что это за животное! Ладно, потом расскажу. Смотри, вот ещё полезное новшество – в ложе этого оружия есть устройство подающее болты на боевую позицию. Правда, болтов здесь поместилось только три, но это лучше чем каждый раз лазать за ними в колчан.

– Супер! Нет, правда! Супер, супер, супер!!!

– Я рад, что тебе понравилось! Вот только понравится ли Зигу? Он у нас такой привереда.

– Точно, а ещё, спит и видит, как доберётся до своего убежища и вооружится до зубов!

– К сожалению, с этим есть некоторая заминка. – Механикус виновато развёл руками. – В ближайшее время мы не сможем туда попасть.

– Почему?

– С монстрами творится что-то странное. Во-первых, их в несколько раз больше чем обычно, во-вторых, они ведут себя намного агрессивнее, а в-третьих, всё время появляются новые разновидности и чем дальше, тем они более смертоносны!

– Кошмар! Значит не только до зигова, но и до моего убежища путь закрыт? А я-то так надеялась поскорее зарядить своих "ворчунов"! Понимаешь, арбалет великолепен, но я потому и ношу с собой пистолеты, что их не надо всё время таскать в руках или на плече. А Зиг вообще с ума сойдёт! Он ведь не только починил приклад, но отладил и вычистил свою винтовку раз, наверно, пятьдесят, если не больше!

– Увы! Если мы сейчас полезем в эту кашу, то вас съедят, а меня растащат на винтики. Придётся подождать, а тем временем изучить ситуацию. Ведь есть же причина, по которой монстры лезут из всех щелей?

Леса не могла не согласиться с доводами стального охотника, но её больше беспокоило, удастся ли удержать на месте своего пациента.

Как и предполагал Механикус, Зиг долго и придирчиво разглядывал свой арбалет. Он, то скептически морщился, то недовольно кричал, то сокрушённо вздыхал, то принимался засыпать мастера-изобретателя техническими вопросами, в которых обнаружил на удивление глубокие познания. В конце концов, он вынес вердикт – это лучшее в своём классе оружие, которое ему приходилось видеть!

Потом были испытание на меткость и пробивную силу, (испытать изделия на дальность просто не было возможности), результатами которых все остались довольны. А потом Механикус сообщил, что они не смогут в ближайшее время добраться до убежища Зига, и тут случился взрыв!

Зиг так орал, что Леса предпочла спрятаться за широкую спину стального охотника. Механикус сохранял олимпийское спокойствие и ждал, пока этот псих устанет или охрипнет, но Зига хватило надолго! Кончилось тем, что он обругал всех присутствующих, сунул под мышку свою винтовку и, опираясь на обрезок доски, который служил ему костылём, направился к выходу. Но здесь его ждал сюрприз – механические стражи, безучастно стоявшие до сих пор по обе стороны двери, синхронно развернулись и загородили проход.

– Зиг, я просто не хочу, что б тебя разорвали через пять минут после того, как ты выйдешь отсюда, – спокойным голосом сказал Механикус.

– А пошёл ты на...

Стальной кулак одного из стражей врезался ему в солнечное сплетение, прервав фразу на середине.

– Не ругайся в присутствии дамы, – всё также спокойно сказал Механикус. – Пойми, вы здесь не пленники, но если ради сохранения ваших жизней мне придётся запереть вас, то я это сделаю. Можешь считать это моей прихотью, если тебе угодно. Кстати, я могу видеть глазами своих помощников, и отдавать им приказания не раскрывая рта. Так что ведите себя хорошо и не обижай Лесу.

С этими словами стальной охотник повернулся спиной к поверженному Зигу и скрылся в недрах мастерской. Леса помогла своему пациенту подняться и довела его до кресла, где он обычно помещался, когда не спал. Зиг ещё долго хватал

ртом воздух и выпучивал глаза.

– С-сука! Железяка ржавая! – наконец прохрипел он сдавленным голосом. – Разберу на запчасти! На гвозди пущу!

– Дурак! – печально сказала девушка и, легонько хлопнув дебошира по лбу, отправилась вслед за хозяином "дома".

Глава 18. Значит, призрак

– Значит, призрак?

Рарок больше не испытывал страх перед сэром Мальтором, но почему-то ещё не мог спокойно смотреть ему "в глаза". Он невольно отводил взгляд от того места, где им полагалось быть и, в конце концов, рыцарь опустил забрало, чтобы не смущать своего подопечного.

– Да, призрак, – подтвердил сэр Мальтор. – Самый настоящий, но, как видишь, не кусаюсь и не тащу тебя в ад.

– Но как же?..

– Понятия не имею! Самому жуть как интересно, но, увы, я не знаю, почему после смерти стал призраком. Вроде при жизни не было ничего такого, за что бессмертной душе откажут в проходе на тот свет. И, тем не менее, я самый настоящий призрак!

– И давно?

– Давно ли я призрак? Порядочно!

– А всё-таки сколько?

– Какая тебе разница? Семьсот лет тебя устроит? И не делай такие глаза. Да, я действительно был рыцарем, и не перестал им быть по нынешний день. Кстати, что ты вообще знаешь о рыцарях?

– Кое-что знаю. Например, знаю, что рыцари жили в таких больших каменных домах, называвшихся замками.

– Далеко не все. Замки были только у очень богатых и знатных рыцарей. Для большинства, домом была походная палатка, а иногда и чистое небо над головой. Я прожил так полжизни, хоть сам родился в замке, но на свой собственный так и не заработал. Ещё что знаешь?

– Рыцари носят тяжёлые доспехи, полностью скрывающие тело и щиты с гербами.

– Тоже не всегда. Доспехи стоят дорого и не всем по карману. Частенько приходилось пользоваться старой кольчужой и простым шлемом без забрала. Щит тоже не всегда украшался гербом. Иногда на нём писали девиз, вроде – *"Честь и Слава!"* Или – *"Сила и Верность!"* Но чаще вообще ничего не писали. Так проще, хотя если деньги заводились, то и я старался прикупить хорошего снаряжения, но, увы, это было не часто.

– А как же эти доспехи, которые сейчас на вас?

– Они моложе меня лет на триста! Я нашёл их в развалинах дома, хозяин которого наверно собирал всякие редкости. Там же обзавёлся вот этим мечом. Он, похоже, совсем недавно сделан, менее столетия назад, но сделан на славу! Лучшего клинка мне не приходилось видеть ни при жизни, ни... после.

– Понятно. А ещё, я читал, что настоящему рыцарю лучше в лапы не попадаться, что они в бою сильнее всех и даже гладиаторы не могут сравниться с ними в боевом искусстве. Честно говоря, мне в это верилось с трудом, ведь я знаю, что

такое гладиаторская подготовка, но после нашей встречи я вынужден признать, что это так.

– На это я должен сказать, что рыцари бывали разные. Кто-то слабее, кто-то сильнее, но жизнь беспощадно убирает слабых, так что выживают сильнейшие. Ну, и конечно те, кто выжил, если они не совсем дураки, хотели, чтобы их дети тоже были сильными и выжили в жизненной борьбе. Вот и гоняли нас с детства до седьмого пота, пока человек не превращался в боевую машину. И так было на протяжении многих поколений. В результате мы действительно стали лучшими из лучших. Вооружённый рыцарь был способен в одиночку схватиться с десятком опытных воинов и одержать победу. Но потом всё разрушилось. Наше время вышло, и рыцари стали слабеть и мельчать, пока не исчезли совсем. Нас сгубило...

– Огнестрельное оружие?

– Да, но не только оно! Много что произошло, мир поменялся... Я ведь это всё потом узнал, а когда жил, как человек, то думал, что всё так и будет, как было привычно для меня. Нет, никогда мир не стоит на месте! Он всё время меняется, хотим мы этого или нет.

– Можно я задам вопрос?

– Задавай, и не надо спрашивать разрешения.

– Кто же всё-таки сильнее в бою, рыцари или гладиаторы?

Прежде чем ответить, сэр Мальтор помолчал некоторое время. Рарок даже подумал, что сказал, какую-то нелепость

или бестактность.

– На этот вопрос однозначного ответа быть не может, – заговорил, наконец, рыцарь. – И те, и другие живут битвой и посвящают ей всю жизнь. И те, и другие знают всё об оружии и умеют с ним обращаться лучше любых других воинов. Но, на мой взгляд, у рыцарей всегда было то преимущество, что они воевали за что-то – за веру, за короля, за прекрасную даму, (которую иной раз приходилось добывать мечом), за деньги, наконец. За что воюют гладиаторы, тебе известно лучше меня. А с точки зрения тактики, у нас преимущество в том, что мы владеем любым оружием, а не только тем, которое разрешено для гладиаторских боёв. К тому же рыцари приучены воевать везде – в лесу и в поле, в горах и на море, на стенах замка и под его стенами, а гладиаторы знают только песок своей арены, не так ли?

– Так, а ещё я совсем не умею скакать на лошади.

– Это умение, весьма нужное, и ему я тебя обучу, как только раздобудем подходящих лошадок. Я и сам давно хочу в седло. Соскучился, знаешь ли!

– А почему я, сэр Мальтор?

– Ты хочешь спросить, почему я решил сделать тебя своим учеником? Я уже говорил, что ты особенный. В отличие от обычных головорезов у тебя есть мозги. Ты ведь читать умеешь.

– Многие умеют.

– Многие гладиаторы?

– Нет, гладиаторы, как раз немногие. Из тех, что среди живых, только я, да мой старик. Ну, ещё может быть один парень по имени Валентин, бывший мой соперник. Но он больше не гладиатор – после того, как я его порезал на арене, он решил сменить профессию, и теперь учит фехтованию наших военных. Он читать умел, один из всех моих знакомых. Родители, вроде как умели, даже мне читали когда-то вслух.

– Кстати, отчасти, я выбрал тебя из-за них.

– Вы их что, знали?

– Лично, нет. Но я давно знал об их существовании и долго искал их. Точнее не их обоих, а твою маму. Когда я узнал, что она замужем за гладиатором, то сначала испытал разочарование, но потом навёл справки о её муже и понял, что для неё это был лучший вариант. Твоё появление на свет, оказалось для меня приятным сюрпризом. Когда я, наконец, выяснил, где нужно вас искать, то поспешил сюда, но всё же опоздал! Твои родители были уже мертвы, а ты был слишком мал. Мне пришлось снова уйти в странствие. Я только удостоверился, что ты в надёжных руках и будущее твоё обеспечено.

– А зачем вы искали мою маму?

– Видишь ли... Но нет, малыш, не сегодня! Я смотрю, твои глаза уже слипаются. Обещаю рассказать всё в следующий раз, когда мы оба будем готовы. А теперь, спи, набирайся сил, а мне надо о многом подумать.

Глава 19. Проба есть проба

– АААААААААААА!!!

Бамс! Тело Зига пролетело через всю мастерскую, эффектно впечаталось в стену, а затем сползло на пол, увлекая за собой сооружение из полок, уставленных какими-то банками. Леса бросилась откапывать своего пациента из-под груды хлама, но он уже сам вскочил на ноги, и тотчас рухнул обратно!

– Вытащите меня отсюда! – орал охотник, беспомощно хлопая руками, словно крыльями. – Снимите с меня эту дрянь!

– Я же говорил, Зиг! Потихонечку! – невозмутимо сказал Механикус, стоявший неподалёку с видом тренера. – Твоя задача заключалась в том, чтобы сделать лёгкий прыжок, стараясь синхронизировать работу своей собственной ноги и протеза...

– Да как их можно синхронизировать, когда эта железка всё время убегает?! Стоит мне чуть-чуть подвинуть левую, как правая срывается с места, словно обезумевший монстр!

– Но всё-таки надо постараться...

– Да я и так стараюсь!

– Значит этого мало, надо пробовать ещё и ещё!

– Пока буду пробовать, голову себе разобью!

– Так ведь для этого существует шлем!

Зиг некоторое время отнекивался, но всё же позволил надеть на себя старый потёртый шлем с треснувшим стеклом. При этом он стал похож на очень бородатого космонавта. Впрочем, Леса имела о космонавтах весьма смутное представление, и, вообще, считала их сказочными героями, а Механикуса волновала сейчас только техническая сторона вопроса. Под его руководством, очень несчастный Зиг, приготовился к следующему прыжку, (потихонечку!), и, зажав глаза, прыгнул! Девушка тоже зажмурилась.

– Не-е-е-ет!

Очередной полёт через мастерскую закончился, так же, как и предыдущий. Леса удручённо вздохнула и поспешила на помощь барахтающемуся, среди катушек с проводами, охотнику.

– Неужели я что-то неправильно рассчитал? – задумчиво пробормотал Механикус, глядя на двух людей запутавшихся в проволоочной паутине.

– Мех, – сказала Леса решительно, – с него на сегодня хватит!

– Пожалуй ты права, – согласился с ней хозяин мастерской. – Придётся снизить мощность некоторых микродвигателей в этом устройстве. А жаль! Так хотелось создать нечто действительно сильное.

– Что в этом толку, если одна нога намного сильнее другой? – резонно заметила девушка. – Этак человека пополам разорвать можно! Вот если бы можно было усилить вторую,

тогда другое дело...

– Я болван! – крикнул Механикус, звонко хлопнув себя по лбу. – Мясорубка безмозглая! Как мне это самому в голову не пришло? Конечно! Усилить вторую! Зиг, давай отстёгивайся! Я всё переделаю!

С этими словами Механикус отодрал протез от слабо сопротивляющегося Зига и исчез с ним в глубинах мастерской. Покалеченный охотник с укором посмотрел на Лесу и простонал:

– Спасибо, подруга!

Девушка только развела руками.

– А что я? Я ведь в этом ничего не смыслю! Может он и впрямь сейчас придумает всё, как надо?

– Отбивную он из меня придумает! – проворчал Зиг.

После этого он демонстративно отвернулся и принялся чистить свою, и без того уже идеально вычищенную винтовку. Юная охотница пожала плечами, засучила рукава и углубилась в приготовление ужина.

Глава 20. Шаг до свободы/смерти

Трибуны ликовали! Из-за восторженных воплей зрителей Большой Цирк дрожал, как при землетрясении!

На арене стояли двое – мужчина и женщина. Их усталые лица были мокрыми от пота и крови, но они улыбались и поднимали руки в приветственном жесте. Вокруг в разных позах застыли полтора десятка поверженных гладиаторов. Они все были мертвы, женщина и мужчина убили их.

Абсолютные чемпионы! Гордость гладиаторской гильдии и гордость Торгового города. Только один человек не испытывал гордости за эту смертоносную пару. Маленький мальчик, который прятался за створкой ворот, ведущих в покои элитных бойцов, испытывал только страх!

Почему? Чего он боялся? Пожалуй, он сам не мог объяснить этого. Родители любили его и никогда не наказывали. К виду крови и смерти он привык с пелёнок. Он и сам мечтал стать гладиатором, правда мама была против, а отец, когда заходили такие разговоры, загадочно ухмылялся и говорил – "Посмотрим"!

Нет, мальчик боялся не родителей, он боялся за них! Это было глупо, и он знал, что это было глупо, но всё равно боялся. Глупо это было потому, что мама и папа были лучше всех на этой арене. Им не было равных, когда они сражались поодиночке, а когда выступали вдвоём, то ухитрялись уничто-

жить целый отряд могучих воинов, как сегодня, например.

При этом создавалось впечатление, что им всё равно, сколько перед ними врагов. Если бы устроители боёв не считали массовые сражения делом разорительным, (ведь гладиаторы не бесконечны), то против этой пары могла бы выступить небольшая армия. Выступить и проиграть.

– А сейчас, наши бесстрашные чемпионы, Марантания и Веренгай, покажут многоуважаемой публике сражение со стаей монстров! – прогремел голос откуда-то сверху.

Вот оно! Мальчик зажмурился. Он не хотел этого видеть. Всё что угодно, только не монстры! Но любопытство пересилило, и он приоткрыл сначала один глаз, (будто этим он мог наполовину убрать опасность), а затем распахнул оба своих больших, (маминых), глаза и стал смотреть на приготовления к новому кровавому зрелищу.

Отец рассказывал, что справиться со стаей монстров очень сложно. Всем известно, что монстры не умеют разговаривать, но каким-то образом они понимают друг друга, и когда нападают стаей, то делают это не всем скопом, а по хитрому, будто следуют заранее продуманному плану. В свои пять лет, мальчик очень смутно понимал, что это значит, но для него было ясно, что сейчас его родителям грозит такая опасность, какой ещё не было!

Всего неделю назад погиб молодой гладиатор, которого он часто видел у себя дома. Эту гору мускулов почему-то называли – "восходящая звезда". Он был на голову выше отца,

но благоговел перед ним и называл своим учителем, что не мешало ему втихаря бросать жадные взгляды на маму. Когда уже всё было кончено, родители говорили, что он вызвался сражаться с монстром для того, чтобы произвести на неё, какое-то "впечатление".

Бой длился лишь несколько секунд. Громадный голем разорвал незадачливого вояку пополам и зашвырнул обрывки на трибуны! Мальчик этого не видел, ему, вообще, нечасто разрешали смотреть на то, что делается на арене. Зато он видел то, что осталось от гладиатора, когда *это* принесли в мертвецкую, куда сбежалось почти всё население Цирка. Увидел и пожалел о том, что ему не запретили туда входить...

В тот день родители вышли на арену, и под рёв толпы расправились с озверевшим големом, но после этой победы не было ни праздника, ни поздравлений. Все ходили задумчивые и хмурые, а ещё почему-то не хотели смотреть друг другу в глаза. Отец тогда сказал, что победа над монстром им "тяжело далась", а ведь это ещё не было сражением со стаей!

Лязг железных засовов отвлёк мальчика от этих недетских размышлений. Он робко выглянул из-за створки ворот и увидел, как на противоположной стороне арены поднимается громадная стальная решётка, за которой клубится, как ему показалось, какая-то бесформенная серая масса. Но через мгновение, то, что виделось ему чем-то единым, распалось на несколько странных омерзительных существ, кото-

рые с визгом и воем высыпали на арену.

Две или три пары из них, при этом, дрались между собой, но остальные, выбежав на свет, остановились и принялись озира́ться вокруг, с шумом втягивая воздух широкими ноздрями. Возможно, они просто были сбиты с толку, попав в непривычную обстановку, но глаза большинства этих чудовищ горели ненавистью, и сейчас они искали жертву! И эта жертва быстро нашлась.

Двуногая человекоподобная тварь, с головой увенчанной рогами и гротескными когтистыми ручищами, кисти которых волочились по земле, вдруг издала гортанный вой и рванулась к центру арены, где стояли два усталых гладиатора!

Глаза ребёнка, прятавшегося за створкой ворот, чуть не выскочили из орбит – на его родителей надвигалось само воплощение Смерти с оскаленной зубастой пастью и жуткими руками, вскинутыми для удара! Мальчик хотел зажмуриться, но оказалось, что это невозможно – страх парализовал его настолько, что он не мог пошевелить ни единым мускулом. Вот, монстр совсем уже близко! Насколько близко, что видно, как из пасти высунулся длинный раздвоенный язык, и у мальчишки мелькнула неуместная мысль, что чудовище дразнится!

Сталь двух мечей, словно направляемых единой волей, сверкнула в солнечных лучах, и Большой Цирк взвыл дурным голосом! Отсечённые руки монстра одновременно упали на песок, а их пальцы всё ещё продолжали судорож-

но сжиматься и разжиматься! Тварь проскочила между расступившимися гладиаторами, сделала ещё несколько шагов, увлекаемая собственным весом, но тут ноги её подкосились, (сухожилия на них оказались непостижимым образом порезанными), и она рухнула на песок, страшно извиваясь и заливая всё вокруг потоками чёрной крови! Милосердный удар в сердце прекратил её страдания, и в то же мгновение другой меч с одного взмаха отделил уродливую голову от туловища!

Вопли зрителей уже напоминали недовольное громоподобное урчание гигантского кота, но мальчишка не замечал этого. Он даже не почувствовал, что обмочился, а ведь сие позорное свойство давно было побеждено им, будущим учеником гладиаторской школы!

Его внимание приковал не побеждённый монстр, а группа чудовищ, направлявшаяся сейчас в сторону его родителей. Их было девять, этих мерзких тварей, которых пришлось долго отлавливать для сегодняшнего представления. Мальчик знал, что во время охоты на этих монстров погибло четыре охотника, зато тем, кто выжил, удалось неплохо заработать.

Это не прибавляло ему хорошего настроения, тем более, что поведение монстров вдруг изменилось. Они перестали грызться друг с другом, но не набросились на гладиаторов сразу, а приближались медленно, выстроившись полумесяцем, словно были опытными воинами, а не тварями, населя-

ющими необжитые людьми места.

Два ящероподобных существа, на полусогнутых когтистых лапах, обходили гладиаторов с флангов, припадая к земле и почти волоча по ней раздутые животы. Их длинные хвосты, усеянные шипами, всё время находились в движении, а крокодильи пасти были открыты, и с чёрных морщинистых губ на песок капала слюна.

За этими двумя шли целых шесть "зомби". Так охотники называли монстров похожих на оживших мертвецов. Правда, это сходство было только внешним. Людям искушённым, а к таким относился и наблюдавший за сражением мальчишка, было известно, что зомбаки эти были живыми, и что их вполне можно убить, как и любое другое смертное существо. Вот только убить их было очень непросто!

Вполне человеческие руки этих тварей были снабжены длинными когтями похожими на изогнутые кинжалы. Удар таким когтем рассекал, словно бритвой, не только человеческую плоть, но и самую прочную кольчугу, а стремительность, с которой они нападали, сводила к нулю шансы любого охотника, если только он не владел клинком с ещё большей скоростью.

Мама юного наблюдателя, как раз прославилась таким мастерством, а отец, демонстрируя особое умение, не раз выходил против зомбаков с голыми руками. Но это были поединки один на один, а сегодняшний расклад был совершенно иным...

В центре наступающих и позади всех, неторопливо вышагивало совершенно невероятное существо, которое стоило всех предыдущих вместе взятых. Внешне оно напоминало скорпиона, но размерами было не меньше лошади. Бронированное туловище опиралось на шесть членистых ног и заканчивалось хвостом с увесистой шипастой булавой. Как и обычный скорпион, тварь была вооружена здоровенными клешнями, но на этом сходство с мелким собратом чудовища заканчивалось. Клешни эти росли по бокам не паучьей, а человеческой головы, которая была чуть крупнее настоящей, и имела свойство при опасности убираться под хитиновый щиток.

Словно в насмешку над природой, эта была женская голова, обрамлённая пышными волосами, уложенными в причёску!(?) Чистое, будто холёное, лицо этого существа, с правильными, строгими чертами, можно было бы назвать очень красивым, если бы не выражение крайней злобы и жестокости, застывшее на нём, как зловещая маска. Мальчик вдруг вспомнил название этой твари – мантикора!

Гладиаторы встали спина к спине и прикрылись щитами, ожидая нападения. Большой Цирк замер. После дикого рёва толпы, тишина, повисшая над ареной, отзывалась в ушах звенящей болью. Стал слышен даже тихий скрип песка под лапами монстров, их тяжёлое дыхание и шум втягиваемого ноздрями ящеров воздуха. Мальчик ждал, что первыми нападут именно ящеры, но случилось иное. Как только его ро-

дители встали в позицию для защиты от атаки с флангов, мантикора прыгнула!

Её прыжок был столь стремителен, что глазу предстало только размытое изображение гигантского паука, вдруг переместившегося от края арены к центру. Жуткие клешни нависли над головами гладиаторов, но те были готовы к такому обороту. В следующее мгновение два щита стукнули друг о друга, образуя единую стену, и в них тут же ударила шипастая булава на хвосте монстра. А ещё через короткий миг на людей ринулись оба ящера!

Казалось, гладиаторы обречены, но монстров подвели зомби. Вместо того чтобы стоять на месте и ждать, когда придёт для них время атаковать, зомбаки бросились в драку и попали под ноги ящерам!

Эта секундная задержка, во время которой два зомби оказались растоптанными, а один отлетел в сторону с перебитым хребтом, позволила гладиаторской паре вывернуться из свалки, прикончить по дороге ещё одного зомбака и нанести несколько ударов ящероподобным тварям.

Мантикора, ноги, которой увязли в куче-мале, устроенной собратьями, снова прыгнула. На этот раз её прыжок не был столь эффектен, но она приземлилась, таким образом, что люди оказались между ней и клубком из монстров. Гладиаторы снова встали спина к спине.

Всё это произошло так быстро, что зрителям показалось, будто бойцы арены исполняют с монстрами какой-то риту-

альный танец. Но мальчику, прятавшемуся за створкой ворот, виделось совсем другое!

От него не скрылось то, что шипастая булава мантикоры пробила-таки щит отца и одна из отравленных игл вонзилась ему в руку. Гладиатор не подавал вида, но по лёгкому дрожанию его щита, можно было понять, что с каждой минутой держать щит ему становится всё труднее. А ещё, мальчик заметил неглубокий, но длинный кровоточащий порез на бедре матери.

По обычаю гладиаторы Большого Цирка не надевали тяжёлую броню, полностью скрывающую тело, а немногочисленные женщины среди них одевались так, чтобы, едва соблюдая приличия, поражать зрителей красотой своего молодого тренированного тела.

Из-за этого в городе о них ходили двусмысленные или откровенно грязные и совершенно несправедливые сплетни, но главное, что они дорого платили за желание угодить зрителям на арене. Чтобы выжить и не остаться калекой, самые умелые из них обрели невероятную ловкость, и мать мальчика была в этом деле лучшей из лучших. Но вот теперь её кровь тонкой струйкой стекала по ноге, и левая сандалия наверно была уже совсем мокрой. А ведь этого могло не быть, если б тело воительницы было прикрыто хотя бы самой тонкой кольчугой! Всё это вихрем пронеслось в голове ребёнка, но он ещё не был способен не только высказать, но и как следует осознать собственные мысли.

Тем временем, ящеры и два оставшиеся зомбака напали снова! Мантикора по непонятным причинам выжидала. Отец что-то быстро сказал матери, а в следующее мгновение развернул свой щит ребром и с размаха всадил его в пасть налетевшему ящеру! В то же время его меч по рукоять погрузился в грудь одного из двух зомби, при этом он не удержался на ногах и все трое кувырком полетели в песок!

Женщина-гладиатор была вынуждена отвернуться от замершей в пяти шагах мантикоры, чтобы отразить атаку оставшейся пары монстров. У неё это получилось даже лучше чем у её мужа – сделав шаг в сторону, она пропустила ящера мимо себя, но успела ткнуть его мечом в незащищённый бок. При этом нижний край её щита, каким-то чудом ударил последнего зомбака в горло, от чего тот рухнул, как подкошенный и замер с неестественно выгнутой шеей.

Истекающий кровью ящер откатился к ногам мантикоры, и тут произошло, что-то странное – паукообразное чудовище подняло одну из своих заострённых на конце лап и пригвоздило этого члена своей команды к земле одним ударом! Ящер коротко взвыл, дёрнулся и затих. Казалось, мантикора раздражена неуклюжими действиями собратьев, но это не означало, что она собиралась щадить гладиаторов.

Женщина помогла своему мужу выбраться из-под груды поверженных врагов, что ему врядли удалось бы сделать самому. Мальчик увидел, что левая рука отца висит безжизненной плетью, а сам он сплошь покрыт кровью, словно его

окатили из ведра! Ко всему прочему гладиатор был безоружен – его щит намертво застрял в пасти ящера, а меч также прочно засел в грудной кости зомби.

Мгновенно оценив обстановку, мама будущего гладиатора встала между мужем и последним из оставшихся врагов. Отец всё ещё пытался выдернуть свой меч издохлого зомби, но это и двумя руками было сделать непросто, а у него была только одна здоровая рука!

Между тем мантикора не торопилась. Казалось, что она размышляет, даже взгляд её стал не злобным, а задумчивым. Мальчик мысленно подсказывал родителям бежать, но он и сам понимал, что это невозможно – монстр нападёт сразу, как только люди повернутся к нему спиной.

Помедлив ещё пару секунд, мантикора убрала голову под хитиновый щиток, что означало подготовку к атаке. Все напряглись, стадион замер. Отец мальчика бросил попытки освободить свой меч, расстегнул боевой пояс с тяжёлой пряжкой и намотал его на руку.

Чудовище атаковало стремительно и страшно! Шипастая булава распорола воздух со звуком рвущейся материи. Она лишь слегка задела гладиаторский щит, но в тот же момент громадные клешни лязгнули и руки женщины вместе с оружием, которое она держала, оказались зажатыми в этих шипастых тисках!

Отчаянный крик боли пронёсся над ареной! Мальчик увидел, как ноги матери оторвались от земли, и она оказа-

лась распятой в воздухе! Отец попытался спасти положение, он поднырнул под клешню монстра и обрушил свой бронированный кулак на то место, откуда сверкали злобные глаза мантикоры! От жуткого визга чудовища заложило уши, и мальчик не слышал вопль ужаса, который издал Большой Цирк!

Мантикора конвульсивно задёргалась, закружилась на месте, подняв тучу пыли и вдруг опрометью бросилась наутёк, через всю арену, через трибуны, через зрителей, брызнувших от неё, словно стая перепуганных тараканов, и исчезла, перепрыгнув через стену, отделявшую Цирк от внешнего мира.

Что-то большое отлетело к ногам мальчика и упало, наполовину зарывшись в песок. Ребёнок сразу узнал этот предмет – это был круглый гладиаторский щит его мамы... с рукой, оторванной по плечо... Малыш перевёл взгляд на то место, где только что происходило сражение. Его родители лежали рядом, словно их специально кто-то так положил. Голова отца была разбита, но он всё ещё обнимал одной рукой тело жены, словно пытался её защитить...

– Какая ... сволочь выпустила мантикору?! – раздался рядом с мальчиком знакомый слегка скрипучий из-за приближающейся старости голос. – Этого же не было в контракте! Такую тварь невозможно убить вот так, мечом! Нужна пушка или бомба! Малыш! Эй, Рарок? Ты меня слышишь, парень?

Ребёнок обернулся. За его спиной стоял старик, которого

он уже много раз видел раньше. Этого деда в Цирке теперь никто не воспринимал всерьёз, но отец говорил о нём что-то хорошее. Правда, мальчик никак не мог припомнить, что именно он говорил. Впрочем, сейчас он не мог ни помнить, ни думать, ни говорить, ни даже стоять. Багровый туман затянул его сознание, и оно погасло, как накрытая колпаком свечка.

Глава 21. Раненая душа

– Значит, ты всё видел?

– От начала до конца.

– И как же ты жил с этим?

– Понимаешь, я потом это всё забыл. Наверное, помогло то, что я был ещё ребёнком. Старик, кстати его зовут Лозас, хотя я редко слышал, чтобы кто-либо называл его по имени, так вот, он потом рассказывал, что я неделю не разговаривал, после чего, как бы отключился, забыл и даже не спрашивал, где мои папа и мама. Когда кто-то заговаривал со мной о родителях, я будто не слышал этих вопросов и, в конце концов, мне их перестали задавать. Ну а потом пошла, закрутилась совсем другая жизнь. Я уже тогда посещал школу гладиаторов, но это было ещё не серьёзно. За нами, младшими, больше присматривали, чтобы не покалечили друг друга, чем учили. В комнатах родителей при Цирке кто-то поселился, и Лозас забрал меня к себе. Он стал обучать меня искусству боя всерьёз, так что к тому моменту, когда я перешёл на средний уровень обучения, я уже много чего умел. А после всё было просто – лучший среди учащихся, лучший среди выпускников, лучший, когда вышел на арену. Я быстро достиг звания чемпиона, а когда в карманах зазвенели деньги, то выкупил насовсем апартаменты, в которых когда-то жила моя семья и сам там поселился. Теперь я забрал к себе

старика, он к тому времени основательно одряхлел, стал никому не нужен и его хотели выгнать из Цирка. Но жить на хлебником он не пожелал и назвался моим слугой. Взвалил на себя всю домашнюю работу и уход за моим снаряжением.

– Это он помог тебе всё вспомнить?

– Он. Впрочем, тогда родители стали часто приходить ко мне во сне и я сам многое вспомнил.

Над крохотным лагерем, разбитым в диком лесу, воцарилось молчание. Сэр Мальтор сидел, глубоко задумавшись и как-то совсем не по призрачному вздыхал и что-то бормотал в своём шлеме. Рарок мог разобрать только приглушённое: "Не успел! Не успел!"

Молодому гладиатору не хотелось продолжать затянувшийся разговор. Воспоминания о давно умерших родителях разбредили его душу. Вдруг захотелось домой, в привычную атмосферу Большого Цирка. Захотелось увидеть старого Лозаса и послушать его рассказы, которые в той, недавней жизни так надоели...

Какой-то ком подступил к горлу, но Рарок проглотил его, а чтобы отвлечься, перевернулся на спину и стал смотреть на звёзды. Какие же они здесь яркие и красивые! В городе было совсем не так. В этом внешнем, новом для него мире, вообще всё было странно и непривычно. Вот уже несколько дней, как они выбрались из подземного лабиринта, а он всё никак не мог освоиться в пространстве, где нет стен, где вода течёт не из водопроводного крана, а прямо из земли, где по

ночам бывает холодно и сыро, зато днём так тепло, красиво и радостно, что хочется пуститься бегом через этот лес, всё равно куда!

— Отец виноват? — вдруг услышал он собственный голос и сам удивился своему вопросу.

— Что ты сказал? — вздрогнув, спросил рыцарь, который всё прекрасно слышал, но, как это бывает, не поверил своим ушам.

— Я говорю, отец виноват в том, что мантикора убила маму? Я много думал об этом. Если бы тогда он не ударил чудовище, то могло ли всё закончиться по-другому?

— Даже не знаю, что и сказать, — задумчиво произнёс рыцарь. — Мантикора один из самых опасных монстров. Почти неуязвимая, к тому же обладает подобием разума. Мог ли он сделать что-то ещё? Врядли. Даже то, что он вообще смог что-то сделать, уже само по себе чудо. Скажу тебе больше — мантикора тварь, которая любит убивать свою жертву медленно, а потому, то, что произошло...

— Довольно, я понял!

Рарок снова замолчал, рыцарь тоже не стал продолжать разговор. Так прошло около получаса, после чего гладиатор услышал сочный богатырский храп, раздающийся из рыцарского шлема. То, что призрачный рыцарь был способен спать, никак не укладывалось в голове воителя арены. Впрочем, он не стал над этим задумываться, а сам повернулся на бок и последовал примеру своего спутника.

Глава 22. Проба снова

- Ать-два! Ать-два! Левой-правой! Левой-пра...
 - Слушай, Мех, а может не надо этого?
 - Нет, нет! Старинная речёвка помогает ритмике движения. Недаром её использовали для тренировки солдат!
 - Знаю! Но у меня от всего этого уже зубы ноют!
 - Зубы?
 - Да нет же! Не бери в голову...
 - Нет уж, ты выкладывай, как есть! Я знаю, что зубы одно из самых слабых мест человеческого организма, а лечить их никто не хочет.
 - Не болят у меня зубы!
 - А зачем ты сказал, что болят?
 - Так говорят, когда что-либо надоело так, что дальше некуда!
 - Ах, вот оно что!
 - Можно я просто так похожу, без этих твоих "ать-два"?
 - Ну что ж, навык хаотичного движения тоже необходим.
 - Ой, спасибо!
 - Не за что! Только не увлекайся.
- Зиг и сам понимал, что "увлекаться" не стоит. Устройство, созданное Механикусом, не просто заменяло ему потерянную ногу, а позволяло развить скорость, намного превосходящую человеческие возможности. Оно напоминало ме-

таллические штаны-сапоги, в которые человек вставлялся, как сосиска в тесто. (Зиг, в отличие от Лесы, знал, что это такое, потому что такое блюдо можно было попробовать в Торговом городе.)

Стальной механик превзошёл все ожидания покалеченного охотника. Протез был подогнан под его тело настолько, что нигде не натирал и не давил. В этом устройстве Зиг вновь чувствовал себя сильным, даже сильнее прежнего! Теперь надо было привыкнуть к этой силе, обуздать её. Да, он вполне мог перескочить весьма просторную, хоть и основательно захламлённую мастерскую одним прыжком, но в этом-то и заключалась опасность.

В прошлый раз, когда он попытался это сделать, такой прыжок чуть не стоил ему жизни, к тому же потом пришлось вытерпеть почти часовую лекцию Механикуса о технике безопасности, а Леса назвала его большим ребёнком и безответственным типом. Так что приходилось терпеть все эти "аь-два" и сдерживать себя, сдерживать, сдерживать... А ведь Зиг давно разучился это делать!

– Ну, как? – раздался у него за спиной голос девушки.

Леса раз по пятьдесят в день спрашивала – "Ну, как?" и лезла во все зиговы дела. Он уже готов был взвыть от всего этого, но ответить грубостью на несколько навязчивую заботу своей спасительницы он не мог. Почему-то в её присутствии очерстевшее, за годы одиночества, сердце выделявало странные штуки – то замирало, то начинало колотиться,

то вообще таяло.

– Всё нормально! – буркнул охотник и продолжил своё движение по лабиринту из стеллажей и ящиков.

Девушка, угадав его настроение, не стала продолжать расспросы, а повернула в сторону, где находился шкаф с книгами. Она не последовала совету Зига "не портить глаза", и читала день и ночь. Охотник прокомментировал это замечанием – "Всяк калечится, как хочет!", и они больше не возвращались к этой теме.

Между этими двумя вообще установились весьма странные отношения, о чём в тайне беспокоился Механикус для которого подобные человеческие причуды до сих пор оставались загадкой. При желании Леса могла вертеть старым бирюком, по своему усмотрению, но вместо этого она терпела его упрямство, грубоватые шутки и дурные манеры, а он играл перед ней хамоватого мужлана, сам же при этом был похож на огромного лохматого пса осторожно играющего с маленьким котёнком.

И всё же близко они не сходились. Однажды на предложение девушки рассказать друг другу о себе без утайки, Зиг бухнул вопросом:

– У тебя были любовники?

На это, Леса, покрасневшая, как спелая помидорка, коротко ответила – "Нет...", после чего долго молчала. Потом она спросила в свою очередь:

– Почему ты живёшь один здесь, в этих развалинах?

Зиг сразу нахмурился и пробубнил изменившимся голосом:

– Это долгая история, и сейчас я не хочу об этом говорить!

С тех пор они не говорили на личные темы. В остальном маленькое общество жило дружно. Скандал, устроенный Зигом по поводу возвращения в убежище, забылся сам собой. Пока Механикус возился с протезом для охотника, тот починил изрядно проносившиеся сапоги Лесы, пристрелял оба арбалета и выковал себе, страшноватого вида, секиру из металлического лома, который нашёл на складе.

Девушка привела в порядок их одежду, а ещё вымыла и вычистила всё, до чего смогла дотянуться. В общем, они были готовы к выступлению в поход, но оставалась только одна маленькая проблема – надо было научить Зига ходить.

Глава 23. Не пропустить веселье

– Мех, а почему ты не сделал арбалет для себя? – спросила Леса, поставив книгу на полку.

Вместо ответа стальной охотник подобрал с пола средних размеров гайку и резким взмахом запустил её в стоявшую в углу железную бочку. Ржавый сосуд ухнул, как треснувший набатный колокол, когда импровизированный метательный снаряд пробил обе его стенки. Леса невольно зажала уши руками.

– Это далеко не предел моих возможностей! – сказал Механикус с ноткой гордости в голосе, едва девушка оправилась от лёгкого шока. – А ещё я попадаю в летящую муху, да не в одну, а в целых пять, когда стою к цели спиной! Так что оружие дальнего действия мне не требуется. Впрочем, эти навыки всё равно до сих пор негодились – пока я справлялся с монстрами голыми руками.

– Но ведь ты взял в руки меч для той схватки?

– Это так. Я не отрицаю силу оружия и намерен использовать его по мере необходимости...

– Мех, скажи правду, ты ведь сам не веришь, что мы сможем убедить жителей того города прекратить эти дурацкие гладиаторские бои?

Стальной охотник грустно наклонил голову.

– Не верю, – честно признался он. – Более того, вмеша-

ваясь в дела подобного рода, мы подвергаем себя большой опасности. Понимаешь, Лесик, люди упрямы, а такие люди, как эти самодовольные торговцы, крайне упрямы! Они всерьёз верят в правильность своей жизни, своих законов, в то, что их мирок единственно возможный и неизменный. Они ограниченные и тупые, но считают себя вправе распоряжаться чужими жизнями на том основании, что могут купить это право! Переубедить этих надутых индюков почти невозможно, но я не могу не попытаться это сделать! Много лет тому назад про меня сказали бы – он так запрограммирован. Я называю это по-другому. Просто Мастер, который меня создал, вложил в меня частичку своей души, а он был не только гением, но и очень добрым человеком! Нет, я не отступлюсь, и буду добиваться своего, хотя бы они меня слушать или нет! А вот вам с Зигом лезть в это дело совершенно не нужно. Меня могут снова попытаться разобрать на части. Что ж, пусть попробуют! Поверь, это не так легко, как кажется. Вы же, совсем другое дело, вас или просто убьют или засадят за решётку, как угрозу обществу. Поэтому я настаиваю, что бы вы остались здесь. Моя мастерская, это маленькая крепость. Я оставлю вам обоих стражей и покажу, как пользоваться аппаратурой внешнего наблюдения...

– Ты ведь и впрямь человек, хоть и механический, задумчиво сказала Леса. – Нет, Мех, так не пойдёт! Я не буду сидеть за толстыми каменными стенами и бронированными дверьми, когда речь идёт о спасении человеческих жизней!

Девушка упрямо тряхнула головой, от чего её тёмные кудри всколыхнулись непокорной волной.

– Но ведь...

– Никаких но! Не знаю, как Зиг, а я иду с тобой! Ты же так мало знаешь о людях и вообще наивен, как ребёнок! Ты провалишь всё дело без нашей помощи. Насчёт Зига я, правда, не уверена...

– Насчёт Зига могу сказать, что ни за что не пропущу веселье, когда вы собираетесь идти развлекаться! – заявил охотник, появляясь из-за стеллажа. – И, вообще, зачем ты тогда делал мне эти ходули? Чтобы удобнее было ходить в сортир? Поверь, до здешнего сортира я и на одной ноге, как-нибудь допрыгаю. Раз вернул мне способность ходить, то это надо опробовать в деле, а киснуть здесь я больше ни дня не намерен, хоть спускай на меня снова свои жестянки, больше ты меня взаперти не удержишь!

Механикус вздохнул, (по крайней мере, Лесе так показалось), и совсем по-человечески пожал плечами.

– Ладно, – сказал он. – Значит, пойдём все вместе. Но только после того, как я сделаю для вас доспехи.

– Мех, ты клуша! – девушка звонко рассмеялась.

– Я и так лязгаю на ходу! – возразил Зиг с нарочитой ворчливостью. – Ещё не хватает тащить на себе дополнительную тяжесть и грохотать, как вон та бочка!

– Они не будут тяжёлыми! – заверил его Механикус. – Я применю титан и ещё кое-что. Кстати, ты совсем не лязга-

ешь!

Теперь захохотал Зиг, что привело хозяина мастерской в полное недоумение.

Глава 24. Возвращение к Золасу

С первых ударов Лозас понял – его воспитаннику конец! Этот пришлый, неведомо откуда взявшийся, чужак, был сильнее во всех отношениях и играл с противником, как кот с мышью. Похоже, Рарок тоже заметил это, но бой уже вовсю кипел, и остановить его не было никакой возможности.

И всё же Рарок был лучшим бойцом Арены. Гладиатор действовал профессионально. Он отбил мощнейшую атаку противника и сам пошёл в наступление, и как пошёл! На долю секунды старику показалось, что все его опасения напрасны – чужак в рыцарских доспехах рухнул, не выдержав могучего удара и сверкающий на солнце гладиус был занесён над ним!

И тут всё переменялось. Он увидел, что Рарок не успевает, что его противник, несмотря на тяжесть доспехов, ухитрился откатиться в сторону и встать на ноги раньше, чем гладиатор понял что происходит. Вот сейчас этот закованный в железо гад с размаху всадит свой меч в незащищённый бок чемпиона и на этом всё!.. Лозас невольно зажмурился. Никогда раньше он не закрывал глаза при виде чьей-то смерти, но теперь...

Большой Цирк вздохнул многотысячным вздохом разочарования. Такого не бывает, когда заканчивается бой! Старик открыл глаза и не поверил тому, что увидел – Рарок был жив!

Мало того, он тут же снова пошёл в атаку и размахивал мечом, не жалея сил. Лозас не понял, что там произошло, но теперь он видел – молодой чемпион наступает на те же грабли! Рыцарь снова играл с ним, и эта игра добром для гладиатора не кончится.

Всё! С него достаточно! Старик не мог больше этого видеть. Он повернулся спиной к ристалищу, где кипел бой, и со всей скоростью на которую был способен, заковылял к своей камерке, где под грудой тряпья в запёртом неподъёмном сундуке хранилось то, что было запрещено в этом растреклятом Цирке – старый длинноствольный оленебой и пара крупнокалиберных револьверов, слишком тяжёлых для его старческих рук.

Да, он знал – за то, что он собрался сделать, его предадут публичной казни. Пусть! Он стар и скоро сам помрёт безо всякой помощи, но этот чужак не получит его питомца! Только бы успеть!

Поворот. Ещё поворот! Почему он раньше не замечал, что здесь так много этих проклятых поворотов? Но вот и дверь в личные покои чемпиона, а его собственная камерка сразу за дверью слева. Вот и сундук заваленный хламом. Лозас вытащил из тайника ржавый ключ и трясущимися руками вставил его в замок, который не смазывался уже около десятка лет.

Это получилось у него не сразу. Старик понял, что так дело не пойдёт и позволил себе потратить целых три секунды,

чтобы успокоить расшалившиеся нервы. Вот, теперь совсем другое дело! Он не глядя, выкинул из сундука несколько мешочков с золотом, какую-то расшитую в пух одежду, пачку засаленных журналов, с истрёпанных обложек, которых улыбались обнажённые красавицы.

Только одну вещь он извлёк бережно и аккуратно положил её на свою узкую койку. Это был поблёкший от времени портрет красивой женщины, одетой в лёгкую кольчугу со сверкающей камнями застёжкой на груди. Но и этот дорогой ему предмет он едва удостоил взглядом.

Наконец-то! На самом дне в нескольких потёртых футлярах лежало то, что он искал – могучее оружие прошлого!

Лозас вытащил всё на небольшой столик, стоявший у изголовья кровати, открыл коробки и быстрыми движениями принялся собирать мудрёно устроенную винтовку. Мимоходом он удивился, что руки ещё не забыли, как это делается, но раздумывать над подобными вопросами было некогда.

Через пару минут, (таких долгих минут!), он был вооружён и готов к бою, как в те далёкие времена, когда его имя наводило страх на богачей и стражников короля Лоргина. Не хватало только знаменитой шляпы с золотой пряжкой, но её давно съела моль. (Но пряжка лежала в кармане!) Ах, как давно всё это было!

Приказав себе забыть о боли в подагрических ногах, Лозас выскочил в коридор, не потрудившись даже запереть за собой дверь, чего с ним никогда ещё не случалось. Поворот.

Ещё поворот. Рёв толпы на трибунах становится всё слышнее. Вот уже скоро...

Пучеглазый монстр с оскаленной крокодильей пастью и выставленными вперёд когтистыми лапами выскочил на него словно чёрт из табакерки! Старик, не ожидавший ничего подобного, остановился, как вкопанный с открытым ртом, в то время как его руки сами метнулись к кобурам с револьверами. Монстр видимо тоже не думал встретить здесь человека и замер на долю секунды, что стоило ему жизни – в следующий миг он отлетел к противоположной стене с четырьмя пулями в груди и двумя в черепе!

Откуда здесь эта тварь? Лозас машинально перезарядил револьверы и заковылял дальше. Объяснение произошедшему могло быть только одно – бестия сбежала из вивария. Но разве там сейчас есть кто-нибудь? Несмотря на то, что дела бестиариев его не касались, он всегда был в курсе того, что происходило в Цирке, и теперь знал, что виварий пуст и бои с участием монстров на ближайшие полгода вообще не намечались. Тогда, как понимать то, что в жилых помещениях Цирка ему встретился крокодилоид?

Но и над этим вопросом размышлять было некогда. Лозас поспешил дальше, досадуя на вынужденную задержку. До выхода на арену оставалось совсем немного. Крики зрителей, раздававшиеся с той стороны, говорили о том, что бой ещё не кончен, а значит, можно было успеть! Ему бы только поймать в прицел голову этого рыцаря...

Жуткий грохот, лязг оружия и нечеловеческий вой заставили старика остановиться ещё раз. Он с удивлением выглянул из-за последнего поворота и чуть ни сел на месте от того, что увидел – оба бойца были здесь, не на арене, а в проёме ворот! Они двигались спина к спине и яростно отбивались от толпы наседавших на них монстров!

Зрелище длилось всего несколько секунд, после чего недавние противники свернули в один из боковых проходов и исчезли из глаз. Целая груда чудовищ осталась корчиться на полу, но на смену павшим явилось ещё больше, чем было, и все они устремились за убегающими гладиаторами. Нет не все. Пять или шесть повернули в сторону старика.

Золас, (к чёрту Лозаса!), улыбнулся сухими тонкими губами и неторопливо снял с плеча оленебой. Теперь он не боялся за своего подопечного. Этим тварям Рарок не по зубам, а с рыцарем они похоже нынче в союзе. А вот ему сейчас придётся поработать, как в старые добрые времена. Что ж! Тем хуже для монстров!

Глава 25. Кто человечнее?

Зомбак страшно зашипел и оскалил длинные острые клыки. Его лапы, с кинжалами вместо когтей, взметнулись вверх, чтобы нанести секущий удар девушке, стоящей на коленях.

Леса понимала, что если она не успеет, то её не спасёт даже броня созданная Механикусом. Пальцы вдруг стали скользкими и предательски задрожали, но она не прекращала попытки вставить на место перекосившуюся обойму со стрелами.

Но вот, наконец, раздался щелчок, и обойма послушно ушла внутрь арбалетного ложа. Механизм натяжения коротко прожужжал, и ещё один щелчок сказал, что оружие готово к бою. Охотница тут же нажала на спуск и, рванувшийся было к ней монстр, откатился обратно, судорожно хватаясь за стрелу, торчащую из живота! Следующий выстрел приколол его словно бабочку к дереву, где он и затих, извиваясь и брызгая кровавой слюной.

Леса встала на ноги и оглянулась вокруг. Кажется, это был последний. Кроме него, живописно повисшего, словно вампир на осиновом колу, лесную опушку украшали ещё четыре трупа – двое обезглавленных, запутавшихся в кустах ежевики, один возле костра, разрубленный вдоль до середины груди, (в нём-то и застряла катана), и ещё один поодаль, с

арбалетным болтом во лбу, разметавший, ни в чём неповинный, муравейник.

Ну и где же эти несносно медлительные мужики? Зиг и Механикус с утра отправились на охоту, но сейчас уже далеко за полдень, а их всё нет! Лучше бы она пошла с ними, но она сама отказалась. Дело в том, что умелая охотница на монстров совсем ничего не понимала в охоте на съедобное зверье. Кролики не считаются, их в её селении умел ловить голыми руками каждый сопляк, не желающий ходить голодным.

А ещё, она неуютно чувствовала себя здесь в лесу, где нет каменных стен, где под ногами непривычно мягкий мшистый ковёр, а вместо потолка, головокруглительно высокое небо. Нет, конечно, ей доводилось видеть всё это раньше, но её привычным миром были развалины древних городов, где безопасно чувствуешь себя только в подземельях. Потому и кожа у неё была белая, без малейших следов загара, что резко контрастировало с тёмными, почти чёрными волосами.

Ко всему прочему здесь было жарко, а превосходный, похожий на блестящую рыбу чешую, панцирь, защищал от чего угодно, только не от жары. Вот бы сейчас выкупаться! А почему бы нет? Совсем недалеко отсюда девушка видела крохотное озерцо с кристально чистой водой, как раз то, что надо!

Сказано – сделано. После изрядных усилий Леса сумела-таки извлечь издохлого зомбака катану, щёлкнула парой

застёжек и рыбкой выскользнула из своего бронированного комбинезона. Прохладный ветерок ласково окутал разгорячённую кожу и девушка, предвкушая удовольствие, решительно зашагала в сторону вожаемого водоёма.

Озерцо оказалось просто большой лужей, которую питал тоненький ручеёк. Вода в самом глубоком месте едва доходила до пояса, но это не мешало охотнице несколько раз нырнуть, а потом с наслаждением вытянуться в этой природной купальне!

Леса почти задремала, когда шум, раздавшийся со стороны лагеря, заставил её встать на ноги и потянуться к своему мечу, воткнутому в землю у кромки воды. Но в следующую секунду девушка расслабилась, потому что поняла – это вернулись Механикус с Зигом.

– Смотри, вот ещё один! – донёсся до её слуха чей-то голос.

Судя по всему, brave охотники обнаружили следы недавнего побоища.

– Где она? – снова крикнул кто-то из её спутников, но кто именно, было трудно понять на расстоянии. – Здесь доспехи! Её что, утащили?

Девушка прыснула в кулак. Пускай немножко поволнуются! Нечего было оставлять её одну так надолго.

– Кажется, я вижу следы! Пойду, проверю, – крикнул голос, который она теперь узнала: это был голос Зига.

Раньше, чем юная купальщица сумела сообразить, что

сейчас произойдёт, лохматая голова охотника высунулась из зарослей вереска, росшего по берегам. На миг оба остолбенели, глядя друг на друга круглыми глазами, потом совершенно пунцовая Леса со всего маху плюхнулась в воду, подняв целую тучу хрустальных брызг, а Зиг исчез и через секунду крикнул:

– Всё в порядке, Мех! Она здесь, хе-хе! Купается!

По его голосу было ясно, что этот ехидный мужик улыбается во весь свой щербатый рот. Леса, на чём свет стоит, ругала его и себя, и почему-то Механикуса, который был здесь совершенно не причём. Ей вдруг вспомнилось, как она недавно уговаривала Зига не стесняться и дать себя помыть, но ведь тогда было одно, а сейчас совершенно другое!

И что ей теперь делать? Одежда ведь вся осталась там, на поляне. Нет, она скорее умрёт, чем появится в лагере голой!

– Лесик, у тебя всё в порядке? – раздался голос, принадлежащий стальному охотнику. – Вот и хорошо! Я здесь оставлю полотенце.

Знакомая металлическая рука высунулась из кустов и развесила на ветвях широченное махровое полотнище, способное заменить девушке плащ. В очередной раз ей подумалось, что Механикус в большей степени достоин, называться человеком, чем кто-либо из её знакомых.

Через короткое время свежевыкупанная, завёрнутая в подобие полосатого сари, но надутая и злая Леса, появилась в лагере, где два её спутника были заняты хозяйственными

делами. Однако её настроение сразу улучшилось, когда она увидела истекающую шипящим соком тушу, подвешенную над костром.

– Это гигантская крыса? – спросила зачем-то девушка, рот которой наполнился слюной, а под ложечкой предательски засосало.

– Ни в коем случае! – ответил Механикус. – Это молодой самец благородного оленя! Их здесь много, но поймать такого весьма не просто, очень уж они хитрые, и быстрые. За ужин благодари Зига. Меня эта живность чует за версту, а он...

Последние рассуждения своего железного друга Леса пропустила мимо ушей. Она просто сбегала за своей катаной, отхватила кусок полупрожарившегося мяса и с наслаждением запустила в него зубы. Зиг только буркнул себе что под нос, но было видно, что он доволен. В конце концов, лучшей благодарностью за трапезу всегда бывает зрелище того с каким аппетитом друзья уплетают приготовленную тобой еду!

Прошло не более получаса, а насытившаяся и умиротворённая охотница мирно спала в тени одинокой акации. Её лицо выражало крайнюю степень блаженства, а когда чьи-то руки заботливо укрыли её широким дорожным плащом, казалось, что она вот-вот замурлычет.

– Однако девочка постаралась! – вполголоса сказал Зиг и поглядел в сторону, куда отволоч дохлых монстров.

– Да, с Лесиком лучше понапрасну не ссориться, – также

тихо отозвался Механикус. – Она один из лучших истребителей монстров, каких мне довелось видеть.

– А ведь по виду не скажешь!

Оба охотника молча, посмотрели на спящую девушку и глубоко задумались, каждый о своём.

Глава 26. Как же всё достало!

Вж-жик! Рыцарский меч сверкнул у самого кончика носа гладиатора. Рарок ответил прямым колющим ударом, поднырнув под руку сэра Мальтора, но провалился в пустоту, едва удержавшись на ногах, да ещё и получил несильный, но обидный шлепок плашмя пониже спины.

Как же его всё достало! Он, привыкший чувствовать себя самым сильным бойцом арены, здесь ощущал слабость и неуверенность. Рарок привык встречать врага лицом к лицу. Все хитрости военного дела сводились для него к изошрённым приёмам фехтования и игре перед противником на ристалище, вроде того, как притворяешься раненым и слабым, а сам вдруг наносишь неожиданный удар или делаешь вид, что отступаешь, а когда противник ринется в атаку, бьёшь его в бок или подрубает ноги.

Здесь было всё не так! Смерть могла настичь путника, выпрыгнув сзади из кустов, свалившись с ветвей из кроны дерева или вынырнув из воды. Она могла появиться, когда он спал или отходил по нужде. (Кстати, о последнем. Каким бы сильным человеком не был чемпион арены, но он с детства привык к комфорту. Такие вещи, как ватерклозет и душ с холодной и горячей водой были для него привычными атрибутами жизни и, оказавшись без всего этого, он первые дни чувствовал себя совершенно нелепо, будто вдруг снова пре-

вратился в беспомощного и неловкого ребёнка.)

Откровенно говоря, если бы сэра Мальтора не было рядом, неизвестно, что случилось бы с гладиатором, который не умел, ни добыть себе пропитание, ни разжечь костёр, ни устроить лагерь. Рарок был крайне смущён, ведь он давно уже думал, что может обходиться без посторонней помощи. Однако рыцарь его успокоил, сказав, что всё это является частью обучения, которое необходимо пройти. Вот и сейчас они учились, хоть со стороны это больше походило на драку!

Нет, ну не может же так продолжаться до бесконечности! Пусть сэр Мальтор первоклассный боец, но и гладиаторская школа тоже ведь чего-то стоит! Рарок вдруг вспомнил то, что когда-то говорил ему Лозас – в бою с сильнейшим противником можно выжить, только если ты будешь спокоен! Взгляни на себя как бы со стороны, не поддавайся ни гневу, ни страху! Забудь о своём отношении к тому, с кем дерёшься, будь холоден и расчётлив!

Рарок усилием воли приказал себе успокоиться, отогнал мысли о неудобствах своего нынешнего положения, выкинул из головы всю досаду на сэра Мальтора, игравшего с ним, как кошка с мышью. Он стал спокоен и холоден, как лёд.

Профессионально отведя щитом выпад длинного меча противника, он снова атаковал прямым колющим и... глубоко всадил свой гладиус в дерево, которое каким-то чудом оказалось на том месте, где только что стоял сэр Мальтор! Рыцарь, непонятно как оказавшийся сзади, положил свой

клинок ему на плечо и сказал просто:

– Ты устал, хватит на сегодня!

Рарок и впрямь почувствовал страшную усталость, как будто все тяготы этого странного похода обрушились на него вдруг и сразу. Он не без труда выдернул свой меч из дерева и поплёлся вслед за рыцарем к лагерю, где на углях доспевало мясо дикого кабана. Запах от этого кушанья разносился божественный, и впереди был отдых и беседа с интереснейшим собеседником, но Боже, как его всё это достало!

Глава 27. Всё не то

Это был не тот лес, который он знал и помнил. Кругом росли не те деревья, а под ногами была не та трава. И совершенно не те птицы пели на ветвях не те песни. Вдобавок ко всему, олень оказался невкусный.

Золас потряс головой. Чушь! Стариковская блажь. В молодости он смеялся над такими разговорами, которые вело между собой глупое старичьё, и думал, что сам никогда не будет таким. А теперь вот лежит себе под кустом и брюзжит, как какой-нибудь старый хрен. Но ведь он и есть старый хрен!

Старик перевернулся на спину и невольно охнул. Правый бок, разодранный когтями проклятого зомбака, болел нестерпимо. Теперь его раны заживают медленно, не то, что раньше. Нет, это не мир вокруг него стал плох, а он сам стал слабее и уязвимее. Вот, что осталось в этом мире без изменений, так это монстры! Нет, опять же таки он не прав. Как раз монстры изменились, стали сильнее и злее, а ещё их стало несравнимо больше.

Всё это старый Золас испытал недавно на собственной шкуре, которая основательно пострадала. Теперь дотащить-ся бы только до убежища. Цело ли оно? Сколько он там не был, лет двадцать? Тридцать? Всё может быть давно уже разграблено, но выхода нет, он обязательно должен прийти или

погибнет. Если каким-то чудом его старая берлога осталась нетронутой, то есть ещё шанс отлежаться. Ведь его правилом всегда было – не сдаваться, бороться до конца, пока есть хотя бы малейший шанс на спасение!

А ещё, он знал наверняка – спасение в движении! Очень хотелось полежать ещё, но Золас встал, хрустнув суставами, собрал свои немногочисленные пожитки и двинулся в путь по лесу, который и узнавал и не узнавал. Вот хороший ориентир – старый разлапистый вяз. Ему, наверное, несколько столетий. Если присмотреться с восточной стороны, то можно различить вырезанную давным давно – "М". Сейчас она чуть выше его роста, а когда-то была на уровне глаз. Забавно, что нож, которым нанесена эта литера, до сих пор сидит у него в сапоге. Только тогда он был плотно пригнан, а теперь болтается, и иногда больно бьёт по лодыжке.

Если встать к вязу спиной со стороны буквы и пойти прямо, то через сотню шагов лес кончится и начнётся овражистая долина, за которой расположены развалены древнего города, пользующиеся дурной славой. В былые годы туда не рисковали сунуть нос даже разбойники, но в том то и дело, что Золас не был обыкновенным разбойником.

Лес вокруг посветлел, и старик понял, что сейчас выйдет на опушку. Вот и знакомые заросли ежевики и вереска. Вдруг старик встал как вкопанный. Впереди явственно запахло дымом и кровью!

Золас прислушался, но всё вокруг было тихо. Тогда он

двинулся дальше, ступая бесшумно, по-звериному. Если память ему не изменяет, то где-то там впереди должно быть небольшое озерцо с чистой водой, а рядом с ним поляна, если только заросли кустов не поглотили и то, и другое. Идеальное место для привала, и, похоже, его сейчас кто-то использует.

Чтобы не идти напролом, охотник обогнул поляну с подветренной стороны, желая подобраться к лагерю чужаков через заросли вереска. Здесь его ждало ожидаемое открытие – в неглубокой канаве, заросшей всё тем же вереском, вповалку валялись тела пяти монстров. Судя по всему, их убили недавно, и если приглядеться к ранам, то становилось понятно – работал большой умелец. Значит люди, остановившиеся на поляне, не лыком шиты. Ай, молодец! Давно он не видел таких, интересно было бы познакомиться, но то, что они враги монстрам не означало, что они друзья ему – Золасу. Так что высовываться раньше времени не стоило, и старик продолжил своё скрытое движение.

Вот он подполз к краю поляны и осторожно раздвинул ветки, закрывающие обзор.

– Ну что ты там засел? Вылезай, я давно уже тебя вижу! – раздался громкий чуть металлический голос.

Старик понял, что обнаружен и встал во весь рост, положив руки на рукоятки револьверов. То, что произошло дальше, можно было назвать воплощением всеобщего удивления.

– Мех? – спросил старик, во все глаза, глядя на человека полностью сделанного из металла.

– Золас? – не меньше него изумился тот. – Ты жив?!

– Атаман? – воскликнул бородатый мужик, вскакивая со своего ложа из нарезанного папоротника.

– Малыш Зиг? – снова удивился старец.

– Эй, что здесь происходит? – спросила заспанная девица, выглядывая из-под акации. – Вы что, его знаете?

– Ещё бы! – весело проговорил Механикус. – Перед тобой ни кто иной, как сам Золас! Легендарный предводитель разбойников и глава сопротивления в далёкие времена царствования короля Лоргина!

– А ещё лучший охотник на монстров и спаситель многих людей! – прибавил Зиг и прослезился. – Мой... атаман...

– Я рада познакомиться с Вами! – восхищённо воскликнула Леса. – Мне о вас бабушка столько рассказывала!

– Небось сплошные враки! – проворчал старик, но было видно, что ему приятно узнать, что о нём помнят.

В скором времени вся компания сидела у костра и угощалась, не успевшей остыть, олениной, которая на сей раз показалась Золасу необыкновенно вкусной. Да что оленина! Лес приветливо махал ему ветками, как старому другу, с которым давно не виделся, птицы пели давно забытую, но такую прекрасную песню, а под ногами была мягкая зелёная трава, которую он по глупости, (или по прихоти судьбы), променял на песок арены.

– Так что, там все погибли? – спросила Леса, и старику показалось, что всё лицо этой девушки состоит из одних только огромных, странно знакомых, глаз.

– Я точно не знаю, – ответил он. – Когда я отступал, монстры вовсю жрали людей на трибунах. Что творилось в городе, можно было судить лишь по звукам, а творилось там что-то страшное.

– Как же тебе удалось уйти, атаман? – спросил Зиг, вгрызаясь в сочную полупрожаренную мякоть.

– Это ты про который раз? – усмехнувшись, спросил старик. – Про тот или про нынешний?

– Про нынешний, – как-то печально улыбнулся Зиг. – Про тот я знаю.

– Вот те раз! Откуда?

– Атаман, я был капитаном Особого отряда стражи Торгового города.

– Ну, положим это мне известно, – вздохнул Золас и взглянул на старого товарища и бывшего ученика взглядом отца, нашедшего тайник сына с порно картинками.

– Теперь я скажу – вот те раз!

– Я знаю, что ты наш Цирк не любил, и носа туда не казал, но это не значит, что о тебе у нас не знали и не говорили. А разузнать кто такой этот неподкупный капитан Зигель для людей фартовых, которые всегда вокруг Цирка ошивались, было раз плюнуть.

– Так навелstil бы, что ли, атаман! – буркнул Зиг, но при

этом как-то застенчиво улыбнулся.

– Малыш, – осклабился старик, – ты встал тогда по другую сторону баррикады. Нет, я тебя вовсе не осуждаю, хоть и знаю, чем для тебя всё это кончилось. Тем же, чем и для меня в своё время. Но сам подумай – моё появление в твоих владениях могло повредить и тебе, и мне. Связь с таким, как я, если бы она открылась... Ну, ты сам понимаешь! Мне, раскройся я, как атаман Золас, одна была бы дорога – петля, ведь в Торговом городе меня знали не хуже чем в королевстве Лоргина. Нда. Но ты говорил, что знаешь о том, как я спасся из горящего дворца. Откуда?

– Я прошёл твоим путём через пару лет после того, как мы расстались. Тогда я был младшим сержантом в Отряде и заработал отпуск за выполнение сложного и опасного задания, вот и решил съездить ещё разок на развалины столицы Лоргина, походить, посмотреть. Сам не знаю, что я там искал. Ясно же было, что никакой надежды узнать, что-то новое нет, но меня туда тянуло, м-м... какое-то предчувствие, и вот, поди ж ты, узнал! От дворца там остались одни головешки, да стены оплавленные, но я всё равно туда влез, и сам чуть в ту трещину не сверзился. Ты знаешь, о чём я. Как ты выжил, упав с такой высоты? Мне казалось, что целая вечность прошла, пока я туда спускался на верёвке.

– Повезло. А как ты понял, что я туда упал? Мало ли в полу трещин! И почему решил, что я жив?

– Остальные трещины были в других местах, а эта как раз

на пути, по которому ты рванул за той девчонкой, помнишь? И по размерам она как раз подходила. Пусть там всё основательно выгорело, но я узнал место, где был зал и примыкающая к нему галерея. Ну а то, что жив остался... Хех! Так ведь твоего скелета там внизу не было, зато между шпал сверкало немало бриллиантов. Видно в кармане или кошельке, где ты их держал, была дырка. Так вот, ты из неё неплохо мелкими брюликами при падении насорил. Я тогда насобирав себе на хороший костюм, коня и снаряжение, а ещё по возвращении квартиру себе неплохо обставил, так что спасибо атаман. Жаль, те, что после всех покупок остались, забрать не удалось, так и остались в тайнике в Торговом городе, будь он неладен, но да Рогатый с ними. А тогда я нашёл ещё кое-какие следы. Гильзы, например. Твои, я их ни с какими другими не спутаю.

– И далеко ты прошёл?

– До конца. То есть до того места, где ты нырнул в вентиляцию. Ну, уж туда я не полез. Потом попробовал найти это место на поверхности, но не нашёл. Зато когда расспрашивал охотников, промышляющих в тех краях, услышал с дюжину историй о некоем Лозасе – лихом охотнике, который невесть откуда взялся, успел круто отличиться, кого-то даже спас, а многим помог заработать, после чего подался в Торговый город и там осел. Сопоставить этого Лозаса с тем Лозасом, который в Большом цирке инструктировал чемпионов, было делом несложным, а если припомнить некоего

Золаса, которого я знал раньше...

– Ясно. Сам чего не зашёл ни разу?

– По той же причине. Думал – приду к тебе, вызову лиш-
ний интерес со стороны своего непосредственного началь-
ства, а это точно плохо кончится. Не я один в нашем подраз-
делении умел строить логические цепочки и делать выводы.

– В общем, вы знали друг о друге, каждый думал, что он
один такой догадливый, и оба держались друг от друга по-
дальше, чтобы не навредить товарищу, – подытожил Меха-
никус.

– Ништяк! – подала голос Леса, про которую забыли. –
Никогда не слышала такой истории.

– Маловато ты, детка, видно историй слышала, – проскри-
пел старик, демонстрируя щербатый оскал и мудрый прищур
дряхлой самоуверенности.

– Предостаточно я их слышала! – обиженно надулась де-
вушка. – Уж я-то наслушалась много историй, в том числе и
про вас, атаман Золас. Я просто никогда не слышала *такой*
истории, которая, впрочем, далеко не такая интересная, как
те, что рассказывала моя бабушка. Благодарю за компанию.
Я отправляюсь спать. Всем доброй ночи!

– Огонь-девка! – сказал вполголоса Золас, когда Леса
скрылась под своей акацией. – Твоя?

– Нет, – вздохнул Зиг, как-то сразу сникнув, – не моя. Она
сама по себе. Стар я для такого.

– Ну, ты даёшь! Это я стар для такого, а всё равно при

случае бабёнок радую. А ты ещё лет тридцать должен проскакать, как жеребчик. Впрочем, как знаешь. Так откуда эта цыпа?

– Это, атаман, цыпа не простая. Вот послушай!

Их разговор затянулся далеко за полночь. Механикус, время от времени, вставлял своё веское слово, но в основном рассказывал Зиг, а Золас слушал. Старый атаман жадно впитывал новости внешнего мира и уже искренне жалел, что похоронил себя на треть жизни за стенами Большого цирка.

Впрочем, там тоже был свой мир, ничуть не хуже, не добрее и не злее чем тот, что был снаружи. Уж кто-кто, а Золас, отнявший и спасший немало жизней, знал это наверняка.

В конце концов, разве Зиг не сделал то же самое, только в ещё большей степени? Золас ограничил свой мир стенами Цирка, Зиг поселился в катакомбах оставленной погибшей цивилизацией, в совершенном одиночестве.

– Что же касается Лесы...

В повествовании Зига выходило, что появление Лесы было, чуть ли не естественным выводом из всей его жизни. Даже скорее не естественным, а чудесным. Обстоятельства и впрямь были из ряда вон, но Зиг не видел в них ничего мистического.

– Похоже, ты в ней видишь скорее... дочку? – предположил атаман.

Зиг помолчал.

– Возможно, – сказал он. – Дочку, внуку, сестру, воз-

любленную, какая разница? Я знаю одно – если б понадобилось отсечь за неё правую руку... Да что там руку! Голову на плаху положу, не задумываясь, сердце вырву из собственной груди голыми руками...

– Эк тебя прихватило! – сказал Золас без тени иронии. – Добро, коль она того стоит. Даже завидно, хоть мне на жизнь грех жаловаться. Но это твои к ней чувства, а как насчёт того, что она к тебе имеет?

– Не думаю. Врядли такое возможно. Я для неё всё-таки стар, да и девочка, похоже, ещё не проснулась для любви.

– Ага. Ну, тогда мои соболезнования. Хе-хе! Не вздумай сказать ей, то же самое, что мне сейчас поведал. Но ты уже не мальчик, чтобы мне тебя учить. Ладно, так что там с моим убежищем? Ты там долго прожил-то?

– Понимаешь, оно как бы сейчас недоступно – монстры! А за сохранность припасов ты не бойся: я то, что использовал – компенсировал и ещё прибавил.

– Да я не о том. Отлежаться мне надо – раны должны зажить, а мне ещё воспитанника искать!

– Воспитанника?

– Да, воспитанника, хозяина и друга. В общем, паренька одного. Растил я его с мальчонки несмышлёного. Родители-то погибли на арене, так что я для него – семья, а он для меня.

– А ему сейчас сколько?

– Двадцать с небольшим. Он гладиатор, чемпион Цирка.

Абсолютный чемпион!

– Ну, такой может сам за себя постоять.

– На арене – да, но в жизни... Он в лесу-то до сих пор ещё не был. Ни костра разжечь, ни на обед себе что-нибудь поймать. В общем – дитя. Но, когда мы расстались во время бойни устроенной монстрами, с ним был один ушлый вояка, перед которым даже мой Рарок не выше стажёра, так что я не очень беспокоюсь. И всё же если встретишь его, то посодействуй, чем можешь. Зовут, как я уже сказал – Рарок, а выглядит он...

Когда настало утро, старого авантюриста уже и след простыл. Никакие уговоры остаться с ними, отдохнуть, принять медицинскую помощь, не возымели действия. Атаман Золас растаял вместе с утренним туманом, словно был частью его.

Леса, конечно, удивилась, когда узнала, что он ушёл пока она спала. Девушка видела этого старика впервые, хотя слышала много о его подвигах в прошлом. Но, откуда же это чувство вины? Будто она виновата, что он начал её поддевать! Впрочем, это и поддёвкой толком не назовёшь.

Конечно, в свои восемьдесят, (или все девяносто?), он слышал историй побольше, чем она в свои неполные двадцать, но зачем об этом *так* говорить? В результате она обиделась и взбрыкнула вместо того, чтобы принять участие в интересном разговоре и узнать что-то новенькое, что ей всегда нравилось. И вот теперь на тебе – она ощущает себя виноватой. А ещё, у неё теперь впечатление недоговорённости

и испорченное настроение.

В результате за все её переживания досталось Зигу, попавшемуся под горячую руку. И даже Механикусу перепало немного.

Глава 28. Знакомые глазки

Золас и впрямь чувствовал себя помолодевшим. Даже спина каким-то чудом разогнулась. Вот что значит пообщаться с хорошей компанией, которую не чаял встретить в этой глуши. Жаль что им не по пути. И то, что с девочкой разговор не состоялся, тоже жаль. Выходит, она ранима, как подросток, хоть и выглядит взрослой. Жаль, жаль!

А глазки у неё точно знакомые, когда-то он уже видел такие. Когда-то давно... Сейчас не припомнить, но точно видел похожие. Такие, какими бы только любоваться! Вот он и залюбовался, старый хрен и сказал ей какую-то ерунду стариковскую, а она, глупышка обиделась. На дураков и старых пердунов не обижаются, милая! Уже по твоей обидчивости видно, как ты молода.

Откуда биш она? Междустенье? Никогда не слышал, но, по словам Зига, где-то недалеко от Форта Альмери. Только вот расположено это Междустенье в Проклятом каньоне, в который по доброй воле разве что самоубийца сунется. Но оказывается, там тоже люди живут. Любопытно даже! И неплохо живут видать, раз у них такие девочки получаются. А глазки знакомые...

Глава 29. Это твой дед

Встреча с атаманом выбила его из колеи. Не то что Зиг был не рад видеть Золаса, но сейчас он испытывал чувство похожее на то, какое переживает человек, который попадает в знакомое и любимое место, где не бывал с детства и вдруг обнаруживает, что там всё не так, всё какое-то маленькое... Не разочарование охватило сейчас Зига, просто он привык смотреть на Золаса снизу вверх, а теперь этот почти лысый, (где чёрная грива волос?!), согнутый старик казался ему не могучим, как раньше, а хрупким! Теперь могучим был он – Зиг. Эти руки задушили не одного зомбака, когда приходилось схватываться с ними без оружия, а руки атамана казались сейчас палками, торчащими из рукавов...

И всё же он ещё не плох! Пробил себе дорогу через массу монстряков и выжил, вырвался из города. Для старика это можно сказать – о-го-го! Но у Зига всё равно было тяжело на сердце. Он беспокоился за атамана, злился, зачем то на себя, а тут ещё и Леса раскапризничалась и устроила им с Механикусом "бурю в стакане".

Хорошо железному – ему всё нипочём, от него пули отскакивают, а Зиг вот из крови и плоти сделан, хоть плоть эта и напоминает дубовую древесину. Только вот боль эта плоть, в отличие от древесины, испытывает не хуже, чем нежная девичья. Можно стерпеть, но приятного мало.

Механикус не переставал удивляться людям. Конечно, он тоже считал себя человеком и обладал всем набором человеческих эмоций, но отдавал себе отчёт, что, будучи другим по природе не может в полной мере понять людей. Благодаря тому, что его создатель был мужчиной, в мышлении Механикуса преобладала мужская логика. Но, по сути, он был существом бесполом, а значит не подверженным страстям, заставляющим людей встречаться, расходиться, конфликтовать вплоть до поножовщины переходящей даже в войны.

Механикус тщательно изучил природу этого свойства и мог бы порассказать людям многое чего они сами о себе не знали. Но всё же их действия, по-прежнему, поражали его своей непредсказуемостью.

Вот, например, этот старик – Золас. Механикус помнил его ребёнком, который уже тогда ставил окружающих в тупик своими независимыми суждениями, брызжащими эмоциями и развитыми не по годам способностями. Механикус до сих пор ругал себя за то, что не присмотрелся к необыкновенному парню повнимательнее. Отметил только, что люди, называвшиеся его родителями, таковыми на самом деле не являлись. Но ведь это бывает, что же здесь удивительного?

Когда они встретились в следующий раз, прошли годы, и цепь событий совершенно изменила и облик, и социальный статус черноволосого синеглазого мальчика со странным свечением вокруг головы, которое мог видеть только Механикус.

(К слову сказать, у людей много было такого, что они сами не видели и о чём не подозревали. Он же, способный воспринимать окружающий мир несколькими способами недоступными людям, "видел" это или ощущал иным способом.)

Золас тогда уже был главой банды лихих разбойников и совершенно зрелым, привлекательным для противоположного пола мужчиной. Механикус в то время был занят защитой южных селений от очередной волны монстров и радовался, что разбойники, неплохо относившиеся к бедному люду, переложили на себя часть проблемы.

И снова он совершил ту же ошибку – после краткого ознакомления с жизнью этого человека упустил Золаса из виду. Только потом услышал о нападении армии монстров на королевство Лоргина и той роли, которую сыграли разбойники в спасении выживших людей. Атаман Золас тогда считался погибшим, и вскоре превратился в легенду, а теперь вот на тебе!

Эта "легенда" явилась теперь живёхонькой, хоть и сильно постаревшей, но ещё вполне жизнеспособной. И своенравной по-прежнему.

Расстояние меж ними увеличивалось и, чем дальше они отходили друг от друга, тем больше Механикус чувствовал себя мясорубкой. Почему? Он сам не понимал. Надо было задать какие-то вопросы, но какие? Эх, мясорубка он, мясорубка! Вопросов можно придумать много, но самые важные придут на ум тогда, когда будет поздно. Впрочем, как всегда.

А ещё, эта парочка, которую он спас в катакомбах. Симпатичнейшие люди, между прочим. Зиг, (он его встречал лет двадцать или чуть меньше назад, когда тот бежал из Торгового города, где ему кажется, голову собирались снять за преступление, в котором он был невиновен или которое вообще преступлением не являлось; Механикус не сомневался, что это правда – встроенный полиграф определил искренность его утверждений на 98%), так вот, Зиг за внешностью и образом жизни головореза скрывал доброе сердце и любознательный ум. Порой он вёл себя, как ребёнок, порой показывал неожиданную опытность, а иногда странную застенчивость, например, в обращении с этой вот девушкой.

Леса. Вот уж кладёзь загадок! Талантливая в том, что женщинам, как правило, не свойственно. Потомственная охотница и воительница или что-то в этом роде. Она о себе напрямую не рассказывала, но упомянула, что родилась в селении среди лесов, устроенном на развалинах взорванной крепости.

Механикус догадывался, о чём идёт речь, но сам он был в тех местах давно – когда эти руины ещё не были заселены людьми. Надо бы сходить туда, если выдастся свободная неделька, посмотреть, что там за Междустенье такое?

Но речь не о том. Леса, вот что было интереснее, чем целое поселение охотников. Родившаяся среди лесов, она в лесу чувствовала себя неуютно. Зато каменные джунгли заброшенного города и особенно катакомбы, куда не проникал

дневной свет, были ей милее цветущего весеннего сада!

Нет, она ничего не имела против жизни, как таковой, и положительно воспринимала красоту мира. Но её стихией были подземные блуждания, поиск приключений и схватки с монстрами. Зиг ушёл в катакомбы, бежав из мира людей, разочарованный в них, а может быть в себе самом. Леса ни в чём не разочаровывалась, и забиралась в самые опасные места потому, что ей там было хорошо. Она не чуралась компании себе подобных, но её сородичи не шли по доброй воле туда, куда стремилась она.

На первый взгляд эти двое идеально подходили друг другу, несмотря на разницу в возрасте. Механикус наблюдал такое у людей не первое столетие и видел, что их тянет друг к другу, но всё было не просто. На первый взгляд всё было элементарно – общие интересы, общие взгляды, общий язык, сексуальная привлекательность обоих друг для друга. Что ещё нужно для любви? Ан нет, люди, словно сами стараются создать себе массу препятствий, чтобы ничего не сбылось. Например, сейчас оба активно шипели и рычали друг на друга без видимой для ссоры причины. Раньше они хотя бы подшучивали друг над другом едко, но беззлобно, а теперь откровенно ссорились. И это вместо того, чтобы заниматься производством детей, к чему стремилась природная сущность обоих! Странно...

Детей Механикус любил. Заодно он знал, что сам процесс их зачатия связан для людей с массой положительных эмо-

ций. К тому же родительский инстинкт позволял людям, у которых были дети испытывать много радости, что превращало все трудности связанные с их содержанием и воспитанием ни во что. Поэтому для механического человека было странным, почему люди не заняты созданием детей постоянно.

Впрочем, далеко не все люди радовались появлению у них потомства. Бедность, нарушение жизненных планов, преувеличенное себялюбие, откровенная злобность, мешали многим понять смысл воспроизводства и почувствовать радость от исполнения этой важнейшей жизненной функции. Дело порой доходило до того, что люди от своих детей избавлялись, прерывая беременность, или просто бросали их на произвол судьбы после рождения. И уж совсем чудовищным действием было детоубийство. Этого Механикус не понимал в принципе.

Вообще-то, всё это к его нынешним спутникам совершенно не относилось. Здесь было что-то ещё.

Леса сегодня Зигу прохода не давала, критиковала каждый его шаг и довела до того, что у него и впрямь всё стало валиться из рук. В ответ он глухо ворчал и огрызался, а Механикус спрашивал себя насколько хватит его терпения. Древнее правило – "не тронь самку, даже если она дерётся", тщательно соблюдаемое животными, у людей действовало не всегда.

Механикус уже обдумывал план действий на ту беду, если

случится схватка, но боялся, что даже его сверхчеловеческой быстроты и ловкости может не хватить, чтобы предотвратить чьё-нибудь увечье. Дипломатия не помогла – его попытка превратить всё в шутку и развеселить компанию вызвала фонтан резкостей со стороны Лесы и раздражённое молчание разобиженного Зига.

Но самое чудесное, что всё это как-то было связано с повстречавшимся им Золасом! Может быть, они боятся, что старик попадёт в кашу из монстров и там сгинет? Хм-м, не настолько он глуп, и они знают об этом. На всякий случай Механикус дал ему ориентиры своего убежища и рассказал, как договориться с роботами-охранниками. Нет, тут было что-то ещё.

Прежде всего, надо определить, кто из этих двоих психует больше? Однозначно – Леса. Но ведь она вчера увидела Золаса впервые. Так в чём же дело? Придётся анализировать, сопоставляя все возможные факты и данные, даже такие, как колебания артериального давления всех троих людей за последние сутки.

(Механикус не отслеживал эти данные, но его память хранила анализ окружающей среды, из которого можно было извлечь подобные сведения.)

И он принялся анализировать. И через непродолжительное, с человеческой точки зрения время, (всего пятнадцать минут за которые он, опять же таки с человеческой точки зрения прожил три жизни), Механикус знал всё. Но теперь

он уже полтора часа решал, как преподнести полученную информацию Лесе и в какой форме это сделать.

(Эх, на гуманитарную область всегда уходит больше времени!)

Однако из более чем трёхсот тысяч вариантов самым лучшим являлось прямое, правдивое сообщение, кратко излагающее выясненные факты.

– Он твой дед, – сказал Механикус, повернувшись к Лесе.

– Какой дед? Кто дед? – крайне удивилась девушка, глядя на стального охотника, как на внезапно заблажившего человека.

– Золас. Этот старик. Он твой дед со стороны матери.

– Мех, у тебя, что, короткое замыкание?

– Нет, благодарю, всё в порядке. Моя система самоанализа безупречна, и она сообщает мне только о глине, забившейся в рифления на ступнях. Но я провёл углублённый анализ вашего поведения и сопоставил изменения физического состояния, включая все возможные данные, и обнаружил непосредственное сходство биоритмов вашего мозга. Жаль, у меня не было возможности сравнить ваши ДНК, но физиономический, аромо-биохимический и акустический анализ ваших с мастером Золасом голосов, дали совпадение на восемьдесят два процента. Так что, учитывая такие факторы, как половые различия, расхождение в возрасте, генетические примеси со стороны твоей бабушки и отца, вы похожи друг на друга, как близнецы. Далее...

– Ну, атаман! Ну, ходок! – встрял Зиг в своей обычной бесцеремонной манере.

Механикус с тревогой увидел, как рука девушки метнулась к катане, но в следующий момент Леса побледнела, охнула и села прямо на землю, закрыв лицо руками.

– Э-эй? Эй, ты чего? – забеспокоился Зиг, у которого сразу пропала охота ёрничать. – Мех, это правда, что ли?

– У меня нет причин прибегать ко лжи, – ответил Механикус. – Повторяю – процент совпадений настолько велик, что я с уверенностью утверждаю, что...

– Я знала это, – глухо сказала Леса, не отрывая рук от лица.

– В смысле, "знала"? – спросил Зиг. – Почувствовала, что ли?

– Я знала это всегда, – проговорила Леса убитым голосом. – Мне бабушка рассказывала. Я тогда была ещё маленькой и всё забыла, а теперь вспомнила...

– Лесик, – обеспокоенно проговорил Механикус, – если тебе тяжело об этом говорить...

– Нет, я хочу всё рассказать!

Леса, наконец, отняла руки и посмотрела на своих спутников круглыми глазами.

– Лучше сказать, чем держать в себе... – продолжила она. – Мои родители – брат и сестра, но не родные. Когда бабушка и дедушка встретились, то у деда был сын от первого брака – мой отец, а бабушка была беременна моей ма-

мой... отец которой был, как она говорила – атаман Золас...
Какая я дура! Он же был рядом со мной, мы разговаривали,
а теперь...

На девушку страшно было смотреть. Наверное, человек, переживший внезапное горе не выглядит так страшно, как было тогда её лицо – сплошной ужас безнадёжности.

– Лесик, да не переживай ты так! Вы встретитесь ещё...

Механикус старался говорить, как можно ласковее, припоминая одновременно, что в культуре племён, наподобие того из которого происходила Леса, родство имело первостепенное значение, и потерянный дедушка был не просто "не чужим человеком", а напротив, значил в глазах девушки не меньше чем любой из родителей, братьев и сестёр.

– А если нет? Что я бабушке скажу? Она ведь считала его всё это время погибшим. Говорит сама видела, как пылал дворец того короля, где погиб атаман Золас. Она тогда была ранена и ничего не могла поделать...

– А бабушка твоя не того, в смысле не сочиняет? Нет, конечно, наш атаман был спец по ба... эм-м, по женщинам, но в то время ходил только с одной и она к моменту его мнимой гибели действительно была ранена. Но это не может быть твоя бабушка, потому что потом она погибла. Но может быть она какая-нибудь из бывших любовниц атамана, с которыми мы... но это неважно. Их тогда в нашем лагере немало было и все помогали при спасении людей из столицы Лоргина. Бабушку-то, как зовут? Может, мы знакомы?

– Бабушку мою зовут – Маранта-воительница. Если ты был тогда в банде Золаса, то может быть вы были знакомы?
– Как?!

Теперь Зиг уселся на землю и обхватил голову руками.

– Но ведь Маранта погибла – упала с обрыва в каньон вместе с конём и увлекла за собой целую ватагу конных варваров, чем спасла от разорения и гибели всех, кто находился тогда в форте Альмери, в том числе и меня! Я потом спустился в каньон, искал... Я нашёл её коня и понял, что она погибла в болоте...

– Бабушка тогда осталась жива. Она дошла до Междустенья, где спасла моего отца, тогда ещё пятилетнего мальчика, от нападения монстра. Там она и родила маму, а потом, через пару лет, кажется, вышла замуж за деда. У них потом ведь ещё двое детей было – дядя Руфус, он сейчас у нас священник, и Василь...

– Я мог бы догнать её! Проклятая мантикора... Помешала рассмотреть всё, как следует. Я мог бы догнать Маранту и вернуть!

– Тогда Лесы не было бы на свете, – резонно заметил Механикус. – Что сделано, то сделано. Что произошло, то произошло. История не любит сослагательного наклонения. Куда бы ты вернул эту женщину? В мир, где уже не было её возлюбленного? Как я понял, в Междустенья она начала новую жизнь и нашла своё счастье, так что всё в порядке!

– Понимаю! – как во сне пробормотал Зиг. – Порфирий

тогда говорил, что Маранта беременна. Значит... потом родилась девочка? А я-то смотрел на её живот и всё думал, что там частичка моего атамана... И это мама твоя? Зовут-то как? Посмотреть бы на неё!..

– Маму зовут – Ларни, – ответила слегка ожившая Леса. – Я познакомлю вас, когда мы закончим то, зачем идём в этот город. До Междустенья добраться несложно, когда знаешь дорогу... Ребята, простите, я сегодня вела себя ужасно!

– Забудь. Ты была расстроена, а сама не знала из-за чего. Это кого угодно собьет с толку, – объяснил Механикус.

– Какая она хоть, дочь Золаса и Маранты? – не унимался Зиг. – Наверное, высокая, статная красавица, вся в своих родителей. Иначе и быть не может! Скажи, она в отца – словно раскалённое железо, только что вынутое из горна, или в маму – как разгорающаяся заря перед жарким днём? Пони-маешь, я ведь тогда так полюбил их обоих... Они мне были, как семья. Ведь мне было совсем немного лет. Пятнадцать или семнадцать, я точно не знаю, и никто не знает.

Леса смирившись, долго смотрела на него, потом улыбнулась и сказала:

– Мама небольшого роста, худенькая. Кожа у неё смуглее моей, волосы тоже темнее, а глаза ярко-синие, как будто изнутри светятся.

– Как у него! Как у Золаса! Только теперь они у него малость выцвели. А ещё что?

– Ну, не знаю. Говорят, мы с ней очень похожи. Она на

вид мне, как старшая сестра. Только вот глаза мне достались ещё чьи-то. То ли бабушкины, то ли... Эй, ты что?

Зиг не ответил и даже отвернулся. Мужчины не терпят, когда кто-нибудь видит их слёзы.

Глава 30. Птица спасения

Он снова был там на этой странной площадке за решётчатой оградой. И они тоже были здесь – чёрные тени, выстроившиеся попарно, как дети на старых картинках, собирающиеся гулять: мальчик – девочка, мальчик – девочка.

И опять он не видел, как они прошли через решётку. Он вообще не видел, как они движутся, но когда переводил взгляд с одной пары на другую, то оказывалось, что они приблизились ещё на шаг. И опять, как и раньше он понимал – любое прикосновение к этим людям-теньям означает смерть, а бежать от них было некуда, разве что вверх. Но сверху не спускалась сверкающая лестница, и ладонь некоего высшего существа сегодня не спешила подхватить его, чтобы с материнской заботой вознести к спасению.

Рарок дрожащей рукой извлёк из ножен гладиус. Самая прекрасная и самая страшная в мире вещь, какую он видел в своей жизни! Это была его часть, нечто настолько неотъемлемое, что он чувствовал себя неуютно, когда снимал этот меч с пояса или просто выпускал из рук.

Рарок мог биться копьём, булавой и секирой. Случалось ему выходить на арену с цепом, моргенштерном и просто с палкой. Но с тех пор, как он стал чемпионом и сам мог выбирать себе оружие для поединка, гладиус всегда был у него на бедре, даже если предполагалось стрелять из лука.

Клинок полированный, как зеркало с чуть голубоватым отливом, два локтя в длину и полторы ладони в ширину. Рукоять лежала в руке так, что сознание забывало про границу между её чуть шероховатой поверхностью, ладонью и пальцами. Казалось это ещё один необыкновенно гибкий и прочный сустав руки, из которого клинок растёт, как продолжение.

Лозас долго искал мастера способного создать такое чудо и придирчиво следил за исполнением заказа. Надо ли говорить, что кроме внешней красоты меч был идеально сбалансирован, а вес его выверен, как раз таким образом, что его можно было вкладывать в мощные и точные удары, но не такие, чтоб осушить руку. И вот теперь на всё это великолепие осталось только броситься...

Это отвратительно, но стать жертвой этих теней ещё более гнусно. Рарок повернул клинок остриём к себе, встал на колени и упёр рукоять в землю. Дурацкая мысль тут же закралась в голову – торец рукояти, где выгравировано его имя, может поцарапаться. Вздор! Он не раз крушил этой рукоятью черепа врагов, защищённые прочными шлемами и черепа монстров не уступающие по прочности стали.

Осталось только решительно насадить на клинок своё тело. Рарок не сомневался, что это у него получится – презирать смерть и терпеть боль он умел. Только вот...

На перекрестье рукояти меча что-то билось и пульсировало, как будто там плясал язычок пламени. Глаза у гладиатора

полезли на лоб, когда он понял, что это такое!

В самой середине упора-перекладины в благородную бронзу был впаян небольшой медальон. Он изображал странную птицу, выполненную из червонного золота на серебряном фоне. Больше всего эта птица напоминала сокола, но такого необычного вида, что некоторым чудился в ней едва ли не дракон. Но самым примечательным были её перья – они смахивали на языки пламени. Казалось, что пламя это полыхает и снаружи сокола, и внутри, так-как взгляд его был буквально испепеляющим, такой эффект давали вставленные в зрачки крохотные рубины.

Это был Рарок – легендарный огненный сокол, в честь которого молодой гладиатор получил своё имя. Сейчас этот золотой сокол отчаянно махал крыльями и рвался из своего медальона.

Он рвался так, что дёргал меч из рук юноши! Каждый рывок его был всё сильнее и сильнее. Острое лезвие даже немного поранило кожу на ладонях, и Рарок-гладиатор подумал, что если они будут продолжать в том же духе, то он останется без пальцев.

Тогда он отвёл клинок от своей груди и перехватил меч за рукоять. Сокол-Рарок тут же успокоился. Правда, прежде чем снова стать золотым изображением, он больно клюнул своего хозяина, (или подопечного?), в костяшку указательного пальца и, что-то сердито крикнув, замер.

Только сейчас Рарок вспомнил об окружающих его тенях.

Он вскинул голову, машинально встав в боевую стойку... Вокруг никого не было. И тут кто-то хорошенько потрянул его за плечо.

.....

Гладиус со свистом рассёк воздух, но латная перчатка успела отдёргнуться, и доспех сэра Мальтора снова остался без повреждений. Рарок сел непонимающе хлопая глазами и судорожно сжимая в руке любимый меч.

– Ну, и что ты так стонал? – спросил рыцарь-призрак совершенно не насмешливым, а искренне обеспокоенным голосом. – Приснилось что-то нехорошее?

– П-приснилось, – глухо ответил Рарок, всё ещё плохо соображая после тяжёлого сна.

– Придёшь в себя – расскажешь.

Рарок пожал плечами. Охота послушать – хорошо, он расскажет. Сейчас, когда утреннее солнце сделало лес изумрудно-золотым, его ночной кошмар отодвинулся и стал совсем не страшным. Беда только, что после таких снов он чувствовал себя вымотавшимся, едва ли не больше чем после тяжёлой усиленной тренировки. Впрочем, это тоже было неправильно.

Времена, когда он так чувствовал себя после тренировок давно прошли. Рарок превратился в боевую машину, и теперь после тренировок ощущал только подъём сил. А вот после этих гадких снов он был словно избитым до полусмерти, чего с ним тоже давно уже не было.

Единственным способом стряхнуть с себя это состояние, было хорошенько помахать мечом перед завтраком, в чём сэр Мальтор ему, конечно, не откажет. А потом можно рассказать сон, о котором сейчас вспоминать не хочется. За куском доброй оленины и грибной похлёбкой это будет сделать легче.

Рарок вдруг обнаружил, что до сих пор сжимает меч в руке. Сжимает так, как не следует сжимать оружие – до дрожи в кисти, до боли в побелевших суставах. Но и эта боль была какая-то странная. Не везде, а в суставе указательного пальца, где к ломоте, вызванной напряжением, примешивалось, что-то жгучее, как от укуса осы.

Рарок пригляделся, и волосы шевельнулись у него на затылке – на этой костяшке отчётливо виднелась маленькая треугольная ранка, оставленная миниатюрным птичьим клювом.

Глава 31. Вместе лучше

– Теплокровные формы жизни я могу почувствовать метров с двадцати-пяти, не дальше. Остальные с десяти, но в обоих случаях между мной и существом, которое я отслеживаю, будь то человек, мышь, кузнечик или монстр, не должно быть препятствий вроде стальных и железобетонных стен. Кусты, деревья, деревянные или даже кирпичные стены – не проблема, а вот металл слишком хорошо экранирует необходимое для анализа излучение...

– Мех, – оборвала поток объяснений Леса, – не надо таких подробностей. Мы всё равно половину не понимаем. Ясно, что ты можешь учуять живое существо на не очень большом расстоянии, если оно не прикрыто железом. Но ведь это как раз довод за то, чтобы войти в город вместе. Почему же ты рвёшься туда один?

– Потому, что, будучи несовершенным, я не могу обеспечить вашу безопасность в полной мере.

– А если бы ты видел в городе все живые существа – и монстров, и мышей, и клопов с тараканами, ты смог бы обеспечить нашу безопасность в полной мере? – с большой долей иронии спросил Зиг.

– Нет, – смущённо ответил Механикус после секундного раздумья. – Обеспечение безопасности в полной мере невозможно в принципе. Даже если бы я мог вас изолировать, ор-

ганизовав полное жизнеобеспечение, всё равно имеется вероятность, что некто или нечто найдёт слабое место в этой обороне и тогда...

– Ну, вот видишь! – подытожила Леса. – Раз это невозможно, то и пытаться нечего. Выживаемость в такой ситуации – дело случая. Ясно, что не следует лезть на рожон специально, но и сидеть сиднем, а тем более шарахаться от каждой тени, глупо! Ведь пока ты будешь производить свою разведку, нас с таким же успехом могут сожрать здесь...

– А ведь верно, – задумчиво проговорил Механикус, – мне следует проводить вас обратно до убежища, и только после этого идти в город.

– Приехали! – почти взревел Зиг. – Может проще поотрывать нам головы? Тогда мы окажемся в абсолютной безопасности.

– Ты абсолютно прав. Это действительно так. Совершенно ничего не угрожает тому, кто либо никогда не существовал, либо прекратил своё существование.

– Эй, эй! – в притворном страхе воскликнула Леса. – Мех, я сейчас боюсь тебя больше чем монстров!

Секунду все трое молчали, после чего расхохотались одновременно.

– Я всё-таки немного умнее мясорубки! – отсмеявшись, сказал Механикус. – Кстати именно из-за этого в своё время провалился проект по созданию моих копий. Инженеры эпохи Прогресса так и не смогли создать искусственный ин-

теллект, обладающий ассоциативным мышлением и соответствующей логикой. Логика их "думающих" машин была двоичной: плохое – хорошее, верх – низ, чёрное – белое. Это, между прочим, о-го-го, какое достижение, но механический человек обладающий таким интеллектом вполне мог прийти к выводу, что лучшая защита для вас это уничтожение. Поэтому я отобрал у своих двойников в Убежище разум и волю. Теперь это просто машины, которые исполняют любые приказы того кто имеет доступ к их управлению.

– Бр-р! Мне что-то стало боязно задним числом, – поёжилась Леса. – Эти твои охранники и без того наводили на меня лёгкий трепет, а теперь, если доведётся вернуться, буду обходить их так далеко, как смогу.

– Они могли избрать иной путь, – задумчиво сказал Механикус. – Например, вместо абсолютной безопасности, максимальное приближение к абсолютной безопасности.

– Это оторвать нам руки – ноги что ли? – поинтересовался Зиг.

– Что-то в этом роде, – ответил Механикус. – Прежде всего, отключили бы сознание. Но в таком случае они всеми силами поддерживали бы в вас жизненные функции.

– С ложечки бы кормили? Я тронут...

– Слушайте, давайте не будем больше об этом! – взмолилась Леса. – Давайте лучше думать, как нам в город попасть.

Они расположились в небольшой рощице на вершине пологого холма, в полутора милях от главных ворот в Торговый

горт. У Зига среди уцелевшего снаряжения нашёлся небольшой, но мощный бинокль, в который они с Лесой по очереди разглядывали окрестности.

Кругом всё было неподвижно и настолько противоестественно тихо, что уши закладывало, а когда по, начинающим желтеть, полям пробежал лёгкий ветерок, то им казалось, что надвигается конная лава, настолько громким слышался этот звук на фоне окружающего безмолвия.

После рассказа Золаса о нападении монстров, экспедиция по исправлению общественных пороков автоматически превратилась в спасательную. Правда, сначала Механикус активно сопротивлялся тому, чтобы вести в город пару живых людей, а Зиг, не понаслышке знавший, что из себя представляет волна монстров, захлёстывающая город, поддержал его, имея в виду, оставить в безопасном месте девушку.

Но Леса слушать ничего не хотела. Будь её родное Междустенье или союзный Форт Альмери поближе, она, возможно, сбегала бы за подмогой, но сейчас на такое путешествие ушли бы недели, а то и месяцы. За это время тех, кто остался в живых в Торговом городе, благополучно доели бы монстры. Или они сами стали бы жрать друг друга от голода, хоронясь в погребах и подвалах, не смея высунуть нос наружу.

В любом случае стоило выяснить, есть ли сейчас в городе монстры и те, кого надо от них спасать. Поэтому в город они решили-таки сходить. Но не переть же при этом через главные ворота по широким улицам! Если в городе ещё пол-

но монстров, то какими бы сильными бойцами они не были, рано или поздно их сомнут и порвут в куски, невзирая на то из плоти они или из металла. А потому в город решено было войти ночью, через старый контрабандистский путь о котором Зиг знал ещё со времён службы.

Торговый город от прочих известных городов отличался не только огромными размерами, но и тем, что не имел стен. Их заменяли непроходимые, с точки зрения городской стражи, лесополосы, буквально набитые колючей проволокой. Вдоль этой преграды действительно смертельно опасной и непроходимой для безумцев решивших лезть напролом, регулярно ходили патрули, которые за разумную плату могли не обратить внимание на скромно одетых мужиков, тащивших за спиной серые неприметные мешки.

Короткая перебежка от линии кустов к ближайшим домам, и вот, какая-нибудь лавка снабжена хорошим товаром по сходной цене, который если бы был обложен таможенной пошлиной, оказался бы безумно дорог и невыгоден даже при хорошем спросе.

Понятное дело, "непроходимая" ограда города была дырявой, словно решето. Время от времени кто-то кого-то "сдавал", не сошедшись в оплате, или очередной ретивый ублюдок из стражников хотел выслужиться перед начальством, и контрабандистов хватили, предавали суду и вешали.

Их сотоварищи сокрушённо качали головами, желали всяческих бед подлым "железнозадым", как здесь за глаза

чувствовали стражу, а потом договаривались о сотрудничестве с тем же иудой, который "ни за что" погубил "бедного Тома", и продолжали тащить товар в серых мешках через городскую "колючку".

Подлый дух наживы заставлял и легальных, и подпольных негодяев позабыть о чести и совести, а частенько и о здравом смысле, руководствуясь старым овечьим рассуждением – стадо большое, авось съедят не меня.

За это Зиг, когда служил, презирал и тех и других, но больше любил ловить иуд в форме стражников, нежели бедолаг-ползунов, которым с их рискованных дел доставались порой крохи, коих едва хватало, чтобы прокормить семью. Но время от времени ему требовались услуги последних, когда надо было в служебных целях перейти "колючку" незаметно и без лишнего шума. Это было не бесплатно, но расплачивался капитан Особого отряда, конечно не деньгами, а услугами, закрывая например глаза на некоторые безобидные грешки теневых торговцев.

С тех пор здесь должно было сохраниться несколько пригородных лазов, одним из которых они решили воспользоваться. Но, чтобы найти это место Зиг повёл их не к защитной ограде, а напрямик через запущенные сады необитаемой фермы расположенной через поле от границы города.

Их путь пролегал так, что со стороны сторожек и внешней патрульной тропы ничего не было видно. Тем не менее, все трое старались двигаться бесшумно, как это подобает охот-

никам.

Цель, которую искал Зиг, заставила Лесу наморщить носик – в одном из самых глухих уголков, заросшего до состояния непроходимости сада, они набрали на старую покосившуюся уборную с осевшей компостной кучей рядом.

– А кто сказал, что контрабанда должна хорошо пахнуть? – весело, но не слишком громко рассмеялся Зиг. Он откровенно потешался над реакцией их спутницы.

Вытащив откуда-то ржавые лопаты, он вручил одну Механикусу и вдвоём они быстро раскидали компост, за долгое время превратившийся в землю, но не утративший прелого тошнотворного аромата.

– Выглядит так, как будто ко всему этому лет двадцать не прикасались, – заметила Леса, в которой любопытство победило брезгливость.

– Так и есть, – ответил Зиг. – Этот ход запасной и я рад, что он не тронут. Правда неизвестно, что нас ждёт на том конце, но думаю, раз его здесь не тронули, то и там тоже.

– А куда он ведёт? – поинтересовался Механикус.

– Прямо внутрь "колючки", – пояснил Зиг.

– Странно. Почему же нельзя было прорыть его дальше и вывести в подвал какого-нибудь союзного дома?

– Слишком просто и слишком опасно. Контрабандисты – перестраховщики. "Прямо пойдёшь – криво попадёшь!" Это их поговорка. А ну как такой союзный дом "засыплется"? Нет, не всё так просто. К тому же власти города не так про-

сты, как это может показаться. Прямо за "колючкой" вокруг города тянется внутренняя патрульная тропа. Так вот – на самом деле это и есть стена: верхняя часть толстенной железобетонной стены, уходящей вглубь на десятки метров. Попробуй, прокопай через неё ход! Так что все длинные пути и короткие идут только до "колючки". Дальше надо будет найти место "перебега", которое освещено хуже всего. Я в своё время предлагал выделить средства на одинаковое яркое освещение всего промежутка между патрульной тропой и домами, но меня никто не поддержал. И это при том, что затраты на такое дело совершенно невелики, а польза очевидна. Но никто меня тогда не поддержал. Из этого я сделал единственно возможный вывод – отцы города с контрабанды тоже активно кормятся. В общем, дойдём до места дальше покажу.

Вскоре их лопаты стукнули обо что-то деревянное, и после расчистки взорам открылся довольно широкий люк, прикрытый крепкой дубовой крышкой ничуть не постаревшей от времени. Люк был не заперт, а когда его открыли, из подземного мрака пахнуло сыростью и холодом. От Зига не ускользнуло, как жадно раздулись при этом ноздри изящного носика Лесы.

Тот, кто прорыл этот ход, знал толк в удобстве передвижения. Сама подземная нора была узкой, вдвоём не разойтись, но достаточно высокой, чтобы мог пройти человек нагруженный поклажей выше головы и не сгибаться при этом.

Попробуйте прошагать несколько десятков метров в полусогнутом состоянии и ещё нести груз на плечах. Легче путешествовать на четвереньках.

Выход отличался от входа тем, что сверху не было компостной кучи. Зато кругом росли деревья, щедро перевитые колючей проволокой, давно уже ставшей их частью – ржавая дрянь вросла в кору и древесину, проходя в некоторых местах прямо через середину стволов. Путешественники оказались на крошечном не заросшем пятачке, из которого на первый взгляд не было выхода.

– Что дальше? – прошептала Леса, стараясь не зацепиться за расположенные слишком близко ржавые колючки.

– Сюда, – скомандовал Зиг и нажал на корягу, торчащую одним концом вверх, как рычаг.

Это и был рычаг, замаскированный под валежник. Он уходил одним концом под плотно натянутую проволоку в том месте, где виднелся промежуток между деревьями, а когда Зиг надавил на верхнюю часть, нижняя приподняла весь пук проволоки над землёй так, что под проволокой можно было пролезть.

– Я пойду первым, – вызвался Механикус. – Мне не страшно зацепиться и что-нибудь порвать.

– Но, не зная дороги, ты запутаешься, – возразил Зиг. – Первым пойду я. Надеюсь, удастся вспомнить все ориентиры.

На четвереньках они шли недолго. Сделав пару поворо-

тов, Зиг поднялся во весь рост и пригласил остальных сделать то же самое, но молчать и не шуметь при этом. Шагов пятьдесят они шли по просеке похожей на тот подземный ход, по которому попали внутрь "колючки". Здесь тоже было узко, но можно было долго идти, распрямив спину.

Наверное, немалых трудов стоило вырезать в "колючке" такой проход, да ещё укрепить его бока подобием плетня. В конце просеки их ждала ещё одна коряга, но она не поднимала проволоку. Зиг особо хитрым образом повернул это деревянное чудище похожее на спящего лешего, и оно легло на стену проволоки и кустов, образовав подобие моста.

Этот "мост" привёл их на другую корягу – побольше, оказавшуюся гигантским деревом, упавшим в давние времена. Дерево лежало странно – его корни торчали вверх, а крона словно ныряла в землю, густо поросшую кустами. Здесь им снова пришлось опуститься на четвереньки и следовать за отливающим серебром задом Зига. Всем троим повезло, что в темноте они видели не хуже чем при свете дня, потому что к тому времени совсем стемнело.

Внезапно кусты кончились. Зиг сделал знак остановиться, но пока не покидать зелёного убежища, в котором с этой стороны не было колючей проволоки. Перед ними лежал Торговый город. Улицы его были освещены лишь частично, да и то это был свет, льющийся из редких горящих окон. Вокруг, по-прежнему, было противоестественно тихо.

– Мех?

– На доступном сканировании расстояний нет живых существ крупнее воробья, – отозвался Механикус, сразу сообщивший, что от него требуется. – Но что делается в домах мне не видно.

– Тогда пошли!

Перед ними лежала широкая полоса тени, по которой все трое проскользили, словно сами были теньями, бесшумными и почти невидимыми. Достигнув линии домов, они тут же нырнули в неосвещённые переулки, в иных местах представляющие собой лишь узкие проёмы между домами.

– Куда дальше? – спросила Леса, когда они остановились отдышаться на перекрёстке между четырьмя массивными строениями, куда не выходило ни одного окна.

– Куда пожелаешь, – пожал плечами Зиг. – Могу провести на Центральную торговую площадь, могу к Большому цирку. Если бы здесь по-прежнему были люди, я бы искал в трущобах гостиницу, где не задают лишних вопросов, а ещё, лавку, чтобы приодеться, как бродячие торговцы, ведь охотников на монстров здесь давно уже ставят на одну доску с разбойниками и небезосновательно, кстати.

– Мех, как здесь?

– Большинство домов пусты, но в некоторых имеются крупные тепловые скопления.

– Это что значит?

– Как будто по многу человек сидят в одной комнате вместе.

– В подвалах, что ли прячутся? – спросил Зиг, вспомнив, как это было в столице Лоргина.

– Нет, в основном на верхних этажах.

– Странно.

– Посмотрим! – воскликнула девушка. – Если люди не прячутся, значит, монстров здесь нет. Давайте постучим в такой дом и скажем, что заблудились, а заодно расспросим, как дела и что здесь вообще творится.

– Ладно, – без особого энтузиазма согласился Зиг. – Скорее всего, нас пошлют куда подальше, но может быть и впрямь, что-нибудь узнаем. В худшем случае кликнут стражу, и придётся удирать. Попробуем!

Они постучали в первую же дверь, где в доме горел свет на втором этаже. Им ответила тишина. На более громкий и отчётливый стук всё равно ответа не было. И никакого движения, даже шороха не было слышно.

– Мех, там точно кто-то есть? – спросила Леса.

– Да, – ответил Механикус, – я хорошо ощущаю присутствие группы в комнате наверху. Там живые организмы, но они неподвижны и безмолвствуют.

– Что за чертовщина? – буркнул Зиг и толкнул дверь, в которую они стучали.

Почему-то никто сильно не удивился, когда дверь оказалась незапертой.

– Эй, есть, кто в доме? – позвала девушка, переступив порог.

В ответ опять не раздалось ни звука.

– Ну, чо, нет живых? – нарочито громко спросил Зиг, вынимая из-за пояса секиру. – Ау-у?! Нет, мне здесь не нравится.

Они прошли тёмную прихожую, и вышли в холл, слабо освещаемый тусклым светом из окна. И тут все трое встали, как вкопанные – им навстречу кто-то шёл.

Это была женщина, одетая в длинное платье. Она двигалась, как-то странно, будто её подталкивали сзади. Когда Зиг включил тактический фонарь, снятый с винтовки, и бесцеремонно направил на неё, она никак не отреагировала на это, и даже не зажмурила глаза.

Волосы шевельнулись на затылке у Лесы, когда она взглянула этой женщине в лицо! Там была смесь невероятной муки, и страдания с полным отсутствием мысли... Женщина шла к ним медленно, странно приволакивая ноги. Она явно не видела ничего перед собой. Её глаза моргали часто-часто и смотрели при этом в сторону. Губы толи беззвучно бормотали что-то, толи судорожно хватали воздух, но эта противоестественная подвижность пугала ещё больше.

В одной руке женщина держала незажжённую, или точнее давно погасшую свечу, а в другой у неё была зажата кочерга.

– Простите за вторжение, – начал Зиг, вдруг становясь вежливым, – но мы были вынуждены...

– Сзади! – крикнул Механикус и его меч прогудел в воздухе, описав полукруг, едва ли не во весь холл.

Леса успела увидеть, как всклокоченный бородатый мужик с выпученными глазами распадается на две части. Женщина с не горящей свечой, в это время тоже замахнулась своей кочергой, продолжая глядеть в сторону, но её рука, не успев толком подняться, упала на пол, отсечённая ударом секиры. Следующий удар Зига снёс ей голову, но тело при этом не остановилось, а продолжало двигаться, нелепо переставляя ноги!

Фонтан крови из рассечённых артерий бил в потолок! Крови было даже преувеличенно много, как не бывает у людей. И тут у Лесы, никогда не дрожавшей при виде самых жутких монстров, затряслись поджилки – она рассмотрела, что из спины обезглавленной женщины торчит толстенное, с торс ребёнка щупальце, уходящее в дверь напротив!

– Посмотрите – там ещё! – крикнул Механикус, указывая куда-то вверх.

Мальчик и девочка – подростки и видимо близнецы, спустились по лестнице сверху. У каждого из них из спины торчали такие же щупальца. Они даже не шли, а парили над ступенями – щупальца попросту несли их над лестницей. Лица их были отсутствующими, словно их только что подняли, вырвав из глубокого сна, а в руках они сжимали кухонные ножи. Леса была к ним ближе всех.

– Лесик, бей их! Они не люди уже, это псевдоживые приманки "Удильщика"!

Если Леса и промедлила, то лишь долю секунды, а потом

её катана в два молниеносных взмаха отсекла мерзкие щупальца, сразу убравшиеся наверх, и оба псевдоживых тела упали, словно мешки с мукой и замерли неподвижно.

– Это "Удильщик труповодитель"! – торопливо объяснил Механикус. – Монстр, который использует тела убитых им людей, давая им подобие псевдожизни, как у срезанных растений в вазе. Он это делает, чтобы приманивать новые жертвы. По-видимому, он там, в комнате наверху... Эй, Зиг, ты куда?

Но Зиг не ответил. Он уже мчался вверх по лестнице со своей секирой наперевес. Некоторое время сверху слышался шум борьбы и грозный рык охотника. Леса рванулась было за ним, но Механикус удержал её. Впрочем, всё скоро закончилось, и Зиг появился на лестнице красный от пролитой крови, напоминая палача из книги ужасных историй с картинками.

– Ну... как? – спросила девушка, тут же осознав нелепость заданного вопроса.

– Там были ещё двое стариков, бабушка и дедушка наверняка, и младшенькая, лет трёх, – ответил Зиг, мрачно сверкнув глазами. – Свет в окне – фосфорический шар на конце отростка торчащего из его головы. Странный монстр – по виду спрут, а кровь красная.

– Я "Удильщика" даже ни разу не видел, – задумчиво сказал Механикус. – Только читал в трудах некоего сэра Мальтора, описавшего внешность и повадки многих монстров.

По-видимому, свет в здешних окнах это всё "Удильщики".

– Пошли отсюда, – буркнул Зиг. – Надо найти колодец. Мне бы почиститься.

Им повезло – в лабиринте переулков они нашли работающий фонтан, где привели себя в порядок. Похоже, этот город принадлежал монстрам. Людей они не встретили, хотя прошли уже несколько кварталов. Оба матёрых охотника при этом, молча, удивлялись на Лесу – девушка не проявляла ни малейшего страха перед опасностью, которая могла подстергать их за каждым углом. Наоборот, она с любопытством заглядывала в каждую щель и каждую подворотню, где могли прятаться монстры, проявляя при этом настоящий охотничье-разведческий навык, при виде которого бывший капитан спецслужбы то и дело поднимал брови от удивления. (Впрочем, он напоминал себе каждый раз, чья это внучка и только вздыхал тайком.)

– Всех здесь, что ли сожрали? – ворчал Зиг. – В столице Лоргина хоть немного, но удалось вытащить из подвалов, а тут, хоть шаром покати!

– Это действительно странно, – согласился Механикус. – Учитывая, что здесь проживало раз в пять больше народу, чем в упомянутой вами столице Лоргина...

– Неужели может быть стая таких размеров, чтобы вырезать за короткий срок целый город? – перебила его Леса.

– Может, дитя, может, – менторским тоном ответил Зиг, опять начиная ёрничать. – Тогда это так и было, а сейчас

видно стоя была ещё больше.

– И никто не смог уйти? Не успел спрятаться? – не унималась Леса, пропустившая мимо ушей слово "дитя", за которое при других обстоятельствах пристукнула бы кого угодно, не взирая, на прошлые заслуги.

– Атаман говорил, что был выходной день, и практически всё взрослое население отправилось в Цирк.

– Ну, это преувеличение, – возразил Механикус. – Не могли они быть там все до единого. Домохозяйки, старики, слуги, ну детей я не считаю, ещё кто-нибудь, обязательно остались.

– Ну да, вот *эти*, например, в Цирк не пошли, – сказал Зиг, имея ввиду семью, ставшую жертвой "Удильщика".

Однако, как не многочисленна была стая, опустошившая город, сейчас в нём монстров было не видеть, за исключением предполагаемых "Удильщиков" в домах, где за окнами горел странноватый неяркий, немигающий свет.

– Ну, так что, в Цирк? – предположил Механикус.

– Туда успеем, – ответил Зиг. – Собственно там не жду увидеть ничего кроме кучи костей. Давайте-ка сначала *туда* зайдём.

Он указал на высокое, сужающееся кверху здание, возвышающееся над окружающими домами.

– Что это? – спросил стальной охотник, слегка вжикая шторками зрачков, чтобы настроить фокусировку.

– Церковь Инци, – ответила Леса. – Видишь – крест на

самом верху?

– Не просто церковь, а собор! – поправил её Зиг. – Когда я служил этому городу, здесь поклонялись Маммону и Молоху, а культ Инци был под запретом. Потом старых богов, значит, по боку, а поклонение Распятому сделали основной и доминирующей религией. Этот собор заложили в те времена, когда я уже не под своим именем привозил сюда шкуры на продажу. Быстро же они его отстроили!

– Ты надеешься найти там выживших? – удивился Механикус.

– Там их найти не больше шансов, чем в любом другом месте. Мне просто любопытно.

Они вышли на пустынную площадь перед храмом, освещённую лишь луной.

– Ничего себе! – воскликнул Механикус и вытаращил глаза, то есть наоборот сузил шторы для лучшей фокусировки отдельных деталей.

Огромные кованые ворота, побольше, чем те, которые вели в сам город, были разбиты и разорваны в клочья. Их остатки висели на покорёженных петлях, напоминая края рваной раны, оставленной зубами хищника. Да, если внутри во время нападения монстров были прихожане, то шансов спастись, у них было очень мало.

Это предположение полностью подтвердилось, когда путешественники вошли внутрь. Совсем недавно здесь была бойня. Конечно, не все жители города отправились в празд-

ничный день в Цирк. Многие, в основном, конечно, женщины, но и какое-то количество мужчин не склонных к кровавым зрелищам, решили посетить храм, чтобы найти успокоение, душевное умиротворение, а может быть замолить накопившиеся грехи. Или попросить прощение у Высших сил за вольные и невольные проступки, без которых в этом городе не прокормить семью, и которые человек неизбежно совершает на жизненном пути.

Наверняка они пришли с детьми, которым непросто было усидеть тихо во время службы, и мало что понятно из проповеди.

По-видимому, они успели закрыть ворота, иначе те остались бы, целы. Но это не спасло людей, попытавшихся спрятаться в соборе, как в крепости. Если бы речь шла о нападении вражеской армии, то это ещё могло сработать, но сила, которая атаковала Торговый город, была иного рода.

Монстры далеко не всегда были хорошими бойцами. Иногда их чрезмерная зубастость и когтистость мешали им самим. Но встречались среди них и такие, которых словно сама Смерть создала путём долгой эволюции, превратив в универсальное и неуязвимое оружие убийства. А были и такие, функции которых оставались весьма ограниченными, например – проломить стену или разнести ворота в клочья.

Так, видимо, было и здесь. Сначала, какая-то невероятно сильная и конечно огромная тварь, вскрыла запертый вход, который не сразу возмёшь и тараном, а потом в образовав-

шийся пролом ворвались убийцы...

Как это было, представить оказалось несложно. Внутри собора царил чудовищный разгром. Скамьи для прихожан, небольшие колонны, поддерживающие арки боковых пределов, церковная утварь, всё было разбито, разломано, раскрыто чудовищными ударами, на которые не способен человек.

И повсюду валялись оторванные и откушенные руки, ноги, головы, плоть которых уже почернела и съёжилась. Целых трупов не было – по-видимому, монстры пожирали убитых, зато пол и стены на высоте человеческого роста были сплошь забрызганы кровью, теперь уже побуревшей и запёкшейся хрупкой коркой в разводах тонких трещин.

– Да, здесь мы живых точно не найдём. Тогда может быть...

Механикус не закончил, потому что Леса схватила его за руку. Она приложила палец к губам и выразительно кивнула на Зига.

Тот не смотрел по сторонам и, то ли не видел, то ли не обращал внимание на картину недавно разыгравшейся трагедии. Его взгляд был устремлён вперёд и вверх, туда, где перед алтарём возвышалось огромное, метров десять или больше, деревянное распятие с раскрашенным натуралистичным изображением казнённого человека.

Руки и ноги его были прибиты к кресту грубыми железными гвоздями, на голове красовался венец из колючей про-

волоки с шипами преувеличенной длины. Всё тело было в синяках и ссадинах, а на груди слева зияла широкая колотая рана от удара копьём.

Лицо Распятого выражало одновременно страдание и умиротворение. Трудно сказать видел ли резчик того, чей портрет он создавал, но Леса сразу узнала это лицо, спутать которое ни с каким другим было невозможно. Это был Инци, тот с кем когда-то встречались её родители, дядя Руф, а также бабушка и дедушка. Таким он был на старинных изображениях, будь то распятия, статуэтки или иллюстрации в книгах, которые так тщательно собирал тот же дядя Руфус – их новый священник и мамин с папой брат – общий сын бабушки и дедушки.

– Ну, вот и несоответствие! – воскликнул всезнающий Механикус. – Причём тут колючая проволока? Её в древности не было, а венец был терновый...

– Всё правильно, – глухим и каким-то чужим голосом перебил его Зиг. – Венец был именно таким. Я видел, как его надевали...

– Подожди, – не унимался стальной охотник, – ты хочешь сказать, что присутствовал при казни Иисуса?..

– Это случилось двадцать лет тому назад, – проговорил Зиг, не поворачивая головы. – Его звали – Инци. Он проповедовал добро, человеколюбие и нестяжательство, что противоречило сущности общества торгашей. Они схватили его, объявили государственным преступником и казнили. А я то-

гда командовал отрядом стражи, который обеспечивал порядок во время процесса и казни.

– Как же так, – прервал его Механикус, – ты говорил, что работал в особом отделе?

– Да, но это позорное для человечества действие было объявлено задачей особой важности, и кое-кто из высших чиновников Торгового города, имевших на меня зуб, добился того, чтобы я исполнял обязанности обычного сержанта стражи во время казни. Конечно же, тут ещё свою роль сыграло то, что я симпатизировал осуждённому... А потом меня также заставили руководить сражением, которое я проиграл. Боже, какой же я был дурак, что позволил этим мерзавцам заставить себя делать такое!!!

Голос Зига сорвался, и он закрыл глаза, но долго скорбеть ему не дали.

– Ты что был полководцем? – изумилась Леса, в глазах которой полководцы были чем-то вроде сказочных героев.

– В том-то и дело, что – да, – проговорил Зиг, поморщившись, как от зубной боли. – Только вот гордиться нечем. И дело не в том, что я проиграл – моим противником был сам Зигмунд, старый вояка и отличный стратег, такому и проиграть не стыдно. Беда была в том, что эта битва с самого начала была подставной и для меня, и для тех, кто стоял за моей спиной и надо мной, то есть для всего Особого отдела. Ну, со мной-то всё понятно – моё поведение во время казни Инци было последней каплей для судейской швали Торгового

города, и мне отомстили, дав заведомо невыполнимое задание. Но как те, кто был моими учителями и покровителями могли такое допустить, не постигаю! Фактически нас, таким образом, уничтожили, навязав несвойственную нам работу и взвалив всю вину за провал на исполнителей идиотских приказов. А заплатили самую большую цену солдаты – много сотен жизней. Я к тому времени был неплохим организатором тайных операций касающихся разведки, контрразведки и борьбы с местной мафией, но никак не полководцем. Я думаю, Зигмунд меня просто пожалел и придержал своих бойцов, которые могли уничтожить нас всех до единого. Результатом было то, что Отдел расформировали, а с меня хотели снять голову, но у них не получилось.

– Сбежал? – спросил Механикус бодрым голосом, чтобы разрядить общее мрачное настроение.

– Можно сказать и так, – ответил Зиг. – Когда я сидел в тюрьме и ожидал своей участи, Инци пришёл ко мне...

Леса что-то негромко вскрикнула, и Механикус незаметно встал позади неё, опасаясь, что девушка упадёт в обморок, так-как чувствовал, что её биохимический баланс близок к этому. Тем не менее, показатели Зига говорили, что он не лжёт, а потому стальной охотник спросил:

– Но... почему он сделал это?

– Не знаю. На мой взгляд, я не был достоин такой чести, тем более, что это я следил за соблюдением всех формальностей, в том числе и за тем, как на казнимого надевали вот

такой вот венец.

– Как это было? – спросила Леса одними губами.

– Прозаичнее, проще и гаже, чем об этом говорят попы, – ответил Зиг. – Меня поставили командовать несколькими стражниками из совершенно другого подразделения, охранявшими палачей, в случае если кто-то захочет спасти казнимого. Но спасти его никто не собирался. Все немногочисленные сторонники Инци, имевшиеся в городе, к тому времени были схвачены и сидели в Центральной тюрьме. Понимаете, ведь тогда я совершенно не знал ни кто такой этот Инци, ни что он там проповедовал. Я мог судить лишь потому, как на него накинута судейская сволочь. А это, видите ли первый признак невиновности – старание судейских всеми силами, праведными и неправедными загнать человека. Поверьте, опыт у меня в таких делах имеется немаленький. Так вот, мне искренне было жаль беднягу. Я ведь посетил его несколько раз и разговаривал с ним. Его идеи показались мне абсурдными, ведь какое там может быть нестяжательство и какое добро... Это здесь-то! Но, всё равно мы тогда почти подружились. Я ведь до последнего не знал, что его казнят, и не только... Никого нельзя так истязать и казнить за проповеди, какого бы то ни было учения! Когда он висел там распятый над рыночной площадью, напротив окон тюрьмы, откуда его ученики могли его видеть, а внизу шла обычная торговля, и никто даже не поворачивал равнодушного рыла... В общем, я не выдержал и ударил его ко-

пъём, чтобы прекратить мучения. В точности так, как это здесь изображено...

Леса ахнула и закрыла рот ладошкой. Её глаза казалось, заполнили оставшуюся часть лица и утратили способность моргать. Механикус почувствовал, что девушка дрожит мелкой дрожью, как будто от холода.

– Да, – продолжил Зиг, – он снизошёл ко мне после поражения в битве, когда я сидел в тюрьме скованный по рукам и ногам. Уж я сам не знаю почему. Врядли в знак благодарности за жестокое милосердие. Скорее, из какого-то особого, одному ему ведомого сострадания. Но тогда именно он вывел меня на свободу, поставив только одно условие – никого не убить по дороге.

– Ты инциат? – хриплым голосом спросила девушка, отняв, наконец, ладонь ото рта.

Зиг ответил не сразу.

– Понимаешь, – начал он после некоторого раздумья, как будто взвешивая слова, – я не могу назвать себя знатоком учения и верным сторонником Инци. Я на службе-то в его церкви ни разу не был, меня специально не посвящали ни во что такое, но я видел Его, я верю, Ему и верю в Него! В этом смысле я инциат, а ты?

Леса кивнула.

– Мои родители, родной дядя, бабушка и дед знали Инци лично, и он очень помог им. Впрочем, ещё задолго до того наш старый священник пришёл в Междустенье, когда мой

дедушка был ещё мальчишкой и обратил всех в свою веру.

– Век живи – век учись! – вставил своё слово Механикус. – Я, конечно, слышал о культе некоего Инци, но никак не думал, что это отражение... нет, второе рождение христианства былых эпох. Интересно, что это был за человек такой, во многом повторивший судьбу Иисуса?..

– Мех, – прервала его Леса, – это он и есть. Я знаю о христианстве – дядя Руфус смог восстановить историю древнего вероучения, и нашёл книги долгое время запрещённые адептами культа Рогатого, которые были у власти. Мы называем нашего Учителя – Инци, наши предки звали его – Христос. Он был распят тогда, и снова был распят в наше время. Есть подозрения, что его распинали и в более давние времена, и в том промежутке, между тем временем, что описан в древних книгах и нашим временем. Люди каждый раз распинают его, когда он приходит к ним, и таких пришествий было множество.

– Сначала распинают, – подхватил Зиг, – потом обнаруживают, что он был прав, потом учат его законам всех и каждого, и начинают поклоняться, извращая эти законы вплоть до противоположности, а потом творят его именем страшные в своей мерзости преступления.

– И добрые дела тоже! – возразила Леса.

– Всё потому, друзья мои, – примирительно сказал Механикус, – что религия, как и закон, это инструмент, орудие, либо оружие, которое может оказаться в руках, как добрых,

так и злых людей. Увы, как правило, злые люди активнее, (возможно потому, что делать добро это частенько означает не делать зла, вот добряки и привыкают бездействовать), а раз так, то злодеи быстро захватывают бразды правления в свои руки, и то, что задумано, как благо, становится средством для достижения каких-то нечистоплотных целей и сомнительных амбиций. Но давайте не будем о грустном. Я обязательно исследую это новое вероучение, тем более, что оно распространяется и обретает всё больше сторонников. В Золас-граде и Форте Альмери есть уже целые общины. Но, однако, что нам делать дальше?

Зиг и Леса переглянулись. Они на какое-то время позабыли, где они и зачем сюда пришли.

– Будем смотреть там и сям, – сказал, наконец, Зиг. – Хотите, проведу вас в Ратушу, хотите в Большой цирк. Да хоть в Центральную тюрьму, может кто-нибудь там уцелел за каменными стенами?

– Надо посмотреть в тех домах, где нет "Удильщиков", – сказала Леса. – Люди, как правило, стараются спрятаться в подвале, реже на чердаке. Может быть, монстры кого-то и не заметили.

Глава 32. Уроки для малыша

– Самое уязвимое место мантикоры это её голова.

Сэр Мальтор даже нарисовал мантикору для наглядности на стене сарая, где они решили заночевать.

– Однако мантикора лучше всех об этом знает, и во время схватки старается убрать голову под панцирь за бронированный щиток. Она может совсем её туда втянуть, не оставив даже узенькой щелки, чтобы просунуть туда самое тонкое лезвие. И при этом тварь продолжает драться, ничуть не теряя быстроты и ловкости. Как она ориентируется, неизвестно. Возможно, у неё развиты какие-то ещё чувства, а может её слух настолько острый, что способен заменить зрение и всё остальное. Современным учёным редко достаются даже мёртвые мантикоры для препарирования и изучения. Что же касается того, чтобы содержать такую тварь живую в клетке, то это роскошь, которую могут позволить себе только эксцентричные богатеи. Прежде всего, потому что жизнь её будет недолгой. Мантикора в неволе отказывается от еды и умирает голодной смертью, не выказывая при этом никаких эмоций и не двигаясь. Замирает, как статуя, даже о том, что она мертва, судят по появлению на её лице презрительной улыбки. Это происходит примерно через полгода после пленения. Ради этого толстосумы её и держат – посмотреть на момент смерти чудовища. Хотя это ещё вопрос, с какой

стороны решётки при этом стоит чудовище. Учёных среди них, конечно, нет.

– Лозас рассказывал, что сражаться с мантикорой мечом бесполезно, нужна пушка, ну, то есть, что-нибудь стреляющее и мощное, вроде его старой винтовки, или бомба, чтобы разорвать панцирь, который руками не пробить, – сказал Рарок.

– Ну, это не совсем так, – возразил сэр Мальтор. – Конечно, лезть в драку с таким противником, имея в руках даже твой гладиус, дело почти бессмысленное. Однако если жизнь, как говорится, припрёт к стенке, то будешь сражаться с мечом и без меча, хоть голыми руками, ведь убежать от мантикоры невозможно – бегаёт втрое быстрее любой лошади. Правда, только на короткие дистанции. Никто никогда не видел, чтобы эта тварь бежала на большое расстояние. Так вот, если пришлось биться с мантикорой, то надо помнить, что её сила, прежде всего не в клешнях, не в хвосте и не в панцире, а в скорости. Тварь настолько быстрее человека, что её движения не всегда можно разглядеть, а опередить тем более.

– Так как же быть, если опередить нельзя?

– Всё просто – либо делаешь то, что нельзя, либо погибаешь.

– Вот мои родители тогда и погибли.

Рарок нахмурился и отвернулся. Он не любил говорить на эту тему, но сам постоянно возвращался к ней, как рука

человека, помимо воли, тянется к саднящей ране.

– Да, – согласился сэр Мальтор, – это конечно так. Но если учесть, что они были измотаны предыдущими поединками, ранены и не готовы к схватке с мантикорой, то удивительно, что они не погибли сразу. Более того – у твоего отца получилось нанести ей серьёзное повреждение, что удаётся не всякому бойцу. Беда в том, что они не знали о мантикоре то, что я расскажу тебе сейчас. Если самым уязвимым местом всё ясно, то теперь поговорим о слабых местах чудовища.

– Так значит, слабые места всё же есть?

– Их два. Во-первых – спина. Там самый крепкий панцирь, но до этой части её тела не достают ни клешни, ни хвост.

– Но ведь хвост у неё над самой спиной нависает?

– Точно, но устроен он так, что мантикора может им бить лишь вбок. Возможно, это сделано для того, чтобы она собственную голову не задела. Так что, если мантикору оседлать, то на ней можно прокатиться некоторое время, не опасаясь за свою жизнь.

– Она что, не попытается сбросить?

– Попытается. И будет совершать для этого резкие скачки, но не перевернётся на спину и не станет пытаться раздавить седока – это не в её природе.

– Хорошо, а что, во-вторых?

– Во-вторых – хвост.

– Как это?

– Ухватить его не просто – слишком подвижен. И опасно – там ядовитые шипы. Но если это удалось, то мантикора замирает.

– Вот как?

– Это её дезориентирует. Так их собственно и ловят, но сам понимаешь – проделать такое крайне трудно.

– Я бы попробовал.

– Без крайней необходимости не стоит.

– Ладно. А как справиться с големом?

– Разве тебе не приходилось?

– Было дело, но тогда мне просто повезло – голем попытался раздавить меня своей массой, но я вовремя выставил меч.

– Верно, у них такая манера – сначала придавить, а потом разорвать не торопясь, как ребёнок поступает с мухой. Голем плохо видит, но слух у него хороший. Надо иметь в виду оба эти обстоятельства. Лучше всего отвлечь его, кинув ему за спину, что-нибудь шумное – пустое ведро, например. Но при этом надо учитывать, что эта неуклюжая с виду гора способна делать резкие, неожиданные движения. Поэтому, если манёвр с отвлечением удался, то помни – у тебя всего пара секунд, если не меньше, чтобы нанести единственный смертельный удар. Голем не обладает бронёй, но шкура у него толстая, а под ней имеется не маленький слой жира, через который до жизненно важных органов достать не так-то просто. В остальном же он подобен человеку – удары в

сердце, в печень, в мозг для него смертельны, перерубленные сухожилия лишают конечности возможности двигаться. Вот только прочности в его теле вдесятеро больше, а боль его не парализует, а приводит в ярость.

Они помолчали. Рарок понимал, что знания, которые он получает от сэра Мальтора, бесценны, но разговаривать о монстрах больше не хотелось. Впрочем, рыцарь и не настаивал.

Нет ничего глупее, чем глушить мозг ученика лавиной информации. Большая её часть при этом уходит в отвал, а то, что запоминается, усваивается хаотично, и становится трудно применимым на практике. Поэтому он терпеливо ждал, когда Рарок сам задаст вопрос. Так было проще им обоим.

– Сэр Мальтор, а... вам встречались другие призраки?

Задавая этот вопрос, Рарок смутился, как школьница, решившаяся спросить строгую учительницу о чём-то интимном.

– Да, – ответил рыцарь, – встречались. Чаще всего это застрявшие между мирами духи, которые не обладают ни памятью, ни разумом. Они страдают от того, что оказались в таком положении, но иного существования уже не знают, и только могут, что бродить по местам, где расстались с жизнью, и стенать сами не зная о чём. Но бывают и другие.

– И какие они, другие?

– Бывают духи – весельчаки, но их шутки чаще всего злые. Это они кидают кухаркам в суп тараканов, связывают вме-

сте шнурки детям и простофилям, прячут от хозяев всякую мелочь и вопят за окном изображая котов. Именно с ними иметь дело интересно, но, в конце концов, это надоедает. Беда в том, что они никак не могут остановиться, а это уже не смешно.

– А ещё?

– Ну, например духи – пьяницы, опустошители винных погребов. С этими бывает интересно поговорить за чашей старого кларета.

– Призраки пьют вино?

– Пьют и в больших количествах. Вино – мистический напиток, существующий сразу в нескольких мирах, поэтому он годится, как для людей, так и для духов.

– А призраки – воины существуют?

– Один из них перед тобой.

– Нет, я имел в виду тех, кем в страшных сказках пугают детей – зловещие привидения, не знающие жалости, обуреваемые жадой разрушения...

– По счастью такие встречаются редко. Я вот, например, за семьсот лет такую тварь не встречал ни разу, хоть действительно слышал о чём-то подобном. Впрочем, такие, как я тоже не ходят толпами. Есть некоторые ограничения, не позволяющие духам активно действовать среди людей. Собственно нас, вообще, тут быть не должно, и наличие привидений на Земле говорит о том, что некая сила, защищающая людей от вторжения из мира мёртвых, тоже иногда засыпает.

– И всё, больше никаких призраков не бывает?

– Я этого не говорил. Существует множество разных представлений, и далеко не все из них к людям относятся плохо. Например, есть духи – хранители. Чаще всего это кто-то из предков, кому благополучие рода и забота о своих потомках на протяжении множества поколений дороже собственного покоя. Увы, таким дано не так уж много власти, но поднять тревогу при нападении врагов и удержать ребёнка, лезущего в форточку, они могут. Лучше всего у них, получается, предостерегать, но не все люди понимают, что выскользнувшая из рук чашка или дверь, которая захлопнулась перед носом, это предостережение от какого-либо неверного шага. Крайне редко, когда кому-то из членов семьи удаётся наладить диалог с духом-хранителем, тот может сообщить бесценную информацию, благодаря которой род будет богатеть и процветать в течение веков. Но для этого нужно обладать особыми знаниями, ведь на общении между людьми и духами тоже стоят ограничения.

– Но ведь мы же разговариваем?

– Я один из немногих, кому эти ограничения удалось обойти. Недаром, между прочим, но сейчас я не скажу тебе, чем я за это расплачиваюсь.

– Значит, духам открыта истина?

– Лишь слегка приоткрыта, как и людям. Но то, что доступно духам, по сравнению с людскими познаниями, это, как океан в сравнении с лужей.

– Ого! Прямо захотелось стать духом.

– Вот уж не торопись! Обратно воплотиться в человека ещё не скоро получится, и это уже будешь не ты нынешний, а ты, но совершенно другой, а вот стать духом на сотни, тысячи или миллионы лет, это знаешь ли успеется. Торопиться некуда, да и ждать не так уж долго – люди при самой благополучной жизни редко дотягивают до ста лет.

– Понял, уже не хочу. А прикольные призраки есть?

– М-м... На мой взгляд, самые прикольные призраки, это любовники. Вот уж прикольной некуда, когда твоя возлюбленная оказывается привидением.

– Бр-р! Я кажется, слышал об этом. Их называют суккубы?

– Нет. Суккубы и инкубусы – порождения Тьмы, суть чудовища, высасывающие энергию из людей, вступая с ними в любовную связь. Призраки – любовники, это иное. Чаще всего они являются своим возлюбленным, которые ещё пребывают среди живых. При этом они совершенно не замечают, что их бывший партнёр состарился и изменился, а если обнаружат, что он или она обзавелись кем-то другим, то могут наделать больших бед. Иногда они принимают за своего возлюбленного, его сына, внука или, вообще, весьма отдалённого потомка. Но самым чудным бывает тот случай, когда такой дух влюбляется заново. Это случается с тем, кто остро недолюбил при жизни. Ох, и достаётся же тогда его избраннику...

Сэр Мальтор вдруг замолчал. Он понял, что Рарок уже

некоторое время спит, по детски, слегка приоткрыв рот. Ему вдруг подумалось, что этот гладиатор, этот чемпион арены, познавший уже и боль, и кровь, и смерть, и женскую ласку, по сути, ещё был ребёнком, мальчишкой с израненной, но, не искалеченной пока, душой. Завтра они с этим мальчиком вернутся в город и будут там убивать, убивать, убивать...

Будь его воля, он учил бы парня совсем другим вещам, музыке, например и стихосложению. Но, как говорится – дух предполагает, а Фатум располагает. Это значит, что через предстоящую мясорубку им пройти придётся, а вот, что будет потом... Хм-м, интересно, что это вдруг Рарок так заинтересовался призраками? Сказок в детстве не дочитал, что ли?

Глава 33. Неплохой слух

Катана Лесы вращалась со скоростью пропеллера, орошая всё вокруг тошнотворными зелёными брызгами. Зиг, чертыхаясь и матерясь, на чём свет стоит, отмахивался от тучи противоестественно-пушистой саранчи большим торговым гроссбухом, который схватил с прилавка. Механикус дважды врывался в самую середину стаи и включал мощный электрический импульс, от которого трупики насекомых сыпались дождём, а волосы у людей становились дыбом.

Потом до него дошло, что если он будет так расходовать свои жизненные силы, то скоро замрёт, как статуя и друзьям ничего не останется, как оставить его на месте, потому что отнести такую тяжесть в убежище, где двойники-охранники могли бы его починить, было не в человеческих силах. Тогда стальной охотник схватил большую разделочную доску и последовал примеру Зига.

Они стояли уже по колени в мёртвой саранче, а она всё прибывала и прибывала, вылетая из подвала, дверь которого сорвало с петель жужжаще-стрекошущим ураганом. Ещё немного и их засыплет целиком!

Если бы не доспехи, эти чудовища размером с галку уже обглодали путешественников до костей. Механикус и тот прикидывал, как долго он сможет функционировать, когда масса из мёртвых насекомых полностью затопит его в этом

помещении?

– Надо пробиваться к выходу! – крикнул Зиг, в длинных волосах и бороде которого, запуталось уже столько саранчи, что они стали отвратительно тяжёлыми.

Легко сказать – "пробиваться к выходу", когда ноги увязли! К тому же саранча, наверное, обладала коллективным разумом и всячески мешала им пробиться к выходу.

– Вы можете меня прикрыть минуты на три – четыре? – крикнула Леса, с которой градом катил пот пополам с зелёной слизью.

– Постараемся! – крикнул в ответ Зиг. – А что ты задумала?

– Увидишь!

Сказав так, девушка бросилась, но не к выходу, а к полкам, на которых стояли какие-то жестяные банки. Она принялась кромсать и протыкать эти банки своим мечом, после чего завернула каждую их них в тряпку, (стопка то ли технических полотенец, то ли обтирочных концов нашлась тут же), потом подожгла набухающие маслом свёртки зажигалкой из своих карманных сокровищ и разбросала по углам торгового зала, в котором происходило сражение.

Помещение тут же заполнилось едким дымом, от которого Зиг принялся оглушительно чихать, нанося с каждым чихом сокрушительные удары своим грессбухом. Он, по-видимому, собирался высказать Лесе что-то нелицеприятное, но в это время шквал саранчи вдруг стих, и в воздухе теперь ле-

тали лишь отдельные особи, ошалело натыкающиеся на стены.

– Вот теперь пошли! – скомандовала охотница, и первая заковыляла к выходу, спотыкаясь о шевелящиеся зелёно-коричневые сугробы.

Когда они выскочили, (или вывалились), на улицу, здание уже полыхало, как костёр, но ни одно насекомое не вылетело из дверей и окон.

– Что это было? – взревел Зиг, яростно вытряхивая из своих волос и из-за шивороты дохлую дрянь.

– Ума не приложу! – пожал плечами Механикус. – Саранча не самый приятный обитатель Земли, но к монстрам она не относится.

– Да, сходили в магазинчик! – проворчала Леса, пытаясь стряхнуть с волос кишки разрубленных насекомых. – Теперь помыться бы. Есть тут где-нибудь река или пруд?

– Пруд есть в городском парке, но туда далеко шагать. Кроме того, я не уверен, что из воды не выскочит, какая-нибудь акула на ходулях. Тут неподалёку был ещё один фонтан, пойдём сначала к нему, может, повезёт и в чаше найдётся немного воды.

Им повезло – чаша не только была полна, но даже сам фонтан работал. Леса первая рванулась под хрустальные струи, на ходу сбрасывая одежду. Мужчины из скромности отвернулись.

– Всё-таки это неправильно не смотреть в ту сторону, –

сказал Зиг. – До сих пор монстров на улице не было, но мало ли что?

– Не беспокойся, – ответил Механикус, – я сканирую местность затылочными сенсорами.

– Вот как? И насколько хорошо ты, таким образом, видишь?

– Ни на улице, ни в ближайших домах живых организмов нет. А у Лесы под левой грудью три родинки.

Зиг судорожно сглотнул, и сделал вид, что закашлялся, чтобы скрыть этот звук. Впрочем, он сразу понял нелепость этого действия и махнул рукой.

– Она тебе нравится? – спросил стальной охотник.

– Хорошо быть железякой! – не совсем ясно ответил Зиг.

– Ты думаешь? Для меня Леса – очаровательное дитя, наделённое необыкновенными для своего пола и возраста способностями. Я люблю людей с чистыми душами, и мы с ней подружились. А ещё, я могу на расстоянии измерять температуру её тела, кровяное давление, оценить биоритмы мозга, по арома-ауре вынести суждение о работе желёз и проверить регулярность месячного цикла. Но того, что заставляет людей противоположного пола притягиваться друг к другу, у меня нет. Собственно мужчиной-то я считаю условно, постольку, поскольку мой создатель был мужчиной и наделил меня своей логикой и образом мышления. Так что сам суди, хорошо ли быть железякой.

– Я имел в виду твою способность видеть затылком.

– Это лишь условно можно обозначить термином "видеть". Считывание и обработка визуальной информации здесь происходит способом ничего не имеющим общего с оптическим восприятием. Но я очень неплохо могу оценить с помощью этого устройства внешний вид любого материального объекта и человеческого тела в том числе. Например, сейчас я отчётливо вижу тонкий шрам на левой ягодице нашей девушки – след давнего пореза, лет десять – пятнадцать не меньше. А вот на правой небольшая гематома, синячок двухдневной давности. Где это она ударилась?

– Ну, хватит уже! Я-то ведь не железный.

– А, так значит, она тебе всё же нравится?

– Мех, ты и в самом деле мясорубка!

– Спасибо, что не сковородка. Мясорубка, какое-никакое, но всё же устройство. Ну, так как?

– Конечно, нравится! Очень нравится. Понимаешь, видел я женщин покрасивее этой птички, и были среди них воительницы сильнее её намного. Например, её бабушка. Понимаешь? Бабушка! А ведь я знал её молодой женщиной. О чём это говорит? Я – старый хрен, вот о чём! Я старик, а это совершенно юное создание, которое мне в дочки, да что там, в дочки, во внучки годится! Если б мы тогда с Марантой... Ну, ты понимаешь. То я был бы её, то есть Лесы, дедушкой.

– А почему вы тогда с Марантой не сделали этого "ну, ты понимаешь"?

– Мех, ты любопытен, как кошка! Маранта была тогда

женщиной моего атамана, и когда мы познакомились, уже носила его ребёнка – будущую матушку нашей Лесы. Это скверно, а порой смертельно опасно – посягать на чужую женщину, тем более, если она с тем, кто выше тебя по положению. Да и дело даже не в положении. Я очень уважал Золаса, он был мне, как отец, и обидеть его предательством мне бы даже в голову не пришло. Кроме того, пусть я и был тогда молодец хоть куда, но, по сути, ещё сопляк, а Маранта... Какая же она шикарная была баба! Царица! Такая в мою сторону тогда не посмотрела бы. Так что я говорю о подобной связи чисто теоретически.

– И всё же я не понимаю. Да, разница в возрасте у вас большая, но ты здоров, функционируешь нормально, так в чём же дело?

– Мех, я одноногий!

– Ты думаешь, из-за этого контакт невозможен? Зиг, ты ошибаешься! Я, конечно, не специалист, но знаю, что существует масса эротических позиций и приёмов, при которых твой физический недостаток не будет играть во время контакта никакой роли.

– Не в этом дело. Ты забываешь про то, что быть вместе с женщиной, это не только делить с ней постель, но и жить совместной жизнью, а для этого требуется думать сходно, говорить на одном языке, а это невозможно между молодёжью и стариками. Ну, ещё и эстетика, конечно – я просто не могу быть для неё привлекательным.

– Ты считаешь себя некрасивым? Зиг, ты снова ошибаешься. У тебя классический внешний вид. Согласно мировой художественной традиции ты выглядишь мужественно и романтично одновременно. Когда помоешься, конечно же.

– Эстет ты наш твердолобый! Возможно для какой-нибудь вдовушки от сорока и далее я ещё романтичный и даже мужественный, но молодёжь должна творить любовь друг с другом, а не со стариками вроде меня. Мы врядли найдём общий язык, интересы и всякое такое. Наши взгляды на жизнь никогда не сойдутся. И что это будет за жизнь? По крайней мере, даже если вначале, что-то получится, то всё равно продлится недолго.

– Всё же органические люди странные создания. Вы ведь тоже вышли из природы. Причём это случилось совсем недавно по вселенскому масштабу. Но вы успели переставить собственные отношения с ног на голову. Самки всех видов выбирают партнёров, соотносясь с их силой, здоровьем и внешними данными...

– А у человеческих самок на первом месте – любовь! – раздался вдруг позади них звонкий девичий голосок. – К тому же, я уже говорила, что не считаю себя готовой ни к духовному, ни к физическому единению с представителями противоположного пола. Ладно, сплетники, самка помылась, теперь ваша очередь!

Зиг поглядел на Механикуса уничтожающим взглядом.

– Ты утверждал, что видишь всё, что происходит сзади!

– Извини, отвлёкся. Но я действительно держал всё под контролем. Если бы враг появился, я отреагировал бы сразу. Приближение Лесы не вызвало у меня тревоги потому что, ну... это Леса!

– И что она теперь будет обо мне думать?

– То, что ты обычный мужик, не более того! – вновь пода-
ла голос девушка. – Когда в следующий раз захотите пошу-
шукаться, имейте в виду, что у меня неплохой слух.

Глава 34. Так в чём же дело?

Магазин был пятнадцатым домом, который они захотели проверить. Одиннадцать стояли пустые, два носили следы страшного разгрома. Их хозяева были растерзаны в клочья. В предпоследнем путешественников ждало ещё более жуткое зрелище.

Этот дом был готов к штурму – крепкие двери, ставни на окнах, основательно устроенный подвал с непрошибаемым люком, который был почему-то не заперт. Вот в этом подвале полном всяких припасов и подготовленном для длительного пребывания тех, кто в нём предполагал укрыться, троичу исследователей ждало нечто показавшееся более страшным, чем картина жестокой резни.

Посреди помещения висело тело хозяина дома. Судя по всему, он повесился сам, соорудив петлю на потолочной балке и встав на табуретку, которую сам из-под себя выбил. Ответ на вопрос – почему он это сделал, нашёлся сразу – недалеко у стены на кровати лежали три мёртвых тела. Красивая молодая женщина и двое мальчишек, трёх и пяти лет. У всех троих были одинаково перерезаны горла. Было очевидно, что это сделал сам хозяин дома – муж и отец.

Убив всех, он накрыл свою семью одной простынёй, после чего сам повесился. Может быть, он просто сошёл с ума, а может, отчаялся спастись и не захотел, чтобы его близкие

достались на растерзание монстрам.

Неясно было только, почему он не попытался пересидеть беду за крепким засовом? Ведь его дом никто штурмовать даже не пытался!

В магазин они зашли не в поисках людей, а совсем с противоположной целью. Ночь подошла к концу и первые рассветные лучи уже заливали улицы. Людям надо было где-то отдохнуть, но не хотелось снова попасть в дом с Удильщиком, да и соседство покойников тоже не прельщало. Тут-то и подвернулся этот магазин "Самых разных товаров", как гласила вывеска.

Он привлёк их внимание тем, что был закрыт по случаю праздника о чём говорила табличка на двери и тяжёлый навесной замок, который Механикус сорвал одним движением. При этом у стального охотника был совершенно убитый вид. Ещё бы! Одно дело вломиться в дом с целью спасти его хозяев, другое нанести ущерб чьей-то собственности, даже если знаешь, что хозяева сюда врядли вернутся.

Тем не менее, он первым делом, как вошёл, положил безнадёжно испорченный замок на прилавок, а рядом с ним золотую монету. Зиг на это только презрительно хмыкнул, но сказать ничего не успел, так-как в следующее мгновение на них обрушилась одна из Казней египетских.

Теперь они отдыхали прямо у фонтана. Вымылись все даже Механикус, который в подобном мытье не нуждался, но грязи терпеть не мог. Тут же устроили постирушку, так-как

одежда и доспехи были сплошь вымазаны и пропитаны зелёным содержимым саранчовых кишок.

В дома решили больше не заходить пока отдых не закончится. Зиг в одной набедренной повязке устроился на лавочке, пользуясь, случаем, чтобы проветрить свою культю. Ему хотелось спать, и он чувствовал, что вот-вот совсем разомлёт на солнышке, но кое-что отвлекало, заставляло забыть об усталости, напрочь гнало сон. И этим кое-чем, а точнее кое-кем, была Леса.

Девушка в одной короткой маечке, едва по нижнюю кромку булочек, босиком расхаживала по тёплым, на удивление чистым камням мостовой и развешивала их вещи на кустах махрового шиповника, что кольцом росли вокруг фонтана. Набирающие силу солнечные лучи делали её нехитрую одежду совершенно прозрачной, и она фактически виделась Зигу голой.

Он уже пару раз видел Лесу обнажённой. Разок это было в убежище Механикуса, (совершенно случайно, он не подсматривал!), и тогда, когда они со стальным охотником вернулись с охоты, а юная воительница отмывалась в озере после нападения зомбаков.

Но всё это не то, хоть в тех случаях девчонка была голее нынешнего. Теперь ему, старому хрену, казалось, что тело девушки светится!

Дитя. Хотя нет, уже совершенно оформившаяся женщина. Но для него всё равно дитя. Внучка Маранты. И ему во

внучки годится. Блин!..

Зиг попытался смотреть в другую сторону и отводил взгляд, но это оказалось так же непросто, как бежать по поясу в воде. Ему буквально пришлось бороться с собственной шеей, которая упрямо поворачивала голову в сторону влекущего его взгляд зрелища. В результате шея у него разболелась, и Зиг даже разозлился, сам не зная на что.

От Лесы его страдания не укрылись. И странное дело – она совершенно не рассердилась и не поспешила накинуть на себя что-нибудь недосохшее и гадко-влажное. Наоборот, захотелось немного поиграть, подразнить этого мощного, старого, (в хорошем, кстати, смысле), самца, который был ей очень даже симпатичен. (Только, не подумайте лишнего!)

Поэтому начинающая соблазнительница спрятала улыбку и продолжила своё занятие, потратив на него времени несколько больше, чем следовало. Опыта в таких делах у неё не было совершенно, но инстинкт безошибочно подсказал, где добавить плавности, а где игривости движениям, где встать на цыпочки, а где наклониться так, чтобы лёгкая ткань чуть-чуть больше сползла с попки, повёрнутой к зрителю вполоборота.

Со стороны скамейки раздалось короткое – "уй!", тут же сменившееся приглушённым ругательством. Леса украдкой бросила туда взгляд и чуть не покатилась со смеху – Зиг с весьма жалким выражением лица тёр и массировал свою шею, которая подвела хозяина в очередной раз.

Ага, попался! Тут она уж совершенно расшалилась и так-как развешивать больше было нечего, подошла, словно слегка пританцовывая, к, и без того измученному мужику, и усе-лась рядом, болтая ножками.

– Ты как? – спросила она неопределённо.

– Нормально, а ты? – ответил Зиг, глядя мимо неё глазами, съезжающими к переносице.

– Всё клёво! – ответила Леса и откинулась на прогретую солнцем спинку.

При этом она запрокинула руки за голову и потянулась всем телом, так что маечка рельефно обрисовала её грудь и живот. К тому же она невольно повернулась к своему другу и соратнику, и вышло так, что сосок её правой груди, (совершенно случайно, честно!), прошёлся по левому локтю Зига. И тут произошло то чего девушка никак не ожидала – Зиг поднял левую руку и обнял её за плечи, правой рукой прихватил за талию, притянул к себе и... поцеловал прямо в губы!

Сказать, что девушка опешила, значит основательно преуменьшить чувства, испытанные ею за эти долгих две секунды, что длился их поцелуй. Она опешила, онемела, окаменела, начисто потеряла ощущение пространства и времени! Но две секунды прошли, и Зиг слегка ослабил свои объятия, чтобы взглянуть в лицо своей подруги.

Зря он это сделал – тут же две ладони упёрлись ему в грудь. Огромные девичьи глаза напоминали плоски. В них

не было ни гнева, ни страха, только лишь безграничное удивление, лишившее их обладательницу воли к активному сопротивлению.

– Ты что? – спросила Леса не своим голосом, всё ещё слабо отталкивая его ладошками и понимая краем сознания, что с таким же успехом она могла отталкивать дом или скалу.

– Н-нет, ничего... – пробормотал вдруг смутившийся Зиг, но тут же справился с собой и добавил весело, даже слегка переиграв:

– Пахнешь вкусно! Извини – не удержался!

С этими словами он отпустил её мягко и нежно, словно уложил ребёнка в кроватку.

– А... н-ну ладно... – сказала покрасневшая, как помидорка девушка, которой вдруг стало горячо в тех местах, где её тела только что касались руки мужчины и необъяснимо холодно там, где их не было. – Я, это... по-ойду поесть, что-нибудь п-приготовлю!..

И она упорхнула с такой скоростью, какую были способны развить дрожащие коленки.

Зигу хотелось дать самому себе в морду! Если бы рядом была стена или дерево он бы точно врезал бы "рогом" по бездушной тверди, чтобы поставить мозги на место. Вот старый идол! Ты чего удумал, идиот? Наслушался "мудрых" советов этой ходячей железяки – Механикуса, посмотрел на голенькие девичьи ножки и поплыл, как малолетка! Совсем одичал, да свихнулся, в подземелье сидючи?

Что, правда, то правда. Сколько времени он не выходил к людям? Три года? Пять? Он уже не помнил. Единственными живыми существами там были крысы и монстры. Соответственно столько же времени, сколько он пробыл в этом добровольном изгнании, у него не было женщин. Когда он бродил по подземным залам и галереям в поисках приключений и опасностей, мысли о женщинах, конечно, приходили ему в голову, но он лишь хищно усмехался при этом. Ведь Зиг не просто так ушёл от людей – он в них разуверился! И в женщинах тоже...

Сколько их было, женщин-то? Он бы не взялся всерьёз всех вспомнить. Для него всё началось в разбойничьем лагере атамана Золаса, где ссыльные жёны чиновников, которых они, разбойники, освободили, устроили "Дворец наслаждений" из нескольких палаток, где каждый мог познать плотские утехы без предрассудков и ограничений. Запрещено было только насилие, а ещё туда не допускались дети. Всё остальное разрешалось, практиковалось и просто било ключом!

Ах да, Зиг не помнил там ни одного случая любви между мужчинами. Между женщинами да, случалось, а вот между мужиками – нет. Но это было вовсе не из-за запретов, просто подобные типы не водились среди лихих разбойников Золаса, они бы там элементарно не выжили. Ну и чёрт с ними, не в них дело.

Именно там Зиг стал мужчиной, а первой его женщиной

была несравненная Галанта – отставная супруга обер-полицеймейстера, которая явилась организатором и вдохновителем "Дворца наслаждений". Эта женщина, (а ведь ей тогда было ненамного больше лет, чем сейчас Лесе!), не скрывала своих взглядов на жизнь и не забивала мальчишке, (Зигу тогда было лет пятнадцать – семнадцать, если он правильно думал про свои годы), голову несбыточными надеждами.

Они не любили друг друга искренней, нежной любовью, как это положено людям, которых Матушка Природа призвала для создания семьи. Их объединила страсть! Блистательная, животная, искрящаяся, бурлящая страсть, захлестнувшая тогда вслед за ними весь лагерь. И они не давали друг другу никаких обещаний, не принимали никаких обязательств. Именно Галанта обучила Зига обращению с женщинами. Именно она доказала ему, что ревность – ядовитая тварь, которую не стоит кормить, потому что она рано или поздно губит того кто даёт ей пищу.

Галанта показала Зигу все тонкости плотского наслаждения доступные человеческому телу. Они вместе принимали участие в оргиях, где он любил не только её, но и других женщин, а она принадлежала на его глазах другим мужчинам, и это заводило, а не возмущало юного Зига. Как же тогда им было вместе весело и хорошо! Как всё это было молодо, живо и здорово...

Галанта погибла, убитая сколопендроподобным монстром, когда они вместе с остальными разбойниками оказа-

лись в пылающем дворце короля Лоргина. Зиг тогда очень горевал. Может он и не любил эту невероятную женщину настоящей святой и искренней любовью, но всё же... А может и любил! Теперь об этом судить было трудно. Ну, и поздно.

А потом... Потом была целая жизнь, и были в этой жизни самые разные женщины. Трактирные служанки и открытые проститутки, скушающие великосветские матроны и пышнотелые купеческие дочери, а иногда и жёны тех же купчихек. А ещё, развесёлые вдовушки и ядрёные загорелые крестьянки, которые были только рады вильнуть хвостом от своих грубых неотёсанных мужей. Вот с такой-то деревенской красоткой у него и вышел облом в последний раз.

Она была небольшого росточка, пухленькой с немножко пороссячим, но, в общем-то, миловидным лицом. Зиг потом никак не мог вспомнить, что он в ней такого нашёл? Рядом было полно куда более симпатичных баб и девок. Чем она его тогда зацепила? Смущённой улыбкой что ли?

И, так и осталось для него загадкой – зачем она его предала? Зачем заманила в ловушку? Не хотела связываться, так отшила бы! Зиг никогда не был непонятливым и чрезмерно навязчивым, как никогда не брал женщин силой, даже когда был разбойником. Да, его тоже отшивали. Нечасто, но было, ну, так что с того?

В общем, в одну "прекрасную" ночь, когда он явился на сеновал, где у него было назначено свидание с этой пышкой, вместо неё его там встретили несколько мужиков вооружён-

ных вилами и топорами. Это были муж, отец и братья его несостоявшейся любовницы. Кстати, она тоже там нарисовалась, самодовольно улыбаясь от чего показалась Зигу слащаво-омерзительной.

И, вот ещё загадка — почему они решили его именно убить? Явись они туда с палками и вожжами, чтобы проучить чужака и отвадить от своих женщин, это можно было бы понять, и тогда всё вышло бы по-другому. Но это мужичьё жаждало его крови... Кровь они и получили. Свою, в изобилии. В общем, оставил он, уходя, эту круглую, во всех отношениях, дуру, вдовой, сиротой, без братьев, воющую, как дикий зверь среди пылающего хозяйства.

(Само загорелось, он тут был не причём! Кто-то фонарь в сено уронил во время потасовки.)

Кажется, у неё были дети? Трое или четверо, может меньше. Неважно! Сама себе такую жизнь устроила. Он даже если бы хотел, не смог бы ничем помочь — надо было уносить ноги, иначе не миновать встречи с полицией Торгового города, а это означало для него разоблачение и верёвку.

Самым обидным было то, что, незадолго до того случая, он во главе отряда наёмников подрядился очистить этот край от монстров. И они успешно справились с заданием, а эти вот самые мужики дивились и цокали языками, глядя на воинское умение лихих бродяг. Так, на кой они после всего этого на него напали? Вроде как, десяток воинственных петухов решили матёрого волка завалить. Воистину, у этих сермяж-

ных вместо мозгов отруби пополам с навозом!

Вот тогда-то Зиг и ушёл под землю. Нет, не из-за этого самого, мелкого, но поганого случая, хоть ему и надо было подлечиться – вилами по рёбрам всё же досталось. Зиг не был настолько тонкокожим, чтобы переживать из-за этой ерунды. Люди разочаровали его уже давно.

Тупые, мелочные, алчные, завистливые, лживые, эгоистичные, себялюбивые, трусливые и так далее. Ему доводилось видеть и высший свет, и дно, и торговый люд, и ремесленный, и сельских тружеников, и городских. Везде было одно и то же. Действительно хороших людей, как впрочем и откровенных мерзавцев было мало. Пространство заполняла однородная серая масса, которую он уже не мог выносить!

От этой серости он и ушёл под землю. Воистину, лучше встреча с отъявленными негодяями, с которыми можно вступить в битву, победить или погибнуть, чем жизнь среди серых полускотов, вроде тех, что напали на него тогда у сеновала. Кстати, предательство в их серой среде дело обычное, но это так, к слову.

В общем, Зиг оказался под землёй без особых планов на будущее, тем более что последняя его ватага распалась, и идти ему было особо некуда. И жил бы он до сих пор в своей берлоге, наполненной припасами и оружием, если б не тот случай с кусачими колючими шарами, который стоил ему ноги. Да что нога! Он с жизнью уже попрощался, а тут эта птичка бойцовая прилетела.

Леса... Во внучки годится... Нда...

Когда она зацепила его? С самого начала, вот когда! И дело не в том, что у него давно не было женщин. Леса, как будто светила изнутри, она напоминала ему жемчужину на чёрном бархате в узком солнечном луче устроенном хитрым ювелиром, знающем, как преподнести товар.

Он любовался девушкой ещё тогда, когда в гангренозном жару объяснял ей, как добраться до своего логова, и делал её наследницей всех имеющихся там припасов. А потом она и жизнь ему спасла, и стала соратницей по оружию, а теперь вот...

Да разве ж дело в спасённой жизни? Конечно, дело не в благодарности. И, руку на сердце, положая, признаемся – не в женской притягательности. Точнее не только в ней. Если бы Зиг услышал с Неба некий глас, который объявил бы, что Леса никогда не станет его женщиной, он бы не сильно расстроился, смирился бы для её же блага. А вот если бы тот же говнюк сказал, что они больше не увидятся...

От одной этой мысли у совершенно здорового, (не считая ноги), мужика, тяжело зануло сердце. Что же он наделал этим своим поцелуем? Дурак! Теперь она будет чураться его, держаться на расстоянии и сбежит при первом же удобном случае. Эх, дурак, дурак!

.....
Только набрав полную охапку дров, (нашлись на телеге, оставленной в переулке примыкавшем к площади), Леса

вдруг вспомнила, что так и не оделась. Во-первых, так можно и майку порвать, а это было бы жаль – она у неё единственное, что осталось в походной сумке из подобных вещей, а во-вторых, хватит уже на сегодня, доигралась! И так вон сердце стучит, как бешенное, успокоиться не хочет. А успокоиться надо было. И постараться обдумать то, что произошло.

Леса прислушалась к себе. Этому умению её научила бабушка, а мама поделилась несколькими личными секретами. Прежде всего, надо не врать себе. Это самое сложное.

Оказывается, человек врёт себе гораздо чаще, чем другим. Это в природе людей обманывать себя и оправдывать, особенно, когда все кругом тебя осуждают. Лесу сейчас никто не осуждал, а значит, ей будет легче признаться себе во всём, чтобы понять и себя, и что делать дальше.

Итак, начнём. Поцелуй этот не был ей неприятен. Даже как-то наоборот... Странно, ведь раньше у неё не возникало желания с кем-то целоваться. Прodelай такое с ней кто-нибудь из парней в Междустенье, получил бы такого леща! Они-то знали насколько небезопасно трогать дочь Ларни и внучку самой Маранты! И не трогали. Обидно, даже немного.

Но сейчас было что-то совсем другое. Этот поцелуй длился целую вечность, но она ничего не делала. Не могла... Зиг сам отпустил её, и только тогда она сообразила, что надо бы сопротивляться. И... это её сопротивление... Курам на смех! Ладонками в грудь. Ха-ха! Будто ей лет пять, не боль-

ше.

Где-то, год назад она чуть не погибла – зомбак ухитрился внезапно схватить её и прижать к себе, нацеливаясь зубами в горло. Оружие было не вытащить, спаслась тем, что выдрала ему оба глаза голыми руками! И это притом, что ногти Леса стригла коротко, чтобы не мешали в работе и в бою. А теперь вот ладошками, значит, в грудь... И понятно почему – Леса, скорее свои глаза выдрала бы, чем его. Хм-м. А вот это уже новость!

Она ещё раз прислушалась к себе. Правда? Выдрала бы свои глаза, а не его, чтобы он не сделал? Правда. Странно, но это так. А почему? Вот на это она ответить наверняка не могла, но надо ведь разобраться! Она его, что лю?..

Горячая волна словно окатила девушку с головы до ног. Она была вынуждена опуститься на землю и бросить свои дрова, такая её охватила слабость. Неужели? Или она ошибается? Не может быть! Она любит его?

Леса в деталях припомнила их поцелуй. Железные руки Зига притянули её, и их губы встретились... Но это ещё не всё. Она вспомнила, как её грудь, едва прикрытая лёгкой тканью, прижалась к обнажённой груди мужчины, как оба полушария налились и потяжелели, словно два сосуда наполненных божественным нектаром, как потеплело и запульсировало в такт с биением сердца внизу живота...

И сейчас от одной только мысли об этом она почувствовала то же самое! Захотелось сжать свои груди руками и взять-

ся пальцами за соски, то нежно пощипывая их, то словно желая раздавить. Захотелось запустить руку между ног и... И это всё ерунда по сравнению с тем, что было бы, если бы это делала не она сама, если бы это сделал он!..

Всё поплыло у девушки перед глазами. Плохо дело! Она почувствовала, что теряет самоконтроль. В бою это означало бы гибель, но ведь сейчас не бой... И всё равно плохо. Если Зиг увидит её такой, что он о ней подумает?

Скажет, наверное – вот ещё одна шлюшка, каких много! И будет прав. Нет, этого нельзя допустить, надо что-то придумать. Ну почему он не овладел ею прямо там на скамейке? Ладонки упёртые в грудь? Теперь она знала, что недолго бы она вот так упиралась, что эти руки, кабы он продолжил свои ласки, обняли бы его, а ноги сами собой раздвинулись, жажда и желая!

Так вот она какая, любовь? Не так она её себе представляла. А что она собственно представляла? Некий юноша, образ без лица, так – общий контур. Она только знала, что он не похож ни на одного из парней Междустенья. Кажется, волосы светлые. А может быть, и нет. Светлые, тёмные, какая разница? Главное, что он делает этот её воображаемый возлюбленный.

Да ничего он не делает! Ну, дарит ей цветы... Она не любит видеть их срезанными. Говорит ласковые слова... Это вообще может раздражать, она же не ребёнок! А ещё они гуляют вместе при луне... Ага, и кормят комаров. Он обнима-

ет её... Чужими руками! Целует... Вот тут-то и получит коленкой в пах!

Хватит. Ничего она не понимала в этой романтической ерунде раньше, не понимает и сейчас. Её любовь, это стальные руки прижимающие её, как ребёнка к шершавому мускулистому телу, это борода и усы, щекочущие лицо и шею, это губы...

Боже, ей опять делается жарко! Нет, об этом лучше не думать, а то дело и впрямь плохо кончится. Лучше подумать о том несуществующем возлюбленном и всей ерунде, которая с ним связана. Это её остудит. Раньше она думала о таких вещах отстранённо, теперь это её бесит!

Впрочем, если бы Зиг подарил ей цветы, она зарылась бы в них лицом, ни о чём не думая, наслаждаясь их свежестью и ароматом, а если бы позвал на свидание при луне, побежала бы вприпрыжку! Какие там комары... Ну, вот, опять! Может плюнуть на всё, сорвать с себя эту дурацкую майку и явиться перед Зигом нагишом? Пусть делает, что хочет. Пусть возьмёт её прямо на камнях мостовой или осыплет бранью и насмешками. А может, произойдёт и то, и другое сразу? Пускай! Она этого заслуживает...

– Лесик, ты здесь? У тебя всё в порядке?

Механикус! Она же совершенно про него забыла. Теперь её окатила словно бы холодная волна. Неужели он всё видел? Стыд-то, какой! Мех ведь человек, хоть и механический. А она тут размечталась... Форменный вышел бы позор, поз-

воль она себе чего лишнего.

– Всё хорошо, Мех! – ответила Леса совершенно фальшивым голосом. – Дрова вот рассыпала.

– Тебе помочь?

– Нет, я справлюсь. Слушай, будь другом – принеси мою одежду с тех кустов, она должна уже просохнуть.

– Без проблем!

Механикус словно испарился, с такой скоростью он умчался исполнять поручение юной охотницы.

"Слава Богу, кажется, ничего не заметил!" – подумала Леса.

Если бы собор Инци не был осквернён, она сейчас с удовольствием сбегала бы туда и помолилась перед его гигантским изображением. Но, раз это было невозможно, девушка быстро прочла короткую и единственно правильную молитву, которой сам Инци научил людей, стоя на горе. После этого, она почувствовала некоторое облегчение, и снова принялась собирать свои дрова.

.....

Механикус понимал, что он ничего не понимает. Он прекрасно видел, как уровень необходимых гормонов у людей взлетел до критической точки. Они даже приступили к той части любовных игр, которая предшествует совокуплению, но что-то их остановило, несмотря на то, что оба испытывали явное удовольствие от происходящего. А потом они без видимых причин разбежались, как кошки, которых окатили

из ведра водой, и обоих накрыло с головой чувство страшного душевного дискомфорта. Почему? Зачем? Чего же им не хватает?

Было ещё кое-что. Механикус явно слышал, как Зиг, бормоча себе под нос, отпускал в сторону него, Механикуса весьма нелестные эпитеты. Зиг был искренен, это было несложно проверить. Значит, в его словах крылось рациональное зерно, и стальной охотник действительно был в чём-то виноват.

По крайней мере, так считал Зиг. Но если так, то ему, Механикусу, следовало откорректировать своё поведение. Он совершенно не хотел навредить людям, тем более этим двоим, которых он считал своими друзьями. Но всё-таки, в чём же здесь дело?

Глава 35. Странная тишина

Рарок думал, что они вернутся тем же путём, каким вышли из города – старыми забытыми туннелями, оставшимися после былой цивилизации. Однако сэр Мальтор уверенно повёл его к Восточным воротам, которые с того дня так и остались распахнутыми настежь.

– Мы больше не прячемся от монстров? Думаете, их нет в городе? – спросил гладиатор своего друга и наставника.

– Может быть, кто-то и есть. Даже, скорее всего, есть, но мы их не будем ни искать, ни избегать. Когда случается такой шквал, вырезающий население целого города, кто-нибудь обязательно остаётся. Непонятно зачем... Может быть, на тот случай если кто-то из уцелевших жителей высунет из убежища нос? Чаше всего такие монстры сами дохнут со временем от голода, или их добивают вернувшиеся в разорённый край люди, но сейчас, когда времени прошло не так много, они ещё полны жизненных сил, голодны и крайне опасны.

– Но может из людей кто-нибудь спастся?

– Всё может быть, но шансов маловато. Если повезло единицам, то это уже чудо.

– Я слышал, в столице Лоргина спаслось сотни полторы или полторы тысячи. В общем, разное говорят.

– Там людям помогли бандиты некоего Золаса, который был не в ладах с законом, но не потерял человечности, став

разбойником. Мне доводилось видеть человеческие поселения, где не спасся никто, а ведь нападение армии монстров при этом далеко не всегда бывает таким яростным.

Разговаривая, таким образом, они прошли Восточные городские ворота, держа руки на рукоятках мечей. Однако кругом было тихо. О недавнем присутствии людей говорили только две пики, валявшиеся там, где положено было стоять часовым. О присутствии монстров ничего не говорило.

Улицы Торгового города были пустыми, тихими и подозрительно чистыми. Так не должно было быть, при каком бы то ни было нападении. (Так не бывало даже в самое мирное и спокойное время!) Ни разбитых стёкол, ни выломанных дверей, ни останков жителей и монстров. Ведь кто-то должен был сопротивляться? Не могли же они взять и дать себя просто напросто съесть? В богатых домах была вооружённая охрана, улицы патрулировались отрядами стражи. Где-то должны были остаться следы борьбы, но их не было.

– Ерунда какая-то, – проговорил сэр Мальтор. – Сколько видел последствий нападения монстров, но такого не встречал. Что происходит?

– Может, пойдём сразу в Цирк? – предположил Рарок, которому не терпелось узнать о судьбе Лозаса, да и неуютно как-то было чувствовать себя без Большого цирка.

– Пошли. Нет, постой! Посмотри туда!

Рарок взглянул в ту сторону, куда показывал сэр Мальтор и увидел столб дыма, поднимающийся над крышами домов.

В той части города, что-то горело, и горело основательно.

– Давай-ка сначала посмотрим, что там происходит. Хоть какое-то движение в этом замершем месте, – предложил сэр Мальтор.

– Да, пошли, – согласился Рарок. – Может, там кому-нибудь нужна помощь?

Глава 36. Пусть горит!

Их завтрак прошёл в молчании. Зиг пробовал о чём-то заговорить, даже постарался казаться весёлым, но Леса отвечала вяло и невпопад. Тогда он хмуро замолчал. Разговорчивый обычно Механикус, тоже помалкивал, опасаясь наломать ещё больше дров. Он решил понаблюдать и ещё несколько раз проанализировать ситуацию. Правда, прокрутив в своём механическом уме несколько сотен тысяч вариантов развития событий, он понял, что ему не хватает информации, и дал себе обещание, что когда доберётся до библиотеки, то постарается найти там всё, что можно раздобыть о человеческих отношениях. Желательно при этом, чтобы проблема была освещена с разных сторон бытия, а не только с физиологической, которую он отлично знал после изучения медицины. Стальной охотник понял пагубность одностороннего подхода к вопросу о самой щекотливой для людей теме, и ошибаться больше не хотел.

Спали они до полудня. Понятное дело, на разных лавочках. Причём Леса почему-то выбрала лавочку за две отстоявшую от зиговой. Это не укрылось от одноногого авантюриста, и спать он завалился в самом скверном расположении духа. Тем увлекательнее было его пробуждение, потому что, когда он продрал глаза, то увидел, что у него в ногах сидит Леса и что-то сосредоточенно зашивает в его куртке.

– У тебя рукав под мышкой порвался, – сказала она и спрятала глаза, вдруг чего-то смутившись. – Но сейчас всё готово. Вставай, Мех что-то сварил на обед.

Если бы Зиг проснулся на десять минут раньше, то он мог бы увидеть, как девушка украдкой зарылась лицом в его куртку, с наслаждением вдыхая запах, который человеку постороннему показался бы неприятным... Но он ничего такого не видел.

Зато это видел Механикус, хоть и стоял по другую сторону фонтана, да ещё и к людям спиной. Он отметил увиденный им факт, измерил колебания эстрогенов в организме девушки, опять же таки ничего не понял, но положил в копилку памяти эту маленькую деталь, надеясь в будущем учесть её или применить, как элемент мозаики для составления некоей масштабной картины.

– Что будем делать дальше? – осведомился Механикус, когда люди доели бобы с консервированной курятиной, которую он обнаружил в кладовой соседнего дома, пока они спали. – Продолжим осматривать дома?

– Чтобы вот так осмотреть все дома в Торговом городе, нам года не хватит, а может и двух, – Ответил Зиг, ковыряясь в зубах. – Пойдёмте-ка, всё же посмотрим, что там сейчас в Цирке, а дальше уж решим, что делать.

Леса не возражала. Механикус тоже был рад сменить направление их поисков, тем более что сюрпризы, которые ждали их в этих домах, были либо ужасными, либо смертель-

но опасными.

Поскольку маленький отряд был готов к выступлению, задерживаться не было смысла. Зиг, прекрасно знавший город, уверенно повёл их по пустым и на удивление чистым улицам. Последнему обстоятельству он подивился про себя, но ничего не сказал.

Надо же! Когда он был здесь капитаном Тайной стражи, да и потом, когда привозил шкуры на продажу, город вовсе не выглядел таким чистеньким. Здесь повсюду шёл торг, а значит, везде можно было встретить мусор – обрывки упаковки, лоскуты, огрызки, очистки, куски верёвки и прочее. Теперь город словно вылизали! Странно, но может здешние нравы и законы поменялись за время его отсутствия?

– Смотрите-ка, а наш магазин всё ещё горит! – отвлёк его от этих мыслей Механикус.

В самом деле, за пару кварталов от них, там, где они оставили горящее здание, в котором чуть не были съедены саранчой, в небо поднимался густой столб чёрного дыма, подсвеченный снизу красным.

– Как бы от него не занялись остальные дома вокруг! – обеспокоенно заметила Леса.

– Врядли! – пожал плечами Зиг. – Он там стоит слегка на отшибе, но даже если это произойдёт, я не буду против того, что поджарится пара "Удильщиков". Жителям эти дома уже ни к чему. Когда мы спасали людей в столице Лоргина, то сами поджигали дома, чтобы выкурить монстров и защи-

таться стеной огня от возможной контратаки с их стороны. В любом случае потушить мы его всё равно не сможем, так что пошли дальше!

Глава 37. Кажется это люди

То, что перед ними некий особенный монстр, Рарок и сэра Мальтор поняли не сразу. Даже рыцарь, хранивший в памяти информацию о сотнях разновидностей этих тварей, такое чудище видел впервые.

Существо напоминало розовый гриб с почти шарообразной шляпкой, на короткой толстой ножке. Высотой этот "гриб" был чуть ниже человеческого роста, и почти такой же в ширину. Он поднимался из тошнотворной, жёлто-лиловой, какой-то бугристой лужи, больше всего напоминающей блевотину.

Торчала эта дрянь прямо посреди улицы и места для прохода по бокам оставляла достаточно, но вот "лужа" под ней разлегалась во всю мостовую, а наступать в неё совершенно не хотелось.

– Я могу попробовать пройти, – предложил сэра Мальтор. – Меня монстры, вообще, не видят до тех пор, пока я не двигаюсь, а некоторые пока не начинаю их бить.

– Может, лучше обойдём? – благоразумно предположил Рарок. – Лучше потерять несколько больше времени, чем вляпаться во что-то, что неизвестно и даже непонятно, чем опасно.

– Ты прав, – согласился рыцарь, – пошли, я видел за квартал отсюда поворот...

Он осёкся, не договорив, потому что по другую сторону "гриба" на улице появились трое.

– Люди! – почти вскрикнул Рарок. – Значит, в городе всё-таки есть люди!

– Да, – произнёс сэр Мальтор с сомнением в голосе, – двое из них точно люди, а вот кто третий? Точнее – что?

– Ну, так давайте их окликнем?

– Нужды нет, они нас видят так же хорошо, как и мы их.

Глава 38. Он, что, кусается?

Если бы за поворотом их ждало, что-нибудь клыкасто-когтистое размером с дом, это произвело бы не настолько ошеломляющее впечатление, как от того, что они сейчас увидели. Посреди улицы, в луже какой-то дряни, рос подозрительно розовый гриб величиной с гружёную арбу. Но это ещё что! По ту сторону гриба стояли двое.

– Люди! – радостно воскликнула Леса, но Механикус вдруг взял её за руку и не дал сделать шаг вперёд, как она того хотела.

– Я вижу одного человека, – сказал он встревоженно. – А второй... Я бы сказал, что перед нами пустой доспех, если бы он не шевелился. Что же это такое?

Зиг слышал эти слова, но его хватать за руку было бесполезно. А потому он сделал шаг по направлению к незнакомцам и соответственно к "грибу", поднял правую руку, то ли приветствуя, то ли привлекая внимание, и не слишком дружелюбно крикнул:

– Эй, вы кто такие?

Те двое переглянулись.

– Этот вопрос мы вполне можем задать вам, уважаемый, – ответил тот, кто был в доспехах. – Но, учитывая обстоятельства нашей встречи, я прощаю вам вашу грубость и представлюсь первым. Меня зовут Мальтор, я странствующий рыцарь

и исследователь. Вы будете очень любезны, если при обращении ко мне потрудитесь прибавлять слово "сэр". А это мой друг и ученик – гладиатор Большого цирка и чемпион арены по имени Рарок. Теперь, если вам это не трудно, соблаговолите представиться сами.

– Добро! – ответил Зиг, не меняя тона. – Моё имя – Зигель, я вольный охотник на монстров. Можете не прибавлять к моему имени никакого "сэра", я не обижусь. А вот эта девушка – леди Леслава из Междустенья, а это чудо железное – Сэр Механикус, механический человек и тоже охотник. Мы здесь бродим в поисках выживших, а вы что забыли в этом городе?

– У нас та же цель, сэр Зигель, – ответил рыцарь, всё же прибавив к имени Зига аристократическое обращение. – Но я думаю, для дальнейшего разговора нам следует как-то миновать этот "гриб". Если хотите, подождите нас там, а мы найдём обходной путь...

– А чего его обходить-то? – пожал плечами Зиг. – Он что, кусается? Нет, может действительно кусается, но это легко проверить!

С этими словами он снял с плеча арбалет и, раньше, чем кто-либо успел что-то возразить, взвёл его и всадил болт прямо в центр круглой розовой шляпки.

Леса запомнила только негромкий хлопок и что-то жёлтое, клубящееся, в мановение ока, заполнившее всё пространство вокруг. Затем её сознание погасло.

Глава 39. Давайте всё обсудим

Он не помнил кто он и что он, не знал, где находится, не представлял, что собственно произошло. Сейчас он стоял на четвереньках и его выворачивало. Это продолжалось, наверное, уже достаточно долго, так-как очередной желудочный спазм не выдал ничего кроме боли. Тогда он поднял голову и огляделся.

Ага, значит он на улице. Улица была какая-то странная – жёлто-горчичного цвета, а посреди мостовой красовалось грязно-лиловое пятно с розовыми ошмётками, которое съезживалось на глазах. По ту сторону пятна стоял какой-то здоровенный, лохматый тип в охотничьей куртке и серебряных штанах, представлявших с сапогами единое целое. Он стоял к нему спиной, а в руках у него была зажата внушительных размеров секира.

Чуть поодаль, прямо на земле сидела девушка, бледная, как смерть и с глазами, распахнутыми на пол лица. Её поддерживал кто-то согнувшийся пополам, и этот кто-то странно поблёскивал на солнце. Но сейчас он был неинтересен. Внимания заслуживали только лохматый и девушка.

Рарок, (так он Рарок, у него есть имя!), принял сидячее положение и повёл плечами, как будто собирался танцевать. Кажется, двигаться он может, уже хорошо!

По ту сторону усыхающей лужи, тем временем, происхо-

дило следующее – лохматый мужик взревел, как медведь, поднял свою секиру и ринулся на девушку с явным намерением разрубить её пополам. Она вскрикнула, скорее не от страха, а от удивления, но не сделала попытки избежать удара, и даже руку не подняла, чтобы загородиться.

Её спас блестящий человек – он блокировал удар секиры собственной рукой. Чудо, но эта рука не отскочила отсечённая, а наоборот секира отлетела от неё, как будто натолкнулась на железную балку! Лохматый ударил ещё и ещё раз, результат был тот же.

И вдруг Рарок почувствовал к нему такую злость, какую не ощущал ни к людям, ни к монстрам, даже когда в юные годы был бит более сильным противником. Он вскочил на ноги и, позабыв выхватить меч, ринулся на лохматого с кулаками!

Тот не успел повернуться к нему, когда гладиатор налетел сзади, как таран, ударив в спину всем своим весом. Они полетели кубарем, несколько раз перекувырнувшись на камнях мостовой. Секира, которую выронил лохматый, откатилась в сторону, но это его совершенно не смутило. Лишь только их кувыркание закончилось, в солнечное сплетение Рарока врезался локоть с силой способной прогнуть доспехи и сокрушить кости. Гладиатора спас могучий пресс, накачанный годами тренировок.

Рарок ответил серией коротких ударов с близкого расстояния, практически в упор, которые обычному человеку пе-

реломали бы рёбра. Этому искусству научил его Лозас. На арене такое умение было бесполезно, но Рарок не забывал уроки старика, как помнил, вообще, всё, что относилось к воинскому искусству.

Однако сейчас нашла коса на камень – с таким же успехом он мог бить дубовый чурбан обтянутый кожей. Лохматый лишь пару раз крякнул, а потом изогнулся дугой и резким движением сбросил с себя гладиатора. В следующий миг оба были на ногах и кулак лохматого, тяжёлый, как кувалда, летел Рароку в челюсть.

Такой удар не выдержала бы никакая кость, но гладиатор нырнул и ответил прямым встречным в грудь противника. На сей раз это возымело действие, но лохматый не упал с переломленной грудной костью, а всего лишь отлетел на пару шагов и лягнул Рарока в ответ раньше, чем тот успел уйти в сторону.

Удар снова пришёлся в живот и его опять спас пресс, но он почувствовал, как весь воздух без остатка вылетел из его лёгких, а сам он словно мяч отскочил от этого удара и шарахнулся спиной о стену дома. Мир перед глазами подёрнулся чёрной дымкой. Почти теряя сознание, Рарок подумал, что такой удар не мог нанести человек. Самое скверное было то, что тело отказывалось повиноваться и если так будет ещё хотя бы пару секунд, то он погиб – лохматый нанесёт ещё один такой удар, а противостоять ему он не сможет. Вот он идёт на него с перекошенным от злобы лицом и совершенно

безумными глазами...

И тут между ним и смертью встал сэр Мальтор. Что именно он сделал, Рарок не увидел из-за широкой бронированной спины рыцаря, но лохматый вдруг вскинул руки и опрокинулся навзничь. Сэр Мальтор замахнулся для следующего удара, но тут на него сбоку налетел блестящий сотоварищ лохматого и они с грохотом укатились куда-то в сторону.

К неподвижно лежавшему мужику подскочила белокожая девушка и, что-то причитая, принялась ощупывать его лицо. И тут лапы лохматого сомкнулись на её плечах, а в следующее мгновение он уже стоял, держа девчонку, как младенца над головой и выбирая место о которое её сподручнее было бы разбить.

Рарок сделал судорожный вдох. Ага, раз он может дышать, то может и драться! Его удар был копией того, что он только что получил сам. Нога гладиатора врезалась в живот его противника и девушка вылетела у того из рук. Рарок ловко подхватил её и... она тут же вцепилась ему в лицо!

Нда-а, ручки-то у девчонки были хоть и маленькие, но обладали отнюдь не женской силой. Рарок понял, что ему сейчас обязательно что-нибудь оторвут – либо нос, либо уши, а может быть и то, и другое.

– А ну пусти её! – взревел вдруг лохматый.

Рарок и сам был бы рад отпустить разъярённую фурию, но для этого её нужно было сначала оторвать от себя и желательно не с куском своего тела. Наконец, ему это удалось, и

он отстранил от себя извивающуюся, лежащую и шипящую, как кошка девушку, но не выпустил её из рук, опасаясь, что она вцепится в него снова.

– Я сказал – отпусти!

В это время девица укусила Рарока за руку, и он её выпустил. Лохматый тут же сунул девчонку за спину и пошёл на гладиатора, засучивая рукава.

– Щас я тебя!

– Стоп! – крикнул Рарок, выставив перед собой раскрытую ладонь. – Ты больше не хочешь её убить?

Лохматый остановился.

– Её убить? Кого убить? Ты о чём говоришь, парень? – пробормотал он с сомнением в голосе.

– О том, что если ты больше не хочешь убить девушку, то у нас нет причин для драки.

Лохматый оглянулся и в недоумении опустил руки. Девушка подошла к нему вплотную, обняла его правую руку и ткнулась лбом в плечо. Он ещё несколько раз крутанул головой, словно искал что-то и тут до него, похоже, дошло! В глазах лохматого отразился ужас, губы его затряслись, и он свободной дрожащей рукой обнял девицу, которая не воспротивилась этому и не отстранилась.

– Ну как вы там? Всё нормально? – спросил чей-то голос.

Рарок обернулся. Голос принадлежал блестящему человеку. Они с сэром Мальтором сидели на крыльце дома напротив и, похоже, мирно беседовали.

– Ну, раз так, идите к нам и давайте всё обсудим.

Глава 40. Недоразумение

– Как я мог?! Как?..

Зиг повторил это, наверное, раз уже в двадцатый. Он всё никак не мог успокоиться и всё трогал за плечо, льнущую к нему Лесу, словно хотел удостовериться на месте она или нет.

– Ты оказался под действием нейротоксинов, которые вырабатывает этот грибовидный монстр. – Терпеливо пояснял, уже в который раз, Механикус. – Тебя угораздило очутиться в самом центре выброса его спор, поэтому злость и агрессия, которую они вызывают, проявилась у тебя сильнее всего. Ра-року вон тоже досталось, но его организм сразу воспротивился такому вторжению и избавился от бoльшей части яда. Леса вдохнула совсем немного, к тому же что-то в её теле сразу же нейтрализовало эту небольшую дозу, и она отделалась лёгким обмороком.

– Это всё понятно, но как я мог! Руки отрубить мне за это!

– Руки тебе ещё пригодятся, – проговорила Леса и плотнее прижалась к его плечу.

– Между прочим, – вставил своё слово сэр Мальтор, – нам всем повезло, что этот псевдогриб был незрелый. Я тут постарался проникнуть в его жизненно-духовную сущность, пока она окончательно не рассеялась, и понял, что мы имеем дело с крайне опасной формой жизни. Даже на таком ран-

нем этапе развития он может вырабатывать токсин способный свести с ума несколько человек. Во взрослом состоянии, (тогда он вырастает втрое больше и становится красного цвета), концентрация токсинов выше, и количество их во много раз больше. В период же полного созревания он чернеет и лопается. Тогда он опасней всего. Скажем, если содержимое одного такого гриба распылить над многотысячной армией, солдаты начнут сражаться друг с другом и будут драться до тех пор, пока не упадёт последний.

– Не удивлюсь, если в городе мы встретим не один такой "гриб", – предположил Механикус. На наше счастье действие токсина его молодой особи быстро заканчивается.

– Ох уж мне вся эта наука! – простонал Зиг. – Но, как я... Девичья ладошка закрыла ему рот. Леса ещё раз боднула его в плечо и встала из-за стола, за которым они сидели.

– Пойду, принесу ещё вина, – сказала девушка и направилась в сторону подвала.

– Я помогу тебе. Вызвался Рарок, которому изрядно наскучили, как рассуждения железных умников, так и причитания Зига.

Они спустились в подвал богатого, большого дома, который на их счастье оказался пустым и чистым от монстров и прочих тварей вроде саранчи. Здешний винный погреб говорил много хорошего о богатстве и вкусах хозяина, которого они не знали и, конечно же, не узнают никогда.

– Можно задать тебе один вопрос? – спросил Рарок у де-

вушки, изучавшей с видом знатока этикетки на бутылках, прежде чем положить их в корзину, которую он держал.

– Задавай хоть десять! – весело ответила Леса. – Но сначала вот что!

Она оставила своё занятие, подошла к нему вплотную и, встав на цыпочки, чмокнула в щёку. Рарок почувствовал, как волна незнакомого доселе жара прокатилась по его телу от макушки до пяток. Удивительно, он знал многих женщин, но ни одна из них не способна была вызвать в нём такое!..

– Спасибо, что заступился, – сказала девушка. – А ещё прости, что малость попортила твою красивую мордашку!

Синяков и небольших ссадин она оставила ему немало, но Рарок почему-то совершенно не обиделся.

– Ты любишь его? Вы любовники? – спросил гладиатор прямо, так-как не любил длинных предисловий в разговоре и долгой раскачки во время боя.

– Да, – ответила твёрдо, чуть покрасневшая Леса, – я люблю его, но мы не любовники.

– Почему?

– Просто я узнала, что люблю его только сегодня утром.

– Узнала?

– Да, узнала. Любила уже давно, а узнала об этом только сейчас. Поэтому мы не любовники. Пока ещё не любовники.

– Удивительно, я такого никогда ещё не видел. Он убивал тебя, и если бы не этот ваш Механикус, ты была бы сейчас изрублена в капусту. Но при этом ты защищала его, дралась

за него и даже не пыталась увернуться от его ударов. Вот это да! Значит вот, как выглядит любовь...

— А у тебя, что не было любви?

Рарок отрицательно покачал головой.

— Что, совсем не было девушки?

— Нет, дело не в этом, — немного грустно улыбнулся гладиатор. — Девушек у меня было предостаточно. И почтенных шикарных дам, и женщин в самом соку... Замужних, одиноких, ветреных и мудрых, богатых и бедных, всяких! Я ведь чемпион, а это значит, что популярен во всех отношениях. Но вот любви у меня не было. Такой, чтобы за меня бросались в бой, чтобы с улыбкой смотрели на занесённый топор... Нет, ты не подумай, что я сам хотел бы этот топор держать — я на арене-то сталкиваться с женщинами-гладиаторами, терпеть не могу. Но никто из тех, что дарили мне свои ласки, не согласились бы за меня порезать хотя бы палец. А если бы меня убили, никто из них бы по мне не заплакал. Разве что вздохнула бы какая-нибудь матрона о хорошем любовнике, как об околевшей собачке. Нет, я не жалею, такова судьба гладиатора, но глядя на вас, наверное, в первый раз завидую! Белой завистью...

Леса положила руки ему на грудь и очень серьёзно посмотрела в глаза, потом провела ладонью по его щеке, отметив, какая мягкая у этого парня щетина.

— Не волнуйся, — сказала она так же серьёзно, но очень мягко, — твоё время ещё придёт. Будет у тебя любовь, будет!

Ты встретишь девушку или молодую женщину, кто знает? И ты будешь для неё всем, больше чем весь мир, а она будет для тебя той единственной, любовь которой ты не променяешь на объятия дев всего мира!

Леса почувствовала, как заколотилось его сердце. Рарок загадочно улыбнулся, потом отнял её руку от своего лица, поцеловал в ладонь и, подхватив корзинку, молча, вышел из подвала.

Она последовала за ним, недоумевая, почему так вдруг при этом жесте затрепетало её собственное сердце? Только что она была мудрой и пророчески велеречивой, а теперь?.. Почему она чувствует себя, как маленькая девочка, которую только что мягко и ласково поставили на место?

Второй раз за этот день Леса захотела разобраться в себе. Второй раз призвала себя себе же не врать и... нарушила этот принцип. А всё потому, что отвергнутый утром образ юноши из её девичьих видений сейчас обрёл лицо и да, это не было лицо Зига... А ещё, у него, в самом деле, были светлые волосы... Но она отвергла его снова!

Леса была вынуждена задержаться на лестнице ещё немного, потому что для одного дня это было уже слишком. Нет, в самом деле – двадцать без малого лет не любить никого, а тут за раз влюбиться в двоих? Чепуха, она будет считать это недоразумением!

Глава 41. Счастливая жизнь

Хотите жить долго и счастливо? Хотите выглядеть бодро и молодо, когда все ваши сверстники давно уже считаются стариками? Хотите, но не знаете, как? Проще простого – обзаведитесь внуками.

Кто-то скажет – у меня есть внуки, а я старею, как и все и даже быстрее, потому что волнения, заботы и тревоги уносят часть жизни и здоровья. Это ты, братец, (или сестрица), врёшь! Не обзавёлся ты внуками, а они появились сами, вопреки твоему глупому желанию, когда ты собирался засесть на завалинку и предаваться блаженному безделью, которое запрещено для живого человека.

Не умеешь ты радоваться детскому смеху, разбросанным повсюду игрушкам, очаровательному беспорядку в доме, прогулкам и играм с беспокойной малышней! Не понимаешь всей пользы ответственности за оставленных на тебя несмышлёнышей. Не чувствуешь удовлетворения от того, что приготовленная тобой каша, пусть с боем, но скормлена! Не знаешь счастья от осознания того, что первым словам эту поросль научил ты, а их первые полезные свойства и привычки это результат твоего примера. (Повторяю – примера! Не путать с менторскими наставлениями и нудными поучениями. Не путать!)

Есть манера у людей недалёких, чураться высокого и пре-

красного звания бабушки и дедушки. Якобы от этого они чувствуют себя старыми и т.д., и т.п. О, безумцы! Это ваше чудовищное заблуждение выдаёт нищету и убожество ваших душ. Можно называться бабушкой, а душой и телом быть моложе собственных детей, а можно усердно избегать этого слова, заставляя собственных внуков называть себя по имени и выглядеть при этом, (да и вести себя), как выжившая из ума старуха. Чаще всего именно такие кажутся старше своих лет. Их уродует, а не украшает косметика, их потуги удержать уходящую молодость выглядят жалкими, смешными и отвратительными.

Да что о них вообще разговаривать? Гораздо интереснее те, кто умеет принимать жизнь такой, какая она есть, и радоваться её дарам. А разве дети не самый лучший дар жизни?

.....

Внуков у Маранты было пять. Иногда он спрашивала себя – хочет ли она ещё? Понятно, что не ей это было решать, но всё же?

Вообще-то, она удивлялась, что их "всего лишь" пять – Ларни и Стефан до сих пор глядели друг на друга влюблёнными глазами, а в их спальне по ночам редко была тишина. Это радовало, потому что являлось залогом долгой и счастливой жизни супругов.

Они с Михалом старались не отставать, но годы брали своё, а о детях уже речь не шла. Увы, увy... Впрочем, жаловаться ей не на что – у неё трое замечательных детей, не

считая Стефана, который не был ей сыном по крови, но которого она растила с пяти лет. И все её дети успели доказать, что они люди не простые, под стать своим родителям, причём каждый отличился по своему.

Ларни и Стефан, чтобы найти, понять и сохранить свою любовь, прошли через Ад в буквальном смысле этого слова.

Руфус, в двенадцать лет, сбежавший из дома, ухитрился добраться до самого Торгового города, посетив по дороге Форт Альмери, разрушенную столицу Лоргина и Золас-град.

И везде, (кроме развалин столицы Лоргина, разумеется), посеял семена вероучения Инци, которые сейчас проросли и по слухам приняли разнообразные формы. Кроме того он пережил несколько непростых приключений, едва не погиб, был без вины осуждён вместе со своими друзьями, выжил на арене Большого цирка, где принял участие в битве с монстрами и усмирил двух мантикор, чего до него ещё не удавалось никому.

А попутно его поход привёл к установлению связей между Междустеньем, Фортом Альмери и Золас-градом, а через это и со всем обозримым миром.

Теперь Междустенье – связующее звено между цивилизованными местами и миром восточных варваров. Благодаря дружбе с кланом Рыжего Вана, которую завязали Ларни и Стефан, с дикими племенами Востока установилось что-то вроде дипломатических отношений.

Да, теперь Междустенье уже не то затерянное в лесах селе-

ние, о котором никто не знал во внешнем мире, и в котором о цивилизации за несколько поколений люди забыли совершенно. Теперь здесь полюбили встречаться вожди племён и посланцы городов. Теперь здесь бывает шумно и многолюдно. Часть местных жителей, в основном молодёжь, ушли искать счастье в Форт Альмери, а кое-кто отправился под мощную руку Рыжего Вана. Но им взамен пришло немало человек из клана самого Вана, и среди них двое его сыновей и четыре дочери. Многие охотники Междустенья, посетив Форт Альмери, вернулись с молодыми жёнами, а ещё нашлось в цивилизованных местах несколько семей, которые захотели поселиться в лесах, и теперь вокруг Междустенья возникло несколько самостоятельных хуторов, которые построили выходцы из союзных городов и даже из самого Торгового города.

Кругом идёт голова от мысли, что всё это наделали её дети! Поначалу Стефан и Ларни тоже хотели основать свой хутор, но во время переговоров с Рыжим Ваном, а потом и с другими вождями Востока, постоянно требовалось их присутствие, а потому они остались в родительском доме. Сначала было тесновато, ведь семья стала множиться, а потом освободилось несколько домов по соседству, так-как их хозяева пошли искать иной доли, и семейство Маранты с удовольствием расположилось внутри привычных стен, что было ничуть не хуже отдельного хутора.

Да, теперь жизнь иная, но это к лучшему. И повзрослев-

шие дети тоже иные. Это тоже к лучшему. Руфус нынче в Междустенье священник, которого знают и уважают во всех городах и среди диких племён тоже. Уважают не только те, кто исповедует веру и учение Инци, но и убеждённые язычники. А всё потому, что любые переговоры немыслимы без его участия. Так продолжается уже десять лет с тех пор, как Микаэль-Панкратий, их старый священник ушёл на покой, а два года назад отдал Богу душу.

Теперь Руфус по авторитету стоит на одном уровне с седыми вождями Междустенья, а ведь ему только исполнилось тридцать два года. Высокий, статный, красивый и, разве что, преувеличенно серьёзный – вот каков теперь Руфус. Из всех её детей, этот единственный кто был похож на неё, (о внуках разговор отдельный). Маранту беспокоило только то, что у её среднего сына до сих пор не было девушки.

Местные соколицы смотрели только на своих соколов, им не интересен был мудрый филин. Аппетитные курочки Форта Альмери и волоокские важенки из дома Рыжего Вана глядели на Руфуса снизу вверх. Их пугала его учёность ещё в те годы, когда ему было семнадцать – двадцать лет, а теперь и подавно. Девушки видели в нём не сверстника, кандидата в женихи, а кого-то равного своим родителям.

Маранта не знала, (и это был единственный случай, когда она что-то не знала о своём ребёнке), были у Руфа вообще связи с женщинами или нет? Сам он был очень скрытен в этом отношении, но глядя на жизнь, которой он живёт, (Ру-

фус давно уже жил отдельно, в домике их бывшего священника), приходила к неутешительному выводу – её сын обделён женским вниманием по жизни полностью. И это при том, что вокруг него никогда не было недостатка в девушках! Маранта даже заподозрила нет ли у него противоестественных наклонностей, но после тщательного наблюдения поняла, что нет.

Значит, Руфус был одинок лишь в силу своего характера и образа жизни. Страдал ли он от этого? Нарочитая серьёзность и скрытая тоска во взгляде... Да, страдал. И это было ужасно! Маранта понимала, что если чудо не случится прямо сейчас, то всё обернётся большой бедой в ближайшем будущем. Разговор с Михалом по этому поводу ничего не дал. Муж считал, что всё должно устроиться само, а если не устроится, то это толи позор на его седую голову, толи ещё что-то в этом роде.

Маранта тогда на него сильно разозлилась и спросила – неужели он намерен стоять в стороне, теща себя рассуждениями о "позоре на его седую голову", в то время как с его сыном происходит беда? Или он готов отвернуться от Руфуса, не обращать на него внимания в надежде, что всё само устроится, когда ничего устраиваться не желает, а между тем Руф попросту может погибнуть?

Михал тогда только прорычал что-то нелицеприятное, но толком так ничего и не ответил. Единственным результатом их разговора было то, что Михал стал поглядывать на сына с

подозрением. Маранта даже пожалела, что заговорила с ним на эту тему. Муж явно не понимал серьёзности проблемы и переоценивал роль слепого случая в очень деликатном вопросе.

В понимании Маранты если её ребёнок чего-то не умел, то его надо было этому научить, если нуждался в помощи или совете, то ему надо было помочь, а не рассуждать о "позоре на седую голову".

Вот за кого она совершенно не боялась, так это за Василя! Этот мальчик – последний дар Небес, который она получила в своё лоно во время их с Михалом скитаний в поисках непоседливой парочки – Ларни и Стефана. Он был красив, как молодой бог! (Языческий бог конечно, да простит её Инци!) Девушки за ним ходили толпами, и он общался с ними свободно и естественно, так что Маранта давно прикидывала, сколько у неё на самом деле внуков? Неудивительно если найдутся неведомые и нечаянные на стороне.

При этом Василь вовсе не был легкомыслен или недалёк. Не было, наверное, более прилежного ученика из новых у старого священника, а потом и у нового, то есть Руфуса. Ему всё давалось легко и без напряжения. А ещё, такого прирождённого фехтовальщика Маранта не видела уже давно! С ним в этом деле могла поспорить только Леса, но Василь в силу мужской природы был мощнее физически.

А вот здесь крылась загадка. Этих двоих в детстве, вообще, принимали за близнецов, а ведь они на самом деле были

дядя и племянница, даром, что родились почти одновременно. Когда эти одноклассники, бывшие неразлучными в детстве, стали постарше, то Василь стал походить на Михала, а Леса сразу и на неё – Маранту, и на свою мать – Ларни, но всё равно никто не верил, что это не брат с сестрой.

Леса была старшей в своём поколении, Василь младший в своём. Если Василь светился, как солнышко, то Леса сияла, как луна, но сияла ярко! В ней вообще было много непонятного. Во-первых, глаза, точнее их цвет. Поначалу они были голубыми, потом поменяли цвет на серый, а в один прекрасный момент выяснилось, что цвет у них может меняться в зависимости от настроения девочки. Впрочем, набор цветов, которым каким-то чудом располагала Леса, был ограничен – кроме голубого и серого её глазки могли становиться ярко или серо-зелёными.

Это свойство даже немного пугало. Особенно взволновался Стефан, когда узнал о такой способности дочери. Оказывается, нечто подобное он видел у девушки, по имени Сато с которой познакомился в Аду, когда они с Ларни оказались разлучены. Стефан не скрывал, что Сато – дочь самого Князя Тьмы, была его любовницей, что совершенно не смущало Ларни, имевшую там же свою феерическую любовную связь с девушкой – лепреконом по имени Кейни. (Вот уж удивили оба!)

Но, как говорится, что с того? Ведь между Ларни и Сато не было никакой связи, они виделись-то всего один раз, а

если бы даже и была, то ведь Сато не мужчина, как она могла что-то передать её ребёнку?

Во-вторых, Леса проявила необыкновенную тягу к оружию и воинскому искусству ещё с пелёнок. Даже раньше, чем Василь. Маранта приписывала это своей наследственности, ведь Ларни проявляла точно такие же способности, редко встречающиеся у девочек. Но одно дело способности, а другое – всепоглощающая страсть, приводившая в недоумение саму Маранту.

Сейчас Ларни по уши погрузилась в дела домашние, и человек посторонний ни за что бы не подумал, глядя на эту добропорядочную хозяйшку, что перед ним воительница, которой доводилось в не такие уж далёкие времена, рассекать своей катаной монстров, стрелять в демонов, командовать троллями и так далее. Её катана, впрочем, пылилась в шкафу недолго – Леса её присвоила настолько естественно, что никому в голову не пришло возражать против этого. Василь, между тем, так же ловко наложил лапу на скьявону Маранты.

Пусть! Она не жалела. Этот мальчишка был словно рождён с клинком в руке. В пятнадцать лет он принялся проделывать странные вещи – исчезал из дома, одетый лишь в короткие штаны и собственные волосы, которые упорно отказывался стричь. Из оружия при нём был только этот самый меч – вещь великолепная, но не очень подходящая для охоты и проживания в лесу.

Возвращался через пару дней, имея при себе шкуры и мясо добытых животных, а иногда даже головы монстров, выслушивал упрёки и наставления Михала о пользе на охоте ножа, топора и лука, кивал, соглашался, а потом делал всё по-своему.

К тому времени они с Лесой перестали быть неразлучными. Василя манила лесная чаща, Лесу разрушенный город, в который проложили путь её родители, и катакомбы под ним, соединённые с провалившимся проклятым дворцом. Она охотилась исключительно на монстров, но никогда не приносила домой их головы. Её трофеями были разные небольшие артефакты, найденные в руинах. И золото. Золота она натаскала домой уже целую кучу, что, в условиях бурно развивающейся торговли, было совсем не плохо!

А наверху в городе её интересовали, прежде всего, патроны. Тот магазин, где когда-то вооружились Ларни и Стефан, был вычищен до основания, но ей удалось обнаружить ещё несколько мест, где можно было разжиться боеприпасами, подходящими к пистолетам Лоргина с которыми она не расставалась.

Маранте не нравилось в увлечении этих двоих только одно – оба любили гулять поодиночке. Да, они были прирождёнными бойцами, но всё же...

Однако были ведь и другие внуки. После Лесы Стефан и Ларни произвели подряд троих мальчишек. Одному сейчас было пятнадцать, другому одиннадцать, а третьему семь. А

звали их – Михал, Микаэль и Ван. (Младшего так называли в честь крёстного, им был Рыжий Ван, конечно же!)

Все трое были вылитые папа и дедушка, и обещали стать хорошими охотниками. Ну, и отлично! Не всем же быть воинами. В конце концов, охотники тоже умеют хорошо воевать, когда придётся.

И вот теперь у Маранты на коленях лежал пятый из её внуков. А точнее это был не внук, а внучка. Поначалу сердце её буквально подпрыгнуло, когда она увидела знакомые ярко-синие глаза – наследство дедушки по материнской линии, легендарного и незабываемого атамана Золаса. Маранте даже показалось, что она снова держит на коленях маленькую Ларни, но...

Голову младенца украшали тоненькие и реденькие ещё, но не чёрные, а каштановые волосики, а черты лица... Впрочем, что говорить о том, на кого похож новорожденный ребёнок? Однако когда они остались с Ларни и этой малюткой втроём, дочь осторожно поднесла спящего ребёнка к свету и тихо сказала:

– Мама, это ведь ты!

Маранте и самой так показалось, но она не могла признаться себе в этом. Что ж, до сих пор её дети были похожи на неё лишь отчасти, (Руфус был основательно похож, но не по духу, и ведь он был мальчик!), теперь же внучка обещала перенять её черты, и Маранта была совсем не против, но у неё прибавилось раздумий о судьбе своей маленькой копии.

Когда придумывали имя для этой девочки, Михал снова предложил назвать её Марой, но Маранта опять воспротивилась. С большим опозданием до них дошли известия о том, что чемпионы арены Марантания и Веренгай, а для них Мара и Верентий погибли во время схватки с мантикорой.

Больше всего это известие потрясло, конечно же, Руфуса для которого эти двое были не просто друзьями, а людьми уже родными и горячо любимыми. Он очень горевал и долго не находил себе места, даже хотел ехать в Торговый город выяснять с кем-то отношения.

Этого не случилось – не пустили дела. Постепенно Руфус успокоился, но Маранта не хотела, чтобы крохотная племянница напоминала ему о его горе.

И тогда малышку назвали Зоей. Так звали маму Михала, имя своей матери Маранта, увы, не помнила. Ну что ж, Зоя, так Зоя. Хорошее имя, к тому же созвучное с именем её бабушки – Золаса, который, увы, о ней никогда не узнает.

Сейчас Маранта сожалела об одном – когда это дитя вырастет, она будет уже совсем старенькая. Сможет ли она тогда обучить малютку Зою фехтованию? А впрочем, о чём это она? Может быть, эта девочка совсем не захочет обучаться воинскому искусству, не говоря уже о том, чтобы стать воительницей? Почему бы ей не прожить жизнь обыкновенной женщины? Кто знает!

Глава 42. А вдруг она всё-таки...

Ай да Мех! Вот это убежище! Здесь точно не страшны никакие монстры. А его старое логово, которое так надолго занял Зиг, действительно недоступно. Золас туда сунулся и там его едва не съели. Вот было бы глупо, но, слава Богу, пронесло.

А здесь он, как у Инци за пазухой! И еда есть, и медикаменты, а механические двойники хозяина ещё и сведущи в медицине – рану его промыли, вычистили и обработали должным образом. После этого его разложили на столе, словно собирались нашпиговать для запекания и принялись нажимать туда – сюда ловкими стальными пальцами.

Некоторые нажимы были весьма болезненны, и он хотел было воспротивиться, но одноглазый брат Меха молниеносно ткнул ему куда-то в область затылка и Золас остался неподвижен в течение всей процедуры. Он даже уснул под руками своих целителей, когда они вдвоём прикоснулись одновременно к его вискам, и мозг словно пронзила ослепительная, хоть и невидимая глазом, молния.

Золас проснулся другим человеком! Он был прямым, а не согнутым, суставы гнулись легко, без скрипа и боли, голова работала чётко и ясно, глаза словно промыли, как окна после зимы. Теперь осталось только подождать, пока царапина на боку заживёт, и можно будет идти искать Рарока. Интересно,

куда этот сэр Мальтор его заведёт?

Ну, ничего, он их найдёт обязательно, он в этом уверен. Рарок – гладиатор, а не охотник, не следопыт и не скаут. Про сэра Мальтора он в этом отношении не знал ничего, но не рыцарское это дело – красться и заметать следы. А вот он – Золас, и следопыт, и охотник, и скаут. И ещё много кто другой, о чём сейчас не к месту говорить. Короче, он их найдёт. Следов они наверняка оставили кучу. Обычный человек их, может быть, и не увидит, а вот он...

Одно плохо – он надеялся разжиться в логове патронами, но теперь об этом придётся забыть. А жаль. У него на два револьвера восемь патронов при положенных двенадцати. И в оленебое всего два заряда. Это не такой уж пустяк, если расходовать с умом, но всё же этого маловато. Не привык он экономить! Может у Механикуса чего найдётся?

И тогда отдохнувший, и наскоро залатанный Золас повёл себя, как самый скверный гость – начал рыться в вещах хозяина. Впрочем, зная широкую натуру Механикуса, он был уверен, что тот не обидится. В конце концов, он же сам разрешил ему пользоваться своим убежищем.

Какие вещи были бы у вас самыми любимыми, будь вы сделаны из металла? Правильно – инструменты. Их здесь было величайшее множество, и они включали в себя весь спектр сложности – от молотка до хитроумных машин, приводимых в движение электричеством.

Но как бы ни была разнообразна и многочисленна эта кол-

лекция, для Золаса она была бесполезна. Он лишь со вздохом вспомнил, как в далёкой – далёкой юности вот этот самый механический человек преподавал ему несколько уроков по вскрытию замков и даже изготовил для него первый набор отмычек. Золас сказал ему тогда, что собирается стать спасателем и это ему нужно для освобождения людей сидящих под замком. Мех так невероятно наивен, несмотря на весь свой могучий ум! Кто ж знал, что навык медвежатника, который Золас применял по прямому назначению, действительно пригодится ему для спасения человеческих жизней?

Нет здесь ни оружия, ни патронов. Впрочем, он, наверное, не там ищет. Конечно, ничего подобного среди инструментов быть не может. А вот в ящиках со всякой всячиной может найтись, что угодно. И он пошёл шарить в ящиках со всякой всячиной. Следы недавно встреченных спутников стального охотника нашлись сразу.

Та-ак, посмотрим! Открыв шкаф рядом с ложем, на котором вероятно спал Зиг, (вокруг разбросано немало упаковок от концентраторов, кровать – сплошное кубло, верхний ящик тумбочки выломан, заедал наверно), Золас обнаружил винтовку, о которой тот рассказывал. Знатная вещь, только пустая, потому малыш её и оставил.

Хорошо, теперь глянем, что здесь оставила девочка. Её ложе тоже легко узнать – кровать тщательно заправлена, хоть она врядли надеялась сюда когда-либо вернуться, кругом всё прибрано и подметено, пыль вытерта, на старом ко-

моды в мензурке напоминающей вазочку – букетик цветов из цветной проволоки.

А вот когда он выдвинул первый же ящик комода в изголовье спального места Лесы, Золас сел на её кровать, открыв рот, и долго не мог прийти в себя от изумления. Перед ним на аккуратно сложенном куске ткани лежали... пистолеты Лоргина.

Он хорошо знал эту пару. Король очень любил их и гордился такой красотой, но когда надо было воевать, брал с собой револьверы – оружие более мощное и надёжное. Вот эти самые, которые сейчас оттягивают пояс Золаса.

Ну и откуда у этой девчонки такое сокровище? Не иначе, как стырила где-нибудь или получила от милого в подарок. Эти пистолеты, наверное, прошли через добрый десяток рук, прежде чем попасть к Лесе. Хотя нет, они выглядят не такими потрёпанными, как это было бы в таком случае. Ну, может они лежали где-нибудь... А сам-то он их, когда в последний раз видел?

Золас нахмурился, напрягая память. В последний раз он видел их в покоях Лоргина, когда старый король готовился покинуть этот мир. Ну, да! Ведь он тогда отдал эти пистолеты Маранте, а когда та стала отнекиваться, сказал – "Внучке подаришь!"

Какая ирония! По возрасту Леса, как раз могла бы... И тут он вспомнил, где видел эти глаза. Да нет же, не может такого быть! Он же видел, как Маранта погибла, хотя...

Он ведь не видел её мёртвой, видел только, как ей под лопатку вонзилась чёрная гвардейская стрела. Эти стрелы он знал превосходно. Их наконечники имели специальные бороздки, в которых оставались полоски яда, опасного, даже если он был нанесён давно, и стрелы долго оставались в туле. Яд мог быть разным, но, как правило, Гвардия пользовалась таким, который укладывал противника на месте, ведь речь шла о безопасности короля. Так что шансов выжить у Маранты практически не было. Правда, проверить это он не мог, так-как сам "погиб" через полминуты после этого, провалившись в трещину в полу, когда дворец стал разваливаться.

Тогда у него не было сомнений в гибели воительницы. Стрелу, попавшую в неё, послала Диана – первая в Гвардии лучница, которая никогда не промахивалась. Конечно, есть возможность, что стрела эта, вообще, не была отравлена, но сам выстрел, конечно же, был смертелен. Правда Золас не мог сказать наверняка, ударила ли стрела Маранту под лопатку или попала выше.

Кстати, а что она тогда делала такого, что так опасно подставила спину под выстрел? А, ну да – утешала Зига, у которого до этого монстр порвал подружку. Бедная Галанта! Золас за всю свою жизнь не встречал женщины более распутной, чем эта бывшая обер-полицмейстерша. В хорошем смысле слова распутной, он ведь её не осуждал! Он когда-то сам был её любовником и знал о необыкновенных способно-

стях этой гетеры в плотских утехах.

Между прочим, она к тому же была добра, отзывчива и хорошо готовила. Но главным талантом у неё была способность вовлекать в восхитительный разврат всех окружающих, даже тех, кто не был склонен к шикарным оргиям и буйным вакханалиям. Конечно, потерять такую кралю для парня было страшным ударом, ведь он её, кажется, любил или Золас ничего не понимает в людях. Зиг тогда был просто убит горем, его попросту ноги не держали. Маранта опустилась на колени, чтобы обнять его и утешить, вот тут-то и ударила стрела...

Вот что надо было сделать – расспросить Зига о том случае во время их недавней встречи в лесу. Они тогда разговаривали до утра, и много что вспомнили, но именно этот эпизод из прошлой совместной жизни оба обошли молчанием. Для обоих, старая боль превратилась во что-то вроде зарубцевавшихся шрамов, которые иногда побаливают к непогоде. Но если разбередить такой шрам, он может разболеться не на шутку, поэтому его лучше не трогать.

А ведь именно Зиг, в объятия которого тогда упала Маранта, мог рассказать, что именно было дальше. Хотя бы где её похоронили... Или куда она делась, если выжила.

Да что это он? Такого быть не может, чтобы она выжила! Он ведь тогда ещё потому не вернулся тогда к своей банде, что боль от потери жгла, как расплавленный свинец, залитый в лёгкие...

Любил ли он её? На этот вопрос Золас, имевший бессчётное количество любовниц, ответить не мог. Она восхищала его, она его потрясала. Их тянуло друг к другу, словно магнитом. Никогда, ни до, ни после Золасу не было так хорошо и интересно ни с одной женщиной! Была ли это любовь? Возможно. Если бы им суждено было оставаться вместе ещё сколь-нибудь долгое время, то можно было бы сказать точнее – любят они друг друга или нет, но этого не случилось.

А эта девочка – Леса... Нда, пожалуй, могла бы быть ей внучкой. А ведь действительно похожа! Только волосы темнее и пострижены коротко. Но глаза – точь-в-точь, как у Маранты, только цвет... Цвет глаз Лесы он как следует, не разглядел. Толи голубые, толи зелёные, а может серые, а лишний цвет им прибавлял костёр? Даже показалось, что глаза её изменились и потемнели, когда она вспылила во время их разговора.

Образ Маранты ему помогал не забыть её настольный портрет, найденный им в сумке Лоргина среди драгоценностей. (Вот ещё за чем он должен вернуться в Торговый город. Торопясь на помощь своему подопечному, он не взял с собой ни эту миниатюру, ни брюлики.)

Но если Леса – внучка Маранты, (конечно это невозможно, но предположим!), то кто тогда её бабушка? Он что ли? Золас улыбнулся при этой мысли. Вот это был бы сюрприз! Впрочем, Маранта могла быть уже беременна, когда они встретились, и сама не знала об этом или знала, но не сказа-

ла ему, какая разница? Она была женщина свободная, с горячим, настоящим темпераментом, жадная до плотских утех и очень сильная.

Золас не был одним из тех дураков, которые считают, что имеют исключительные права на женщину на основании того, что она допустила их к своему телу. Ха! Бывают ведь и такие идиоты, которые ухитряются ревновать подругу к прошлому.

Золас никогда не задавал женщине вопрос, когда и с кем она была до него, и сколько у неё вообще было любовников. А между тем он-то, как раз был очень любопытен в этом отношении. Но спрашивать об этом он считал признаком дурного тона и неуважения к женщине, имеющей такое же право на тайну, любовь, ошибку и жизненную пробу, как и мужчина. Сама расскажет, если захочет.

И они рассказывали, узнав его поближе. Многие даже находили особое удовольствие в том, что выкладывали ему сокровенные тайны долгое время отягощавшие душу, а он с интересом слушал истории об их увлечениях, приключениях, похождениях и даже глупостях. (Почему бы нет, ведь все мы время от времени делаем глупости?)

Некоторые доверялись ему настолько, что делились планами на будущее. Не связанное с ним будущее, так-как он никому ничего и никогда не обещал, и женщины это понимали, но частенько рассказывали о желании выйти замуж за кого-то конкретного, завести семью, родить детей. Он пони-

мал, не ревновал, не препятствовал и, когда приходило время, расставался мягко и любезно, стараясь не навредить и не обидеть.

Маранта с ним планами на будущее не делилась – они тогда жили сегодняшним днём, и это было не так уж плохо. А вот о себе она рассказывала без стеснения, даже немного с вызовом, а когда поняла, что смутить его не получится, то с удовольствием и охотой. Рассказала даже об их любовном приключении с Лоргиным. Ай да старик! Уговорить такую девушку в его-то возрасте!

(Кстати король никогда не пользовался своим положением для связей с женщинами, а действовал только силой своего мужского обаяния. Все мерзости, которые творились в конце его правления при дворе были делом рук банды негодаев, действовавших от имени короля. Сам Лоргин тогда не только не мог общаться с женщинами, но даже не в силах был вставать самостоятельно с кресла.)

По словам Маранты связи с мужчинами у неё не было месяца четыре до их с Золасом встречи. Неудивительно, что она так накинулась на него прямо в тюремной камере, где он сидел. Но может быть, она о чём-то забыла или не захотела упомянуть? В такой скрытности не было смысла, но, в конце концов, её дело – говорить ему что-либо или нет. Он бы за такое на неё не обиделся в любом случае. Но если всё было так, как она тогда рассказывала, то будь Маранта жива, а Леса на самом деле приходилась её внучкой, то дедушкой

ей мог быть только он – Золас. Хотя нет...

Он совсем забыл, что после их потрясающего приключения в подземном узилище дворца Лоргина, Маранту схватили и приговорили к казни, а когда она связанная особой смиренной рубашкой под названием "королевская мантия", лежала в камере, дожидаясь исполнения приговора, её беспомощным положением воспользовался палач.

И это стоило ему жизни – воительница подождала, когда развязанные для грязного насилия ноги восстановят кровообращение, после чего зубами вырвала у подонка клочок мяса из горла, а когда тот отскочил, ударом ноги в челюсть сломала ему шейные позвонки от чего тот и сдох, растянувшись во весь рост и вытаращив удивлённые буркалы в потолок. Она победила, но насилие было совершено, и с этим ничего уже нельзя было поделать. Маранта пережила этот факт со стойкостью достойной воина, а в глазах Золаса эта история не только не понизила его мнение об этой женщине ни на волос, а наоборот возвысила её, выделив из ряда прочих женщин с которыми он когда-либо имел дело.

Однако этот случай мог иметь определённые последствия – какая бы исключительная женщина Маранта не была, она продолжала оставаться существом способным производить на свет детей, а поэтому у того гада тоже был шанс стать дедом юной Лесы. Впрочем, он был рыжий здоровенный хряк, а у Лесы вроде как ни единого рыжего волоса...

Нет, ну о чём он, в самом деле, думает? Всё это досужие

домыслы, порождённые его вынужденным бездельем. Маранта погибла, получив в спину стрелу, выпущенную лучшей лучницей Гвардии, которая никогда не забыла бы смазать наконечник ядом. Но если б всё было не так... Эх, это было бы занятно и... здорово! Как бы это было здорово!

Глава 43. Аллергия на призраков

Как может себя чувствовать человек, у которого сгорела львиная доля самоуважения? Плохо он может себя чувствовать.

Оставшуюся половину дня и весь вечер Леса дулась на себя и весь мир. Как такое, вообще, с ней могло быть? Может она ненароком съела что-то скверное? Какой-нибудь особенный гриб, который выявил её потаённые плотские желания? Нет, грибов они не ели, а последним грибом, который она видела, был тот – монстровый. Да не причём он здесь!

Ведь всё началось до того, как они увидели этот злополучный "гриб". У фонтана началось. Тогда она, наверное, вдохнула пыльцу какого-нибудь цветка или с ней приключилось ещё что-то в этом духе, но вышло так, что крышу ей снесло полностью. Это же надо такому померещиться, что она втюрилась в двух мужиков за один день! Позор-то, какой! Хорошо, что никто ничего не заметил. Вот только куда деться от самой себя?

Теперь она их почти ненавидела. И того волосатого одного вонючку, и этого бледного желтоволосого бугая с выпяченными мускулами, напоминающими вязаную колбасу. Правда умом она понимала, что ни тот, ни другой ничего плохого ей не сделали. (Ну, разве что Зиг хотел её немного убить, вдохнув споры гриба-монстра, а Рарок бросился на

защиту, не зная даже, кто она и не понимая, что происходит.) И всё равно ей хотелось вцепиться им обоим в волосы и как следует оттащить, как это случалось между ней и младшими братьями, когда они делали ей какую-нибудь мелкую пакость.

Вот, чтобы этого не случилось, Леса молчала, как в рот воды набрала и старалась держаться от обоих подальше.

К Цирку они решили пойти следующим утром. Просто все поняли, что им нужен нормальный отдых под крышей, а не под открытым небом на лавочке. Все, в смысле трое людей из плоти, потому что ни Механикус, ни сэр Мальтор в отдыхе не нуждались.

Зато эти двое нуждались в духовной пище, потому что их беседа уже несколько часов не прекращалась ни на секунду. Впрочем, они никому не мешали, так-как говорили вполголоса или точнее еле слышно урчали что-то между собой, так-как слух у обоих намного превосходил обычный, даже самый тонкий человеческий. Этот их равномерный говор, напоминающий журчание воды, действовал на Лесу успокаивающе.

Раздражало другое – мужики тоже нашли себе тему для разговора, и теперь активно налегали на вино и колбасы, найденные в подвале дома. Про Лесу все благополучно забыли, и это её в какой-то мере устраивало, так-как не надо было беспокоиться о том, что она выдаст своё беспокойство словом, тоном или жестом. Но это и бесило!

Леса исподтишка наблюдала за ними из своего угла, где

она устроилась с кубком чего-то красно-сладко-терпкого и довольно хмельного. Она не вслушивалась в их разговор, просто не хотела. Ей больше интересно было просто смотреть на этих двух мощных самцов, которые похоже нашли общий язык, несмотря на приличную разницу в возрасте.

Да ведь они, вообще, были похожи друг на друга. Оба крупные, косая сажень в плечах, но не перегруженные мышцами, а гибкие, как бойцовые коты. Оба гривастые, вот только один светлый, а другой тёмный с сильной проседью. Так могут быть похожи отец и сын, дядя и племянник или двоюродные братья. Неудивительно, что они ей понравились оба... Ну, вот опять!

Леса чуть не выронила свой кубок и отвернулась, чтобы не смотреть на этих двоих. Она будет смотреть в окно, и думать не о них, а о себе. Какая же она дура, да ещё и шлюха к тому же! А что, нет? Ну и что, что сохранила девственность? Душой-то ведь пожелала и телом, причём двух, одного за другим. А, между прочим, согласно учению Инци, между таким желанием и действием невелика разница. Что мыслями, что телом нагрешить, всё один и тот же грех. Так что попалась, голубушка, влипла.

Нда, она бы ещё их обоих сразу пожелала... А, что? Они глядишь, согласились бы. И тогда её тело ласкали бы не две, а четыре любимые руки, а две пары губ целовали бы её и целовали по всему телу, даже там... ну, в общем, везде, а потом... Нет, это невыносимо!

На сей раз она сама едва не швырнула кубок в окно, но ей удалось справиться с собой, и тогда она залпом выпила содержимое кубка, не почувствовав ни вкуса, ни хмеля и поставила его на подоконник. Надо было полностью очистить мозг от мыслей, а не то она либо сойдёт с ума, либо отмочит что-нибудь непотребное.

И как ей теперь быть? Как исповедаться дяде Руфусу, который всего на двенадцать лет её старше, и души в ней не чает, считая образцом добродетели? Нет, всё – не думать!

Леса встала, опёрлась руками о подоконник и прижалась лбом к холодному стеклу. Стало немного легче. К тому же так было лучше видно улицу, освещённую слабыми огоньками "Удильщиков", в окнах захваченных ими домов. Улица была пустынна... Или нет?

Леса моргнула раз, другой, прогоняя чувство невидимой паутины на ресницах. По улице двигались какие-то тени. Девушка различала людей и животных, в основном выючных, но были здесь также собаки, кошки и коровы. Все они двигались, куда-то шли, "люди" исчезали в дверях домов, появлялись снова, останавливались друг перед другом, беззвучно беседуя. И все они были бесцветными, точнее слегка забелёнными, как вода, в которую вылили пару кружек молока на ведро. Сквозь них было видно более тёмные предметы, но полностью прозрачными их назвать было нельзя – Леса видела детали одежды и выражения лиц, потёртости на собачьих локтях и кошачьи усы.

– Эй! – негромко позвала она, не оборачиваясь, но делая остальным знак рукой. – Посмотрите!

Рарок и Зиг тут же очутились у неё за спиной. За ними, тихо лязгнув друг о друга, подошли Механикус и сэр Мальтор.

– Что это? – спросил Зиг, напрягшийся, как волк, почуявший охотников.

– Призраки, – ответил сэр Мальтор. – Нечто подобное можно видеть в городах взятых штурмом или разбомбленных. Только вот обычно они стенают и мечутся, ищут свои тела или части тел, а эти... Эти, похоже, не понимают, что умерли.

– Поверить не могу! – тихо проговорил Механикус. – Если бы мои глаза не показывали мне то, что я думаю, видите и вы, я решил бы, что улица пуста. Анализаторы говорят именно об этом.

– Но ведь именно так вы воспринимаете меня, мой механический друг, – возразил сэр Мальтор. – Для вас я – пустой доспех, но вы слышите меня, и если бы я захотел вы бы смогли меня внутри доспеха увидеть.

– Вы правы, уважаемый коллега, вы правы! Но мне кажется, я всё же начинаю что-то чувствовать. Некое присутствие внутри вашего доспеха.

– Скорее всего, это иллюзия или подкладку снова ест моль.

Леса вдруг поняла, что из них из всех только Рарок не

сказал ни слова. Она обернулась – гладиатор был бледен, как мел, волосы его стояли дыбом, а глаза норовили закатиться, как у человека собирающегося упасть в обморок.

Великий Инци! Этот здоровяк боялся, а точнее не переносил призраков. Как же они тогда с сэром Мальтором-то ладят? (Она уже знала, кто есть кто в их компании. Рыцарь рассказал обо всём, так-как не хотел начинать их знакомство с недомолвок и тайн, а потому выложил всё, как есть начистоту. Она и Зиг спокойно отнеслись к его признанию, Механикус почему-то пришёл в восторг.)

Леса взяла Рарока за руку. Мышцы гладиатора были сведены судорогой, он тяжело дышал. Неужели вид этих теней настолько на него подействовал? Девушка давно научилась не смеяться над подобными вещами. Она вот, например, могла бы умереть, если бы ей за шиворот упал таракан, а мышей кормила с рук. А вот у Вана – младшего из её братьев всё было наоборот: он обожал насекомых, а от одного вида мышей мог упасть в обморок. Бабушка говорила, что это пройдёт, но строго-настрого запретила смеяться над мальчиком, стыдить его или пытаться "исправить" эту его слабость, рассовывая ему мышей по карманам и подкладывая под подушку. (Леса таки получала тараканов в самых неожиданных местах, за что в былые годы таскала за волосы младших.)

Если человек чего-то так боится или чем-то до нервного срыва брезгует, значит, на это у него есть причины, и чтобы побороть эти страхи надо устранить именно их, а не усугуб-

лять положение, навязывая человеку то, что он не выносит.

Девушка потянула парня за собой. Он вздрогнул, но подчинился. Тогда Леса отвела его обратно и усадила за стол, а сама устроилась рядом. Потеряв окно из вида, Рарок, похоже, начал выходить из ступора. Он помотал головой, посмотрел вокруг более осмысленно, и вдруг сообразив, что к чему, покраснел, как рак.

– Я... – начал он, но Леса прикрыла ему рот ладонью.

– Не надо, – сказала она спокойно. – Ничего сейчас не объясняй. Потом расскажешь, если захочешь.

– Она налила ему полную кружку из кувшина, который облюбовала для себя и придвинулась поближе, по-прежнему, держа парня за руку.

– Эй, а чой-то?... – проговорил обернувшийся в этот момент Зиг, и показал на них пальцем.

Но Леса так зыркнула на него, что он осёкся, заметно скис и снова повернулся к окну.

– Да они там, похоже, уборку делают! – сказал он через пару секунд.

Леса не отпустила руку своего пациента, а только чуть привстала, чтобы глянуть поверх подоконника. С её места была видна только дальняя часть улицы, но она всё же разглядела несколько призраков с мётлами, которые мели мостовую. С улицы доносился характерный звук вжиканья прутьев по камню. Рарок опять вздрогнул, но справился с собой и сделал большой глоток из своей кружки.

– Ну, вот мы и выяснили причину странной чистоты в городе, – бодро проговорил Механикус. – Осталось выяснить два вопроса: почему они не сделали уборку в церкви и домах, и какова причина всей этой дьявольщины?

– На первый вопрос я могу вам ответить, – сказал сэр Мальтор. – Они не могут зайти в храм, ибо нечисты и путь им туда заказан. В домах же им убираться нет резона, ведь целью того кто всем этим заправляет, является создание иллюзии порядка и безопасности в городе. На второй вопрос я ищу ответ уже несколько веков, но, увы, не приблизился к разрешению его сколько-нибудь существенно.

– Создавать иллюзию благополучия и порядка в мёртвом городе, – проворчал чем-то расстроенный Зиг, – можно только с одной целью: сделать из него ловушку для каких-нибудь бедолаг вроде нас.

– И заманить сюда собираются большое количество народа, город-то большой! – подхватил Механикус. – Но что это за люди, которых здесь ждут?

– Может быть, какая-то армия? – предположил сэр Мальтор.

– Самая большая армия была, как раз у Торгового города, – задумчиво проговорил Зиг, не глядя больше в сторону, где сидели Рарок и Леса. – Но с ней что-то явно не в порядке, иначе она давно уже была бы здесь.

– Ты знаешь, где её постоянная дислокация? – спросила Леса со своего места.

Зиг вздрогнул так, будто кто-то у него над ухом хлопнул в ладоши.

– Знаю, где она была раньше, – ответил он, странно зыркнув глазами в сторону девушки. – Конечно, с тех пор многое могло поменяться, но скорее всего они на том же месте, где были двадцать лет назад – на северо-западной базе, в сутках езды от города.

– В сутках езды? – удивилась девушка.

– Да. Логичнее было бы расположить её между городом и его потенциальными противниками – Золас-градом и Форт-ом Альмери, но это значит поставить вояк прямо на торговых путях, а это никак не устраивало Совет торговых гильдий. Ясно, что военные рано или поздно догадаются, что могут собирать с купцов дань сами. Или просто грабить караваны под видом разбойников, а потом обвинять во всём местных крестьян. Вот их и загнали в долину между скал, которая защищена не хуже любой крепости, а то и получше. Скалы неприступны, вход в долину узкий. Им пришлось построить всего одну стену с воротами. Зато сделали они её чудовищной толщины и высоты. Сверху поставили древние пушки и пулемёты, способные в считанные секунды уничтожить всё живое в коридоре между скал, ведущем к этим воротам. Тьфу, вспоминать противно!

– Почему?

– Да потому, что это ловушка для самих солдат. Взять *такое* штурмом практически невозможно, но если найти спо-

соб заблокировать проход, то они там сдохнут в своём каменном котле. Друг друга жрать будут. Я бы ни за что не засунул солдат в такую дыру, но она, видите ли, сильно полюбилась главам торговых гильдий – очень уж кошель напоминает!

– А как бы вы поступили на их месте, сэр Зигель? – поинтересовался рыцарь.

– Я бы поставил лагерь в чистом поле, – ответил Зиг. – Достаточно обычных лёгких укреплений, чтобы затормозить внезапную атаку противника и дать солдатам время построиться в боевом порядке. Армию защищают не стены, а воинская выучка, дисциплина и светлые головы командиров. А то, что расположена она на удалении от города, правильно, а то солдат из кабаков да борделей не вытащишь.

– Как же они там без женской ласки? – хихикнула Леса, отпустив, наконец, руку гладиатора, к которому вернулся нормальный цвет лица.

– Там на месте всё есть, – ответил Зиг. – И трактиры и дома с девочками. Для офицеров вроде как поприличнее, а для солдат попроще, но никто не жаловался.

– Надо проверить это место, – вдруг сказал Рарок, вставая. – Спасибо, Леса, ты спасла меня сегодня, как если бы встала между мной и врагом, против которого я бессилен. Теперь здесь все знают про мою "ахиллесову пятую", а это значит, что мне остаётся только довериться вам. Так вот – был у меня друг... Ну, не друг, а скажем так – собрат по арене, ведь друзей у гладиаторов не бывает. Он разорвал контракт

с Цирком и ушёл в армию на должность учителя фехтования после того, как я его крепко порезал во время поединка. Такое случается часто, но никто у нас при этом ни на кого зла не таит. В общем, он потом приехал через полгода по каким-то делам и заглянул ко мне. Долго руку жал и благодарил за то, что я изменил его судьбу. И то верно – здесь его могли убить, хоть он и был один из лучших, а там он рисковал не более чем любой обыватель на городской улице в мирное время. Зато платили хорошо, а что касается всего остального, то, да, там есть солдатские трактиры, а есть офицерские и борделей это тоже касается.

– Парень, – перебил его Зиг, – это всё конечно интересно, но к чему ты всё это нам рассказываешь?

– Прошу прощения, что испытываю ваше терпение, – церемонно извинился Рарок. – А рассказываю я всё это вот к чему – тогда мы с этим моим противником... ну, то есть с этим моим приятелем, здорово напились. Он всё звал меня туда же, благо там была вакансия учителя фехтования для офицеров. Но я ответил, что не люблю чувствовать себя запертым, ведь надо соблюдать военный режим, пропускную систему и всякое такое. На это он рассмеялся и сказал, что тут нет никакой проблемы, что нет таких стен, в которых не было бы трещин и дыр, какими бы крепкими они ни казались. Вояки тоже люди, им тоже время от времени надо "оторваться". В общем, есть там некий проход, по которому можно попасть в соседнюю деревню, где и пиво посвежее, и ба-

бёнки поядрёнее... Ой, прости, Леса!

Девушка покраснела до корней волос, но только махнула рукой и рассмеялась.

– Так ты можешь нас туда провести? – уже более заинтересованно спросил Зиг.

– Если он тогда не соврал, то можно попробовать найти начало этого прохода неподалёку от деревни.

– А он мог соврать?

– Не думаю. Преувеличить – да, а вот придумать такое спьяну – нет. Очень уж он меня просил, протрезвев на следующее утро никому ничего об этом проходе не рассказывать.

– В этом есть резон, – согласился сэр Мальтор. – С этим городом всё ясно. Правда мы так и не выяснили, что за толпу народа здесь ждут, но врядли кто-то из монстров нам расскажет об этом.

– Вы правы, коллега! – с энтузиазмом поддержал его Механикус. – Возможно, там мы найдём ответ на этот вопрос и на многие другие. Ведь одно дело уничтожить город, а совсем другое – укреплённую военную базу.

– Только давайте всё-таки зайдём сначала в Цирк, – вновь заговорил Рарок. – Мне очень нужно узнать, что там случилось с Лозасом, и прихватить кое-что с собой не помешает.

Глава 44. Лихие вести

Его нельзя было назвать посланцем, это был скорее беженец, один из немногих, а может быть единственный из всего огромного города.

Когда в Междустенье прибежал дозорный с круглыми глазами, вылезшими на лоб, Маранта подумала было, что происходит нападение монстров, которых близ поселения давно уже не было видно или варвары с Востока нарушили-таки перемирие и добрались до их лесов.

Оказалось, что это всего-навсего делегации от двух союзных городов – Золас-града и Форта Альмери. Но, какие делегации! В таком составе и с такими сопровождающими эти господа бывали здесь только раз – когда восточные конники собрались большой армией под предводительством какого-то Великого хана и грозили нанести сокрушительный удар по цивилизованному миру.

Тогда всё обошлось демонстрацией силы близ Форта Альмери в, которой приняли участие все, но до драки не дошло. Великий хан передумал нападать, увидев перед собой шеренгу ревущих моторами машин при поддержке охотников выступивших из леса и конницы, которая маневрировала на соседнем поле, демонстративно перестраиваясь и показывая превосходную выучку под командованием не сдающегося старости Зигмунда.

Это было лет семь назад. С тех пор слухи о Великом хане время от времени доходили до Междустенья и других мест, но угрозы не было – все действия варварского владыки были направлены в другую сторону, на завоевание и подчинение восточных племён. Маранта предупреждала союзников, что стоит держать ушки на макушке и отслеживать передвижения на востоке, однако пока было всё тихо.

От Форта Альмери прибыла неразлучная парочка – леди Диана и сэр Галль. Казалось время обошло их. Диана выглядела такой же гибкой и упругой, как пружина, какой её помнили с юных лет. Разве что едва заметная сеточка морщин появилась возле глаз. Галль ещё больше раздался в плечах, но ничуть не отяжелел, а казался могучим ясенем, стройным и крепким.

Они привели с собой три десятка здоровенных мужиков с пудовыми кулаками, к тому же вооружённых до зубов всем, что можно было раздобыть в экспедициях к забытым военным базам прошлого. Среди этого воинства немного странно смотрелись два пятнадцатилетних юнца, как две капли воды похожих друг на друга.

Маранта сразу поняла кто это такие – отцовская статья и пронзительные глаза матери с лёгкой безуминкой. Значит, пантера решила вывести из логова подросших котят! Немного поздновато, но бойцовая парочка всё же обзавелась потомством – близнецами обещавшими стать хорошими воинами. И вооружены они, конечно же, не пистолетами и ави-

томатами, как все, а луками и мечами. Можно представить, как их Диана гоняет!

Они поприветствовали друг друга по-воински – сдержанно, но без тени неприязни. Маранте было, за что ненавидеть Диану, но было и за что благодарить. Она помнила и то, и другое, но теперь старые обиды отодвинуты в дальний угол памяти, как вещь, от которой невозможно избавиться, но и пользоваться ей нельзя. Теперь они обе ценили дружбу и деловое партнёрство, от которого выигрывали и Форт Альмери, и Междустенье.

– Как там Альмери, как Порфирий? – спросила Маранта, когда с приветствиями было покончено.

– Альмери держится неплохо, – ответила Диана. – Нянит внуков и правнуков, чувствует себя счастливой. Прячет от меня мальчишек, а они всё равно сбегают, чтобы учиться быть мужчинами. И девочки приходят тоже. А вот Порфирий плох. Боюсь, что долго не протянет, больно уж стар и грузен. Почти не встаёт. Но голова у старика работает, как надо. Велел тебе привет и поклон передавать!

Это было больно слышать. Знакомство с этим человеком заставило Маранту поверить в человеческую доброту и мудрость, несмотря на то, что Порфирий был выпивоха и домосед, а не герой и не учёный.

Из Золас-града явились Ханна и Теренций, а с ними ещё пяток постаревших молодцов из банды Золаса, имён которых Маранта не помнила. Ханна, похоже, стареть не собира-

лась. Маранте показалось даже, что у неё меньше морщин, чем в те годы, когда они вместе служили в Гвардии, ведь Ханна уже тогда была не молода. Теренций выглядел хорошо просушенным годами стариканом, но был бодрым и подвижным. Вот с кем у неё вышло действительно сердечное приветствие! Глава Золас-града не забыл, как они с атаманом спасли его, вытащив из пыточной камеры, и вывезли из столицы Лоргина едва живого и в полном беспамятстве.

Эти привели с собой пятьдесят бойцов, и Маранта насчитала среди них пятнадцать девушек. Похоже, у Ханны дело было поставлено по серьёзному.

А вот третья группа гостей заставила Маранту раскрыть рот от изумления. Во-первых, она была самая многочисленная – двести воинов в расшитых кафтанах и лихо заломленных шапках. За широкими поясами этих молодцов поблёскивали новенькие длинноствольные револьверы и рукояти старинных кинжалов. На боку у каждого висела сабля или шашка, явно предназначенные для кавалерийского боя, но не менее страшные в пешем строю, а за плечами виднелись внушительные луки и колчаны со стрелами.

Видно было, что в лесу эти лихие молодцы чувствовали себя неуютно. Их стихией была степь, и вероятно табун злых, свирепых коней, под охраной таких же наездников дожидается хозяев там, где заканчивается каньон и начинаются южные пустоши.

Во-вторых, именно они привели с собой беженца – боль-

шого, наверно некогда сильного человека, который сейчас был совершенно сломлен душевно и физически. Он был очень худ – кожа да кости. Вероятно, голодал не менее четырёх – пяти недель, пробавляясь подножным кормом. Глядел этот бедолага перепугано, исподлобья, словно ждал, что окружающие вот-вот начнут его жестоко бить, хотя обращались с ним деликатно, разве что чуть-чуть грубовато, как с непонятливой, упрямой скотиной, которую вовсе не собираются обижать. Он был явно до полусмерти напуган, так-как при каждом резком звуке втягивал голову в плечи и едва сдерживался, чтобы не завопить от ужаса.

А, в-третьих, что было самым удивительным для Маранты – впереди всей этой армии, с трудом переставляя ноги, почтительно поддерживаемый с двух сторон крепкими молодцами, шёл не кто иной, как Зигмунд, собственной персоной!

Вот уже лет пять, как прошёл слух, что он не то погиб, не то умер от глубокой старости, ан-нет! Двигается вон, почти самостоятельно, смотрит весело, на лицо совсем такой же, разве что нет на нём знаменитых доспехов, без которых воительница не могла припомнить своего бывшего товарища по оружию.

– Здравствуй, Мара! Здравствуй, детка!

Любому другому Маранта эту "детку" засунула бы... Да и какая она уж там "детка" в свои шестьдесят четыре года? Но Зигмунд имел перед другими особые права, поэтому она не только не обиделась, а обняла старика и долго пожимала

его руку, в которой уже не было той рыцарской мощи, с коей мог поспорить, разве что Золас.

– Здравствуй, дружище, с чем пожаловал? – сказала она, чувствуя, как к горлу подкатывает неожиданный комок.

– С лихими вестями, Мара, с лихими! Видишь этого бедолагу? Так вот, он – единственный кто спасся из Торгового города. Да, да! Представь себе – монстры! Как тогда у нас, только пострашнее. Я посылал своих на разведку, так один сгинул, а двое других твердят – город пуст, как выеденная скорлупа от яйца. Ну, конечно, нельзя судить, всех там съели или нет, но ясно одно – Торговому городу конец, нет больше там торговли!

Маранта ахнула. Торговый город у них недолюбливали за подлость и стяжательство его правителей, но все понимали, что это самое цивилизованное место обозримого мира, а торговля с ним приносила ощутительную пользу не только их тройственному союзу, но и восточным варварам, наиболее продвинутым из которых был дружественный клан Рыжего Вана.

Потеря такого центра может привести к перестановке сил, развитию одних, упадку других и, как следствие, к новым войнам. Голова шла кругом от нахлынувших мыслей и чувств. Но ведь были ещё и монстры! Вот уж где о них не было слышно, так это на территории подвластной Торговому городу. А вот – получите! Но, что же дальше? Кто следующая жертва? Золас-град? Форт Альмери? Или эти твари

придут громить Междустенье?

Во всех этих местах люди готовы встретить нападающих, будь то монстры или вражеская армия, но ведь любая война это удар по маленьким государствам, что складываются во-круг их городов, это кровь и смерть, уносящая бесценные че-ловеческие жизни, это гибель трудов множества людей, это отступление на множество шагов назад от цели, которую на-метили те, кто хочет видеть свои дома в достатке и процве-тании!

– Пойдёмте все к нам, – сказала Маранта, обращаясь к во-ждям прибывших делегаций. – Негоже такие дела обсуждать под открытым небом. Своим скажите, чтобы стали лагерем близ ворот, как всегда. Им принесут всё необходимое рань-ше, чем они успеют разбить палатки.

Сказав это, она повернулась к троице внуков, конечно ошиивавшихся поблизости, секунду смотрела на них, после чего распорядилась с воинской лаконичностью:

– Михал – к старейшинам, Расскажи всё что видел и слы-шал, Микаэль – домой, предупреди маму, что сейчас будут гости, Ван – к дяде Руфусу, скажи, чтобы был у нас так быст-ро, как только сможет.

Мальчишки исчезли, словно растаяли в воздухе. Маранта с гостями не успела ещё дойти до ворот, а Междустенье уже гудело, как потревоженный улей.

Глава 45. Везунчик

– Я не был в тот день ни в Цирке, ни в церкви, и потому, наверное, остался жив.

Вестник – беженец, наверно повторял свою историю в десятый раз или больше, но всё равно его трясло от пережитого страха или волнения, а скорее от того и другого сразу.

– Никогда не думал, что проигрыш в кости может быть к удаче! Я накануне проиграл всё, что наторговал за полгода, а потом с горя так накачался дешёвым пойлом, что еле дополз до своей конуры в том же кабаке. Потому-то я и не пошёл в Цирк, где должен был состояться бой нашего чемпиона с какой-то заезжей знаменитостью. Когда продрал глаза, понял, что в церковь тоже идти не стоит – поздно уже, да и видок у меня не тот, а самое главное – жертвовать нечего. Инци не поймёт, если к нему сунешься с пустыми карманами...

– У-у, язычники! – с сердцем прервал его, вдруг помрачневший Руфус. – Инци всегда поймёт того кто приходит к нему с открытым сердцем, искреннем раскаянием и мольбой идущей от души, если это мольба о благе, конечно же. И не нужны никакие пожертвования Ему – истинному Владыке мира сего!

Беженец окончательно вжал голову в плечи и замолчал, зажмурившись. Казалось ещё немного, и он закроет голову руками и полезет под стол. Маранта укоризненно поглядела

на сына, но тот и сам уже всё понял и, как мог, смягчил свой голос, чтобы сказать:

– Не бойся, сын мой, здесь ты в безопасности, среди друзей, которые не дадут тебя в обиду и всячески защитят. Прости, что я так строго говорил с тобой. Твоё невежество мы исправим несколько позже, а сейчас, пожалуйста, продолжай!

Беженец несколько раз вздохнул, собираясь с мыслями, отхлебнул из своей чаши медовухи крепкого настоя и продолжил:

– В общем, решил я остаться дома. В карманах завалилась ещё кое-какая мелочь и я спустился вниз, чтобы заказать себе того же или какого другого вина на опохмелку, да подумать над своей судьбой. Хозяин у меня был мужик понимающий, сказал, что угостит кружечкой чуток получше той кислятины, которой я залился накануне, и сам за ней, за этой кружечкой, пошёл. Я, тем временем, сел в угол, где меня не видно и стал думать думу свою невесёлую. Настроение было – швах, с таким хоть удавиться. Впрочем, лезть в петлю мне было рано – долгов у меня нет, значит над душой кредиторы не стоят, человек я торговый, оборотистый, хоть всего и третьей гильдии купец, но в городе меня знают и ссуду дадут подпадающие проценты. Вывернусь! Пусть и с небольшой прибылью, но вывернусь, встану на ноги. Ну, сдураковал, с кем не случается? Будем считать нынешнюю конфузию за дорого оплаченный урок!

Вот я сижу и думаю себе, и тут примечаю, что хозяин с обещанной кружечкой чой-то не идёт и не идёт. Я уже рад бы вместо хорошего вина любой дряни глотнуть, так у меня в горле пересохло. Тогда я зову младшенькую дочку хозяйскую, (ох и была вострушка, четырнадцати всего годков, а уж глазки-то мастерски строила!), и прошу её сходить посмотреть, куда это батька ейный запропастился? Пошла она и только скрылась за дверью в подвал, так ну, давай визжать! И визжит, и визжит, как резаная! Там в зале, кроме меня только два пьянчужки было, тоже похмельные, так все повскакали и я в том числе, на помощь, значит, бежать, да тут визг и прекратился...

И тут-то из двери в погреб, (она, как раз с другой стороны зала, против того угла, где я помещался), вылетело что-то круглое такое, как мяч, и прямо мне в руки. Я по привычке-то поймал, ведь я с малолетства в мяч игрок, а штука эта – голова девчонкина, как ножом срезанная! Я держу её, и поверить не могу, смотрю, как дурак, а она на меня тоже глазками-то смотрит и губами шевелит ещё, как будто сказать хочет что-то! Уж не знаю, сколько я держал её – пальцы свело. Наверное, недолго, а показалось – вечность!

Тут оба пьянчужки, (они-то не видали, что мне такое в руки влетело), в дверь подвала возьми да сунься. А оттуда копыя – не копыя, шипы – не шипы... в общем, проткнуло обоих, прямо повисли на этих штуках, даже пикнуть не успели. Смотрю – лезет из подвала, что-то вроде рака, только клеш-

ней больше и глаз, и усов или шипов там, не знаю.

И застряла она, тварь эта, не идёт дальше – проход видно узкий. Только это меня и спасло. Уж не знаю, как меня на улицу ноги вынесли, а там... Вот поверите ли? Кишмя кишат! Из всех домов лезут, из дверей, из окон, большие, маленькие... И такие жуткие – сплошные когти да жвала! И куда бежать прикажете? На всей улице ногой ступить некуда, сплошные чудовища! И тут одно на меня, ка-ак пасть раззявит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.